

Э.Р. ГАФУРОВА

ПРИМЕНЕНИЕ КРАЙНЕЙ
НЕОБХОДИМОСТИ
И ИНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ,
ИСКЛЮЧАЮЩИХ
ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ
ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ЗАЛОЖНИКОВ

Ижевск
2008

**Министерство внутренних дел Российской Федерации
Нижегородская академия
Ижевский филиал**

Э. Р. ГАФУРОВА

**ПРИМЕНЕНИЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ
И ИНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ,
ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ
ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ЗАЛОЖНИКОВ**

Монография

**Ижевск
2008**

Рецензенты:

Батаев И.А., заместитель начальника ИФ НА МВД России по учебной и научной работе, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Удмуртской Республики, полковник милиции.

Ившин В.Г., директор Института права, социального управления и безопасности ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент.

Гафурова Э.Р. Применение крайней необходимости и иных обстоятельств, исключающих преступность деяния при освобождении заложников: Монография. – Ижевск: Ижевский филиал Нижегородской академии МВД России, 2008. – 154 с.

Монография представляет собой исследование проблем правомерности причинения вреда сотрудниками правоохранительных органов в ходе освобождения заложников с учетом положений уголовного закона об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Захват заложников в работе рассмотрен как основание применения уголовно-правовой нормы о крайней необходимости, а также как основание применения иных обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Данная работа предназначена для научных работников, специалистов в области уголовного права и криминологии, преподавателей, адъюнктов, аспирантов, курсантов, слушателей и студентов юридических вузов, практических работников правоохранительных органов.

ББК 67.408

© Гафурова Э.Р., 2008

© Ижевский филиал Нижегородской академии
МВД России, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
---------------	---

Глава I. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: характеристика и использование при освобождении заложников.....	7
1.1. Захват заложников как основание применения обстоятельств, исключающих преступность деяния.....	7
1.2. Необходимая оборона и причинение вреда при задержании лица, совершившего захват заложников.....	22
1.3. Обоснованный риск при освобождении заложников.....	47
1.4. Крайняя необходимость: понятие и условия ее правомерности при освобождении заложников.....	59

Глава II. Особенности применения крайней необходимости в условиях захвата и освобождения заложников.....	88
2.1. Правовое регулирование применения крайней необходимости при освобождении заложников.....	88
2.2. Конкуренция приоритетов и ценностей объектов уголовно-правовой охраны в процессе реализации крайней необходимости при освобождении заложников.....	113

Заключение.....	128
Список использованной литературы.....	132
Приложение.....	144

ВВЕДЕНИЕ

Данные о современном состоянии преступности в России позволяют говорить о том, что оно сегодня представляет реальную угрозу национальной безопасности страны. Происходят такие неблагоприятные качественные изменения преступности, как рост числа посягательств на жизнь, здоровье людей, общественную безопасность; увеличение масштабности преступлений, влекущих большие человеческие жертвы; усиление жестокости действий преступников. Последние пятнадцать лет международное общество испытывает все возрастающий натиск преступлений террористического характера, к числу которых относится захват заложников (ст. 206 УК РФ).

Трагические события в Буденновске, в Москве на мюзикле «Норд-Ост» и в Беслане показали, что и захват, и освобождение заложников сопровождаются гибелью как самих заложников, так и лиц, их освобождающих, причинением большого имущественного ущерба, нарушением нормального порядка функционирования государственных органов, общественного порядка и общественной безопасности в целом.

В последние годы по России регистрируется некоторое снижение общего количества преступлений, предусмотренных ст. 206 УК РФ: в 2000 году их число составило 49, в 2001 г. – 32, в 2002 г. – 51, в 2003 г. – 24, в 2004 г. – 23, а в 2005 г. – 20. Вместе с тем повышается степень их общественной опасности, прежде всего, проявляющейся в количестве захваченных в заложники лиц, среди которых все чаще оказываются женщины, дети и даже грудные младенцы. Так, если в 80-90-х годах прошлого столетия среднее количество заложников составляло 2-5 человек, то в начале XXI века известны случаи захватов 800-1000 и более человек. О повышении степени общественной опасности свидетельствует и количество жертв (погибших и раненых) среди заложников и использование преступниками оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств.

В отличие от других преступлений (например, убийств, краж, грабежей) захват заложников требует от правоохранительных органов решения двуединой задачи. Во-первых, освобождение заложников, а во-вторых, нейтрализация преступников, захвативших заложников. Решение данной задачи в значительной степени определяется Конституцией России, закрепившей положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. При-

знание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства.

Реализуя данную задачу, сотрудники правоохранительных органов, в компетенцию которых входит освобождение заложников, руководствуются в своей деятельности Федеральным законом «О противодействии терроризму»¹, другими федеральными законами, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, а также изданными на их основе нормативными правовыми актами (в том числе и межведомственными). Однако при освобождении заложников сотрудники правоохранительных органов вынуждены предоставлять преступникам средства передвижения, оружие, обещающая выполнить их требования ради спасения жизни захваченных лиц. По окончании специальной операции возникает необходимость оценки правомерности действий сотрудников правоохранительных органов, в период ее проведения и причинивших вред собственности, здоровью, а иногда и жизни заложников.

Единственным нормативно-правовым актом, который может дать ответ на вопрос о правомерности действий сотрудников правоохранительных органов, является Уголовный кодекс РФ. Именно он, во-первых, определяет преступность и наказуемость деяния; во-вторых, позволяет оценить правомерность действий сотрудников правоохранительных органов при освобождении заложников с учетом обстоятельств, исключающих преступность деяния. Кроме того, только УК РФ позволяет привлечь лиц, захвативших заложников, к уголовной ответственности и назначить им справедливое наказание.

Уголовный кодекс РФ предусматривает ряд обстоятельств, исключающих преступность деяния, которыми могут руководствоваться сотрудники правоохранительных органов при освобождении заложников.

Поскольку перед правоохранительными органами стоит задача не только освобождения заложников, но и нейтрализации преступников, постольку их действия подпадают под целый ряд обстоятельств, исключающих преступность деяния, к числу которых относятся: необходимая оборона (ст. 37 УК), причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК), обоснованный риск (ст. 41 УК); а также могут применяться нормы о физи-

---

¹ Федеральный закон от 06.03.2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с последними изменениями от 27.07.2006 года).

ческом или психическом принуждении (ст. 40 УК), исполнении приказа или распоряжения (ст. 42 УК). Особенностью специальной операции по освобождению заложников является то, что в ней участвует большое количество сотрудников правоохранительных органов. Поэтому в зависимости от тех функций, которые они выполняют, одни из них могут находиться в состоянии необходимой обороны, другие - в состоянии причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, третьи – обоснованного риска. Однако основная задача специальной операции - освобождение заложников, поэтому центральное место среди обстоятельств, исключающих преступность деяния, используемых сотрудниками правоохранительных органов при освобождении заложников занимает норма о крайней необходимости, так как она позволяет обеспечить приоритет защиты прав лиц, подвергающихся захвату. От того, насколько сотрудники правоохранительных органов правильно применяют указанную норму, в значительной степени зависит результативность деятельности по освобождению захваченных лиц и в конечном итоге – жизнь, здоровье, свобода заложников. Автор акцентирует внимание на том, что главным образом исследуется сфера отношений, возникающих между сотрудниками правоохранительных органов и заложниками, а также между сотрудниками правоохранительных органов и преступниками.

Гибель заложников в процессе их освобождения требует правовой оценки действий сотрудников правоохранительных органов, которая может быть проведена с учетом обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотренных Уголовным кодексом РФ.

Особое значение в этой связи приобретает концептуальное обоснование уголовно-правовых особенностей реализации обстоятельств, исключающих преступность деяния в условиях освобождения заложников.

Глава I.

Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: характеристика и использование при освобождении заложников

1.1. Захват заложников как основание применения обстоятельств, исключаящих преступность деяния

Из многочисленных публикаций¹ может сложиться мнение, что захват заложников – порождение XX века. Однако это не совсем так. Этот вид преступления истории давно известен. Уже в древние времена он широко использовался как универсальный способ решения конфликтных проблем, а также для обогащения.

Одним из древнейших способов захвата заложников было морское пиратство. И хотя захват людей использовался главным образом для дальнейшей продажи в рабство, нередко люди захватывались также для получения выкупа или обмена пленными².

Самыми первыми печально знаменитыми пиратами в древнем мире были греки – люди, считающиеся родоначальниками европейской цивилизации. Сам великий Ахиллес был пиратом, равно как и Одиссей (в римской мифологии – Улисс), который, как описывает Гомер в «Одиссее», рассказывает царю Алкиною, что он со своими моряками высадился на Исмаре и «разорили город, убивая мужчин, забирая в плен и похищая добро...»³.

Пираты часто захватывали знатных людей из портовых городов и требовали за них выкуп как условие освобождения. Так, французский флибустьер Граммон при осаде г. Кампече захватил более 20 жителей и потребовал за них выкуп, после отказа городских властей выполнить требование приказал отрубить головы пяти заложникам⁴.

Нередко целью удержания заложника было обеспечение личной безопасности. Юлий Цезарь, высадившийся в 48 г. до н.э. с не-

¹Беляева Н.В., Орешкина Т.Ю. Уголовная ответственность за захват заложников // Насильственные преступления: Сборник статей. - М., 1994. - С. 35.

²Резепкин О.Ю., Журавлев И.А. Захват заложника. Уголовно-правовая регламентация проблемы: Монография. - М., 2003. - С. 5.

³Уилсон К. Мир криминалистики. В 2 т. / Пер. с англ. - Смоленск, 1997. Т. 1. - С.123-140.

⁴Нойкирхен Х. Пираты: морской разбой на всех морях / Пер. с нем. - М., 1980. - С. 179.

большим отрядом в Александрии, некоторое время фактически находился в положении осажденного во дворце и, если бы не нахождение при нем в качестве заложника младшего брата (и мужа) Клеопатры – Птолемея XIII, мог бы погибнуть¹.

Захват и удержание людей в качестве заложников были известны также и на территории современной России. Такой прием воздействия на «Русский улус» использовали правители Золотой Орды. В Золотой Орде фактически в качестве заложников русские князья и княжичи жили многие месяцы, а иногда и годы. Некоторые из них погибли, будучи заложниками. Так, по свидетельству русского историка Н.И. Костомарова, отец Александра Невского неоднократно бывал в Золотой Орде, где и умер (был отравлен ордынцами)².

Новейшая история также демонстрирует весьма широкое распространение захвата заложников как в мирное, так и военное время.

Н.Н. Козлова в своем диссертационном исследовании, посвященном захвату заложников, со ссылкой на работу С.П. Мельгунова³ приводит данные о практике захвата заложников со стороны советского государства.

Современный исторический этап характеризуется значительным количеством локальных войн и конфликтов, в ходе которых заложничество становится массовым явлением. Заложников захватывают и удерживают для последующего обмена на пленных⁴. Однако в СССР до начала 70-х гг. не было подобных преступлений. Первым случаем стал захват рейсового пассажирского самолета АН-24 отцом и сыном Бразинскасами и угон его в Турцию. При этом была убита стюардесса Н. Курченко.

Ответственность за захват заложников впервые была введена в УК РСФСР 17 июля 1987 года в связи с ратификацией Советским Союзом Международной конвенции № 34/146 о захвате заложников.

Статья 126¹ была закреплена УК РСФСР 1960 г. в 1987 г. «Начиная с этого времени, - как отмечает В.А. Осипов, - должны были появиться и статистические данные о захватах заложников, но в си-

¹Дуров В.С. Юлий Цезарь: Человек и писатель. - Л., 1991. - С. 96.

²Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 2-х т. Т. 1. - С. 159.

³Мельгунов С.П. Красный террор в России. - СПб., 1999.

⁴Найер А. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. - М., 2000. - С. 238.

лу наличия примечания к этой статье факты захватов заложников долгое время не находили отражение в статистике»¹. Так, например, не были отмечены как захват заложников преступные действия 8 марта 1988 года семьи Овечкиных, которые, захватив самолет с пассажирами, требовали вылета в Лондон. По результатам отдельных исследований, только в исправительно-трудовых учреждениях и следственных изоляторах с 1986 по 1990 г. было совершено «160 захватов 347 заложников, в которых приняли участие 635 осужденных и заключенных под стражу»².

В статье 126¹ УК были допущены неточности. Во-первых, неправильно определен объект посягательства. Поместив статью 126¹ в главу 3, законодатель тем самым определил основной объект этого преступления как личность. Однако личность конкретного заложника, как правило, вообще безразлична для преступника. Она представляет для него интерес лишь как общественная ценность, которую будет защищать общество или государство. Поэтому личность не должна рассматриваться здесь как основной объект посягательства. Во-вторых, диспозиция ст. 126¹ текстуально воспроизводила основные признаки захвата заложников как международного преступления. Кроме того, статья сопровождалась примечанием, в котором было указано, что «действие настоящей статьи не распространяется на случаи совершения такого преступления на территории СССР, когда лицо, захватывающее или удерживающее заложника, находится на территории СССР, и это лицо, а также заложник являются гражданами СССР».

Таким образом, был применен принцип универсальности включения в национальное законодательство этой нормы, который выразился в ограничениях по применению нормы по субъекту, потерпевшему и территории. Поскольку на территории СССР преступления совершались, как правило, именно гражданами СССР и потерпевшими оказывались также граждане СССР, что свело применение нормы практически к нулю.

В такой редакции ст. 126¹ оставалась недействующей на протяжении пяти с лишним лет, и только Законом РФ от 18 февраля 1993 г. примечание к ст. 126¹ было исключено из УК. Фактически рассматриваемая норма «заработала» именно с этого времени.

¹Осипов В.А. Захват заложника: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1999. - С. 24.

²Лоскутов А. Пресечение захвата заложников // Социалистическая законность. 1991. № 12. - С. 37.

Следует указать, что до отмены примечания к ст. 126¹ УК РСФСР случаи захватов в качестве заложников граждан России российскими же гражданами квалифицировались обычно как незаконное лишение свободы, вымогательство, действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, либо как побег из мест заключения или из-под стражи¹.

В настоящее время Уголовным кодексом России захват заложников предусмотрен ст. 206. Название статьи также подверглось изменению, статью 206 УК РФ законодатель сформулировал как «захват заложника».

Следует отметить, что, несмотря на название ст. 206 УК РФ «захват заложника», законодатель не дает основания считать, что уголовная ответственность возникает только при наличии одного потерпевшего, в связи с тем, что п. «ж» ч. 2 ст. 206 УК предусматривает в качестве отдельного квалифицирующего признака захват двух и более лиц. И наоборот, ранее действующая ст. 126¹ УК РСФСР «захват заложников» не давала основания считать, что уголовная ответственность наступала только при наличии нескольких потерпевших, так как в самой статье речь шла о захвате «лица» в качестве заложника.

Таким образом, автор по тексту говорит о «захвате заложников», считая данную формулировку более приемлемой. К тому же обращаем внимание на формулировку Международной конвенции по данному вопросу: «О борьбе с захватом заложников», принятой в Нью-Йорке в 1979 году.

В отдельных случаях захват заложников может рассматриваться как террористические действия. Захват заложников наряду с такими преступлениями, как акты насилия, направленные против средств воздушного транспорта, преступления, совершенные с использованием взрывчатых веществ, бомб, огнестрельного оружия, посылок со взрывчатыми веществами, согласно Европейской Конвенции по борьбе с терроризмом относятся к террористическим актам².

Сейчас заложничество, как и рабство, широко распространено в Чечне. Именно чеченскими террористами совершены массовые

---

¹Беляева Н., Орешкина Т., Мурадов Э. Квалификация захвата заложников // Законность. 1994. № 7. - С. 18-22.

²Европейская Конвенция о пресечении терроризма. Подписана в Страсбурге 27 января 1977 г. // Собрание законодательства РФ. 2003. № 3. Ст. 202.

захваты заложников, в Буденновске, Беслане, на «Норд-Осте», которые потрясли весь мир.

Так, достаточно вспомнить кровавый рейд по Ставрополю 140 чеченских боевиков во главе с Шамилем Басаевым. 14 июня 1995 года они захватили больницу в городе Буденновске. В заложниках оказались 1600 человек. Басаев выдвинул требования по обеспечению собственной безопасности (предоставить возможность беспрепятственно возвратиться в Чечню) и политического характера (вывести из Чечни все федеральные вооруженные силы, а руководству Российской Федерации начать переговоры с Дудаевым). Специальная операция по освобождению заложников длилась 5 дней. В итоге боевики вернулись в Чечню на автобусах. Общее число погибших составило 146 человек, 415 были ранены. Городу нанесен ущерб в 95 млн. рублей в ценах 1995 года.

«Подвиг» Басаева через полгода решил повторить зять Джохара Дудаева Салман Радуев. 9 января 1996 года он во главе 200 чеченских боевиков вошел в дагестанский город Кизляр, захватил здание родильного дома и городскую больницу. В заложниках оказались более 3 тысяч человек. В результате боестолкновения в городе Кизляре было уничтожено 29 и ранено 20 террористов. Террористами убито 24 мирных жителей, свыше 30 ранены. Путем переговоров по освобождению заложников их количество было доведено до 110-120 человек. Не вызывает сомнения, что захват заложников в Кизляре планировался по сценарию, отработанному в Буденновске.

Повышенная опасность приведенных примеров объясняется как материальным и физическим ущербом от совершения преступления, так и моральными издержками, тем, что они вызывают большой общественный резонанс, дестабилизируют обстановку в обществе, подрывают доверие граждан к органам власти.

Захват заложников относится к числу тех преступлений (наряду с преступлениями, предусмотренными ст. 126, 127¹ УК РФ), которые требуют от правоохранительных органов решения двуединой задачи: освобождения заложников и обезвреживания лиц, их захвативших. Это происходит потому, что перечисленные составы преступлений посягают на свободу человека.

От других преступлений захват заложников отличает то, что для выполнения указанной двуединой задачи, для пресечения данного преступления привлекается большое количество сотрудников правоохранительных органов. Под руководством оперативного

штаба, на который возлагается вся ответственность за подготовку и проведение операций по локализации и пресечению чрезвычайных обстоятельств, связанных с захватом заложников; сведение к минимуму возможных опасных последствий, в том числе материального и иного ущерба интересам третьих лиц, создаются около двадцати различных оперативно-боевых и обеспечивающих групп. Среди них группы оцепления, блокирования, ведения переговоров, захвата, прикрытия, эвакуации, пожаротушения и аварийно-спасательных работ, медицинского обеспечения и другие.

Каждой группе, участвующей в проведении спецоперации по освобождению заложников, присущи свои функции. Следовательно, не каждый участник спецоперации по освобождению заложников вправе применять то или иное обстоятельство, исключаящее преступность деяния, а лишь то, которое непосредственно вытекает из его должностных обязанностей. Например, группа оцепления, наряду с другими функциями, обязана задерживать и обезвреживать лиц, захвативших заложников, в случае их прорыва через посты блокирования. Следовательно, группа оцепления в своей деятельности вправе применять нормы о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 37, 38 УК РФ). Группа ведения переговоров действует в состоянии крайней необходимости (ст. 39 УК РФ). Группа захвата осуществляет по решению руководителя операции штурм, задерживает и обезвреживает лиц, захвативших заложников. Следовательно, группа захвата при выполнении возложенных на них функций может действовать в соответствии с нормами о необходимой обороне, обоснованного риска и крайней необходимости. Группа прикрытия, в которую входят снайперы и наблюдатели, по команде руководителя операции ведут огонь на поражение лиц, захвативших заложников, действуя в состоянии необходимой обороны.

Таким образом, захват заложников порождает право на действия в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, и обоснованного риска.

В отличие от других преступлений (например, убийства, краж, грабежей) захват заложников требует от сотрудников правоохранительных органов решения двуединой задачи: во-первых, освобождения заложников, а во-вторых, нейтрализации лиц, их захвативших. Основная задача правоохранительных органов при захвате заложников не задержание преступников, а освобождение захвачен-

ных. Безусловно, задержание и привлечение лиц, совершивших преступление к ответственности необходимо, но самый важный и сложный момент – это правильное освобождение захваченных лиц.

Согласно ст. 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы провозглашаются высшей ценностью. Поэтому при захвате заложников на первом месте стоит задача не нейтрализации преступников, а поиска путей для освобождения заложников.

Кроме того, ст. 2 Закона «О милиции»¹ закрепляет ее основные задачи и, в первую очередь, среди них называет обеспечение безопасности личности. И только после говорит о предупреждении и пресечении преступлений и административных правонарушений; выявлении и раскрытии преступлений; охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности; защите частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности; оказании помощи физическим и юридическим лицам в защите их прав и законных интересов в пределах, установленных настоящим Законом. Следовательно, и при захвате заложников приоритет должен принадлежать обеспечению безопасности личности, то есть освобождению заложников.

Экстремальные условия при захвате заложников возникают, как правило, внезапно, появляются стремительно и не всегда поддаются контролю. Они приводят к серьезным нарушениям нормального ритма общественной жизни (иногда очень длительным), гибели и увечьям людей, уничтожению и повреждению материальных ценностей².

Очевидно то, что захват заложников является экстремальной ситуацией, в которой правоохранительные органы обязаны выполнять профессиональные задачи. При освобождении и нейтрализации преступников не исключено причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам. Вред, причиняемый сотрудниками правоохранительных органов в общественно полезных целях – освобождения заложников и задержания преступников, – носит вы-

¹ Закон РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» (с изменениями от 18 февраля, 1 июля 1993 г., 15 июня 1996 г., 31 марта, 6 декабря 1999 г., 25 июля, 7 ноября, 29 декабря 2000 г., 26 июля, 4 августа, 30 декабря 2001 г., 25 апреля, 30 июня, 25 июля 2002 г., 10 января, 30 июня, 7 июля, 8, 23 декабря 2003 г., 20 июля, 22 августа 2004 г., 21 марта, 1 апреля, 9 мая 2005 г., 8 июня, 18, 25, 27 июля, 18 декабря 2006 г., 2 марта 2007 г.).

² Демидов Ю.Н. Уголовно-правовые меры борьбы с правонарушениями в экстремальных условиях. - М., 1993. - С. 8.

нужденный характер и регулируется институтом обстоятельств, исключающих преступность деяния.

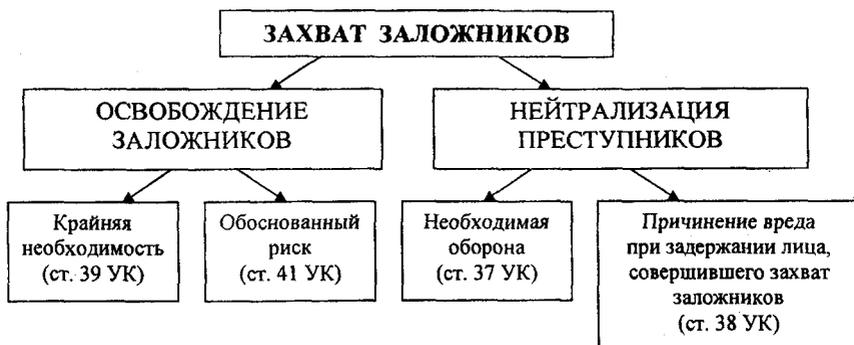

Схема 1. Применение обстоятельств, исключающих преступность деяния при освобождении заложников.

Как справедливо отмечает Ю.В. Баулин, - «при уяснении юридической природы обстоятельств, исключающих преступность деяния, исходная позиция заключается в том, что поведение, совершенное при наличии любого из этих обстоятельств, является правомерным»¹.

Согласно ст. 21 ранее действующего Федерального закона от 25 июля 1998 года № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом»², «при проведении контртеррористической операции на основании и в пределах, которые установлены законом, допускается вынужденное причинение вреда жизни, здоровью и имуществу террористов, а также иным правоохраняемым интересам. При этом военнослужащие, специалисты и другие лица, участвующие в борьбе с терроризмом, освобождаются от ответственности за вред, причиненный при проведении контртеррористической операции, в соответствии с законодательством Российской Федерации».

¹Баулин Ю.В. Уголовно-правовые проблемы учения об обстоятельствах, исключающих преступность (общественную опасность и противоправность) деяния: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - Харьков, 1991. - С. 25.

²Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3808.

С 1 января 2007 года полностью¹ вступил в действие Федеральный закон «О противодействии терроризму». В нем процитированное положение предыдущего закона конкретизируется и сформулировано следующим образом: «Лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда здоровью или имуществу такого лица либо иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством РФ, являются правомерными» (ст. 22 ФЗ).

Обстоятельствам, исключающим преступность деяния, посвящена глава 8 Уголовного кодекса Российской Федерации. В ней (в отличие от советского уголовного законодательства, предусматривавшего лишь необходимую оборону и крайнюю необходимость) закреплено шесть обстоятельств, при которых причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам не является преступным:

- 1) необходимая оборона (ст. 37 УК РФ);
- 2) причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК);
- 3) крайняя необходимость (ст. 39 УК);
- 4) физическое или психическое принуждение (ст. 40 УК);
- 5) обоснованный риск (ст. 41 УК);
- 6) исполнение приказа или распоряжения (ст. 42 УК).

Исполнение приказа или распоряжения является новым обстоятельством, исключающим преступность деяния, впервые включенным в УК РФ в 1996 году. Однако, несмотря на это, рассмотрению данного обстоятельства посвящены работы А.Ю. Девятко², В.В. Арестова³. В связи с этим, исполнение приказа или распоряжения и физическое или психическое принуждение рассматриваться в рамках данной работы не будут.

---

¹Согласно ст. 27 названного закона «Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования, за исключением ст. 18, 19, 21 и 23 Федерального закона. Указанные статьи вступают в силу с 01.01. 2007 г.».

²Девятко А.Ю. Исполнение приказа или распоряжения военнослужащими как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Дис. ...канд. юрид. наук. - М., 2004.

³Арестов В.В. Уголовно-правовые проблемы исполнения приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Дис.... канд.юрид.наук. - Саратов, 1999.

При захвате заложников вред причиняется в целом общественно значимым интересам – обеспечению безопасности условий жизни общества. Кроме того, захват заложников одновременно ставит в опасность жизнь, здоровье, собственность многих лиц. Ущерб может быть причинен различным интересам – жизни или здоровью не только заложников, но и иным лицам, их права и свободам, собственности, нормальной деятельности учреждений, общественному порядку.

Поэтому в процессе освобождения заложников и нейтрализации преступников правоохранительные органы могут использовать нормы о необходимой обороне, причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости и обоснованного риска. Следовательно, захват заложников как основание применения обстоятельств, исключающих преступность деяния, может рассматриваться как общественно опасное посягательство (при применении ст. 37, 38 УК); как источник грозящей опасности (при применении ст. 39 УК); и как основание применения нормы об обоснованном риске (ст. 41 УК).

А) Захват заложников как общественно опасное посягательство

Совершение захвата заложников свидетельствует о том, что налицо общественно опасное посягательство на общественную безопасность, права и свободы личностей заложников.

Согласно проведенному нами опросу граждан на вопрос «Насколько Вы чувствуете себя защищенным от преступных посягательств?» большинство опрошенных (54% респондентов) считают себя не защищенными вообще. Из общего количества, считающих себя не защищенными 42% опрошенных граждан считают себя не защищенными от причинения вреда здоровью; а 24% - от захвата в заложники.

Лицо, захваченное в заложники, вправе отразить посягательство своими силами, то есть вправе защищать собственную жизнь, здоровье, жилище, транспортное средство и т.д. Таким образом, самооборона лиц, захваченных в заложники, является их естественным правом на оборону от посягательства. В связи с этим, в ходе проведенного нами опроса, выяснилось, что 44% граждан знают о наличии в УК норм, предоставляющих возможность гражданам самим себя защищать.

Осуществление акта необходимой обороны при защите от захвата заложников - право заложников, которое они могут как реализовать, так и не реализовывать. Однако необходимая оборона предполагает защиту не только своих, но и любых других правоохраняемых интересов. Важно подчеркнуть, что УК закрепляет равенство граждан в реализации права на необходимую оборону «независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения» (ч. 2 ст. 37 УК РФ).

На определенной категории лиц лежит не только моральная, но и правовая обязанность обороняться от происходящего захвата заложников. К числу таких лиц и относятся сотрудники милиции, других подразделений органов внутренних дел, военнослужащие и в целом сотрудники правоохранительных органов. Захват заложников, будучи общественно опасным посягательством, таким образом, вызывает состояние обороны как у заложников, так и у сотрудников правоохранительных органов, которые обязаны освободить заложников.

Сотрудники правоохранительных органов, защищая жизни заложников, их права и другие охраняемые интересы общества или государства, обязаны отразить посягательство путем причинения вреда нападающим (лицам, захватившим заложников). Задержание лиц на месте совершения им захвата заложников, как правило, совпадает с пресечением посягательства со стороны преступников и поэтому не выходит за рамки необходимой обороны. Аналогично решается вопрос и в случае, если лица, захватившие заложников, оказывают сопротивление сотрудникам правоохранительных органов. Иное самостоятельное решение рассматриваемого вопроса требуется в случаях, когда состояние необходимой обороны отсутствует, так как задерживаемые лица уже не являются активной нападающей стороной, а пытаются уклониться от задержания.

Таким образом; захват заложников как общественно опасное посягательство порождает право на действия в состоянии необходимой обороны либо на причинение вреда при задержании лица, совершившего захват заложников.

Б) Захват заложников

как источник опасности в состоянии крайней необходимости

Состояние крайней необходимости может быть вызвано стихийными силами природы, нападениями животных, авариями, техногенными чрезвычайными ситуациями, общественно опасными

действиями человека. Следовательно, захват заложников – одна из ситуаций, вызывающая состояние крайней необходимости.

В современном русском языке опасность означает «возможность, угроза чего-нибудь опасного», то есть «способного вызвать, причинить какой-нибудь вред, несчастье»¹.

Состояние опасности, по В.И. Далю, – это «свойство лица оберегать, охранять, стеречь, сторожить, караулить, наблюдать, присматривать, брать под свою опеку, покровительство», наконец «быть заступником» чего- или кого-нибудь².

Действия в состоянии крайней необходимости чаще возникают при таких источниках опасности, как природные чрезвычайные ситуации (стихийные бедствия), техногенные чрезвычайные ситуации, нападения диких животных, чем при захвате заложников.

Так, например, от ЧС природного характера³ суммарный совокупный годовой ущерб России может достигать 5-7% от ее валового внутреннего продукта. По имеющимся данным и расчетам среднесреднегодных потерь, за 30 лет конца XX века в России от различных опасных природных процессов погибли десятки тысяч и пострадало около 540 тысяч человек. Суммарный экономический ущерб в ценах 1990 года составил 500-570 млрд. рублей.

Основные потери приносят наводнения (около 30%), оползни, обвалы и лавины (21%), ураганы, смерчи, сильные ветры (14%), лесные пожары (10%).

Что касается техногенных ЧС, то можно отметить, что на территории России функционирует около 45 тысяч пожаро-, взрывоопасных производств, в том числе около 3,3 тысяч химически опасных и более 700 крупных радиационноопасных объектов. Кроме того, в наиболее ответственных отраслях потенциально опасные объекты имеют выработку проектного ресурса на уровне 75-90%.

Аварии и катастрофы техногенного характера в России приобрели такой размах, что начали приводить к необратимым нарушениям экологии и оказывать существенное влияние на состояние безопасности населения и государства. Совокупный экономический

¹Ожегов С.И. Словарь русского языка. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. - М., 1988. - С.364.

²Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. - М., 1991. Т. 4. - С. 279.

³Следует отметить, что природные, техногенные ЧС предусмотрены ГОСТами: ГОСТ Р22.0.03-95 «Безопасность в ЧС. Природные ЧС»; ГОСТ Р22.0.02-94 «Безопасность в ЧС. Термины и определения основных понятий»; ГОСТ Р22.0.05-94 «Безопасность в ЧС. Техногенные ЧС. Термины и определения».

ущерб от техногенных ЧС, включая пожары, за год может составлять 3-4% от ВВП¹.

ЧС криминального характера по сравнению с ЧС природного и техногенного характера совершаются крайне редко. Свидетельством сказанному является приведенная таблица чрезвычайных ситуаций, произошедших на территории Российской Федерации в 2004 году²:

Таблица 1

Чрезвычайные ситуации, произошедшие на территории Российской Федерации в 2004 году

Чрезвычайные ситуации	Кол-во случаев	Кол-во погибших людей	Кол-во пострадавших людей
Техногенные ЧС (аварии, крушения поездов, автомобильные катастрофы, пожары)	863	1930	3504
Природные ЧС (землетрясения, ураганы, смерчи, снежные лавины, природные пожары)	231	27	16475
Пожары на объектах и в жилом секторе, обслуживаемых ГПС МЧС РФ	239286	19275	14058
ЧС криминального характера (захваты заложников и теракты)	287	—*	—
Из них захваты заложников	22	—	—

*Нет данных.

Таким образом, очевидно, что захваты заложников, по сравнению с другими чрезвычайными ситуациями, совершаются редко.

Однако захват заложников как источник опасности в состоянии крайней необходимости – это вид чрезвычайной ситуации, отличающийся от других источников опасности, чрезвычайных ситуаций.

¹ Фалеев М.И. Чрезвычайные ситуации – угроза безопасности России. Классификация ЧС. Статистика ЧС: анализ, уроки, выводы // Оперативное управление мероприятиями РС ЧС. Книга 1: Сборник лекций для руководящего состава МЧС России. 2-е изд. - Новогорск, 2004. - С. 12-37.

² Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. Научный информационный сборник /Гл.ред. Н.А. Махутов. - М., 2005. № 1. - С. 30.

Продемонстрируем сказанное, приведя классификацию источников опасности.

Во-первых, как нам представляется, в соответствии с ФКЗ РФ «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ¹, все источники опасности в состоянии крайней необходимости можно разделить на источники криминального и некриминального характера. Захват заложников является источником опасности криминального характера, противоправность данного источника опасности очевидна. Захват заложников рассматривается уголовным законодательством как тяжкое или особо тяжкое (при отягчающих обстоятельствах) преступление. Оно посягает на общественную безопасность, жизнь, здоровье, а также личную свободу и неприкосновенность человека, гарантированные Конституцией РФ.

Во-вторых, в зависимости от характера возникновения источника опасности их можно классифицировать на источники опасности, наступающие по независящим от воли людей обстоятельствам и зависимым от воли, желания людей. К первой группе относятся стихийные силы природы, нападения диких животных и т.п. Захват заложников относится ко второй группе, так как совершению данного вида преступления, как правило, предшествует подготовка.

Подготовка к захвату заложников включает два основных вида деятельности: интеллектуальную (мыслительную) и практическую. Такая подготовка предполагает:

- установление наблюдения за потенциальной жертвой (если жертва не выбирается произвольно, либо в процессе совершения другого преступного деяния);
- определение перечня выдвигаемых требований и круга лиц, которым данные требования и выдвигаются;
- подбор соучастников и распределение ролей;
- выбор орудий и других средств, необходимых для совершения преступления;
- разработку путей или вариантов отхода от места захвата либо удержания жертвы;
- иные действия².

О том, что захвату заложников предшествует подготовка, свидетельствует субъективная сторона захвата заложников, которая

¹Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2277.

²Оганян Р.Э. Предупреждение похищения людей: теория и практика. - М., 2002. - С. 84.

характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла и наличием специальных целей.

В-третьих, источники опасности можно разделить на две группы в зависимости от субъекта, призванного устранять их возникновение. При захвате заложников реагировать на происходящее, в первую очередь, призваны правоохранительные органы. При возникновении же других источников опасности (аварий, техногенных чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий) обязанности по их ликвидации возлагаются на сотрудников МЧС.

Итак, захват заложников – это один из видов источников опасности порождающий право на крайнюю необходимость, отличающийся от других источников опасности.

В) Захват заложников

как основание применения нормы об обоснованном риске

Если состояние крайней необходимости порождается грозящей опасностью - захватом заложников, то при обоснованном риске грозящая опасность уже существует (захват заложников уже совершен).

Таким образом, ситуация обоснованного риска при освобождении заложников возникает вследствие социально значимого поведения лиц, ответственных за освобождение заложников, которые сознательно идут на нарушение каких-то правил, положений в целях получения наилучшего результата.

Однако по этому поводу В.Н. Кудрявцев и А.В. Наумов отмечают, «статья 41 УК не предусматривает никакой фактической опасности, все спокойно, стабильно, неспокоен только человек-новатор, который хочет продвигнуться вперед в своей профессии»¹.

Ряд авторов высказали аналогичное мнение о том, что «обоснованный риск отличается от крайней необходимости в главном: при обоснованном риске нет столкновения двух правоохраняемых интересов, где более важный интерес спасается за счет менее важного. В статье 41 УК имеется в виду тот риск, на который лицо идет в нестандартных ситуациях, риск, связанный с новаторством, с освоением нового технологического процесса, операции, эксперимента, которые еще не урегулированы соответствующими правилами»².

¹Курс российского уголовного права. Общая часть. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. - М., 2001. - С. 462-463.

²Комментарий к УК РФ / Под общ. ред. В.М. Лебедева. - 2-е изд., перераб. и доп. - М., 2004. - С. 109.

С нашей точки зрения при захвате заложников возможен обоснованный риск, так как реальная опасность уже существует в действительности. При захвате заложников источником опасности для жизни многих людей является сам риск, а не существующая вне рискованных действий реальная опасность. Поэтому захват заложников может являться и основанием применения нормы об обоснованном риске.

Таким образом, автор приходит к выводу, что захват заложников может быть основанием применения необходимой обороны, причинения вреда при задержании лица, совершившего захват заложников, крайней необходимости, обоснованного риска. Однако для того чтобы установить, правомерны ли действия сотрудников правоохранительных органов при выполнении задач по освобождению заложников и нейтрализации преступников, необходимо соблюдение условий правомерности, которые будут рассмотрены в следующих параграфах работы.

1.2. Необходимая оборона и причинение вреда при задержании лица, совершившего захват заложников

Необходимая оборона предусмотрена ст. 37 УК РФ. Право сотрудников правоохранительных органов на необходимую оборону порождает общественно опасное посягательство (захват заложников) на правоохраняемые интересы (общественную безопасность). В статье 37 УК РФ выделяются два вида посягательства. Первое – сопряженное с насилием, опасным для жизни, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Второе – не сопряженное с таковым.

Для того чтобы необходимая оборона была правомерна, должен соблюдаться ряд условий. Они достаточно изучены в теории уголовного права, но нуждаются в адаптации применительно к захвату заложников.

1. Посягательство должно быть **общественно опасным**. Согласно ст. 14 УК РФ общественная опасность – это основной признак преступления. Общественная опасность свойственна любому правонарушению, отличающихся характером и степенью общественной опасности. Общественная опасность захвата заложников имеет качественную (характер преступления) и количественную (степень) характеристики.

Захват заложников относится к категории многообъектных преступлений, где наряду с основным непосредственным объектом имеются дополнительный и факультативные объекты.

Основным непосредственным объектом захвата заложников являются общественные отношения в сфере общественной безопасности в связи с тем, что данное деяние наносит ущерб жизненно важным интересам всего общества, неопределенно широкому кругу лиц¹.

Дополнительным объектом преступления при захвате заложников являются охраняемые уголовным законом общественные отношения, составляющие личную свободу человека, его жизнь и здоровье.

Н.Н. Козлова считает объектом захвата заложников человека как носителя общественных отношений в связи с тем, что при захвате заложников иным объектам уголовно-правовой охраны ущерб может и не быть причинен, но человеку вред причиняется всегда. «Само название преступления, – подчеркивает она, – «захват заложника» говорит о том, что в первую очередь насилие (физическое, психическое) применяется к человеку, то есть именно ему причиняется вред в первую очередь»². Мы полностью согласны с Н.Н. Козловой, так как личности, бесспорно, отдан приоритет среди всех объектов уголовно-правовой охраны.

Факультативными объектами при захвате заложников являются, например, отношения собственности.

Учитывая характер и степень общественной опасности захвата заложников, законодатель относит его к числу тяжких преступлений, а при квалифицирующих обстоятельствах – к особо тяжким.

На степень общественной опасности захвата заложников влияет также форма вины субъекта совершенного преступления. С субъективной стороны захват заложников характеризуется прямым умыслом и специальной целью.

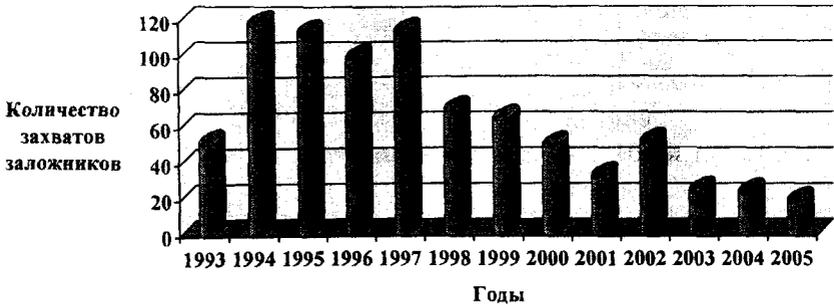
Об общественной опасности захвата заложников свидетельствуют не только их количество, но и применяемые преступниками способы их совершения.

---

¹Хотя в УК РСФСР 1960 года (по состоянию на 15 декабря 1993 года) основным объектом захвата заложников признавались жизнь, здоровье, свобода и достоинство личности.

²Козлова Н.Н. Указ. соч. - С. 42.

Диаграмма 1

И хотя в последние годы по России регистрируется снижение общего количества преступлений, предусмотренных ст. 206 УК РФ, но резонанс, который они вызывают в обществе, возрастает. О повышенной степени общественной опасности свидетельствует и количество лиц, захватываемых в качестве заложников. Так, если в 80-90-х годах прошлого столетия их среднее количество составляло 2-5 человек, то в начале XXI века известны случаи захватов 800-1000 и более человек.

Кроме того, повышенную степень общественной опасности подтверждает и вооруженность преступников. Согласно результатам проведенного нами исследования уголовных дел установлено, что примерно 80% подобных преступлений было совершено с применением оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств или предметов, используемых в качестве оружия.

Не вызывает сомнений возможность обороняться против общественно опасного посягательства (захвата заложников), если нападающие (лица, захватившие заложников) являются достигшими возраста для привлечения к уголовной ответственности и вменяемыми.

Так, по проведенному нами исследованию, можно констатировать, что захваты заложников в основном совершаются мужчинами (98,2%), из них в возрасте от 20-ти до 30-ти лет – 61,5%; в возрасте до 20-ти лет – 22%; еще реже – 14,7% - в возрасте более 40 лет. Женщины совершают подобные преступления всего в 1,8% случаях. Таким образом, можно сказать, что данный вид преступления совершается лицами мужского пола в возрасте от 20 до 30 лет. При этом из числа лиц, совершивших захват заложников, не имели постоянного источника дохода около - 70%, не имели семьи - 32%.

А.С. Михлин отмечал, что «образование в значительной мере накладывает отпечаток на формирование личности человека. У лиц с низким образовательным уровнем моральные факторы нередко играют незначительную роль»¹. Это подтверждают и полученные нами данные. Так, образование лиц, совершивших захват заложников, соответствовало следующим уровням: с начальным образованием – 4,8%; имели незаконченное среднее образование – 26,9%; среднее и среднее специальное – 66,9%; высшее – 1,4%.

Примерно 10% лиц, совершивших захват заложников, ранее не были судимы. Имели одну судимость – 22%, две судимости – 35%, три и более судимости – 36%. Характерно, что примерно 74% судимых ранее совершали преступления против личности или общественной безопасности и общественного порядка. Это позволяет судить о высоком уровне рецидива среди лиц, совершивших захват заложников.

Действия при необходимой обороне могут не являться преступными ввиду невменяемости лица, недостижения возраста уголовной ответственности. Мнения ученых по этому поводу разделяются.

Ряд ученых² считает, что необходимая оборона против указанных лиц допустима при условии, когда были исчерпаны другие способы пресечения посягательств и не было возможности избежать нападения малолетних.

Так, И.И. Слуцкий считал, что отнесение к правомерной обороне защиты от всякого объективно неправомерного действия путем причинения вреда источнику опасности без учета особенностей субъекта и субъективной стороны посягательства ведет к чрезмерному расширению понятия необходимой обороны, и на этом основании предлагал защиту от нападения заведомо невменяемого рассматривать по правилам крайней необходимости³. В настоящее время такая точка зрения высказывается О.О. Крысановым⁴.

¹Михлин А.С. Личность осужденных к лишению свободы и проблемы их исправления и перевоспитания. - Фрунзе, 1980. - С. 164.

²См.: Наумов А.В. Уголовное право. М., 1997. - С. 329; этой же позиции придерживается Н.Г. Кадников (см.: Уголовное право. Общая часть. - М., 1997. С. 369); Комментарий к УК РСФСР /Под ред. Ю.Д. Северина. - Изд. 2-е, доп. и перераб. - М., 1984. - С. 27.

³Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключющие уголовную ответственность. - Л., 1956. - С. 48-49.

⁴Крысанов О.О. Необходимая оборона: теория и практика применения (размышления на тему) // Следователь. 1997. № 2. - С. 63.

И.С. Тишкевич придерживается мнения, что защита от заведомо непроступных посягательств находится на грани между необходимой обороной и крайней необходимостью, обладая частью признаков той и другой¹.

Третья группа ученых считает необходимым установление в данном случае дополнительных условий правомерности обороны. Например, Х.М. Ахметшин утверждает, что нельзя распространять условия необходимой обороны на случаи отражения общественно опасных посягательств со стороны заведомо невменяемых лиц, поскольку нельзя оправдывать причинение вреда душевнобольным и несовершеннолетним при реальной возможности отражения их общественно опасных действий иными средствами².

В результате проведенного нами исследования уголовных дел было установлено, что доля лиц с психическими аномалиями, совершивших захват заложников, составила 25%. В 80% случаев подобные преступления совершаются не в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, преступники употребляют алкоголь и наркотики уже после совершения захвата заложников³.

Зачастую посягательствам со стороны невменяемых и малолетних присущи значительная общественная опасность, дерзость, жестокость, а недостаток физических сил те же малолетние легко компенсируют, как отмечает С.Ф. Милюков, применяя оружие, иные опасные предметы, действуя вероломно и сбиваясь в устойчивые группы антиобщественной направленности⁴.

Рассмотрение посягательств малолетних и невменяемых по правилам крайней необходимости привело бы к тому, что даже при опасности для жизни обороняющегося, он не мог бы лишиться жизни посягающего, поскольку не допускается защита одного равноценного блага за счет другого⁵.

¹Тишкевич И.С. Условия и пределы необходимой обороны. - М., 1969. - С. 23-26.

²Ахметшин Х.М. Обстоятельства, исключющие общественную опасность и противоправность деяния. - М., 1958. - С. 9. См. также Медведев А.М. Право на необходимую оборону: новый УК уточняет трактовку //Журнал российского права. 1997. № 2. - С. 86.

³Аналогичные данные получены и исследованиями К.П. Анциферова (Ответственность за захват заложников: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2003. - С. 60); В.А. Осипова (Захват заложника: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1999. - С. 32).

⁴Милюков С.Ф. Обстоятельства, исключющие общественную опасность деяния: Учебно-научное издание. - СПб., 1998. - С. 104.

⁵Атабаева Т.Ш. Необходимая оборона: теория, законодательство и практика применения: Дис. ... канд. юрид. наук. - Барнаул, 2004. - С. 86.

И все-таки, необходимая оборона возможна и от действий невменяемых, и от действий малолетних. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда СССР № 14 от 16 августа 1984 года «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» «под общественно опасным посягательством, защита от которого допустима в пределах ст. 37 УК РФ, следует понимать деяние, предусмотренное Особенной частью уголовного закона, независимо от того, привлечено ли лицо, его совершившее, к уголовной ответственности или освобождено от нее в связи с невменяемостью, недостижением возраста привлечения к уголовной ответственности или по другим основаниям».

Анализ постановления Пленума Верховного Суда и различных приведенных точек зрения по этому вопросу позволяет нам сделать вывод, что необходимая оборона от действий невменяемых и малолетних возможна, так как их действия не исключают общественной опасности.

2. Другим условием правомерности необходимой обороны является наличие посягательства.

Начальный момент права на защиту связан с наличием основания необходимой обороны – общественно опасного посягательства и зависит от него (оборона будет правомерной, если началось посягательство).

Что же следует считать моментом окончания захвата заложников? Согласно ст. 29 УК РФ преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного законом. Поэтому некоторые авторы предлагают связывать окончание посягательства с выполнением состава преступления¹.

В теории уголовного права считается, что деяние, указанное в ч. 1 ст. 206 УК РФ, относится к преступлениям с формальным составом, следовательно, моментом его окончания будет совершение уголовно наказуемых действий вне зависимости от наступления общественно опасных последствий. Таким образом, захват заложников будет считаться оконченным с момента захвата (ограничения свободы заложника путем применения к нему насилия или угрозы применения насилия) или с момента начала удержания заложников (так как удержание в данном составе может рассматриваться как

---

¹Тер-Акопов А.А. Обстоятельства, исключющие преступность деяния // Российское уголовное право. Общая часть: Учебник. - М., 2002. - С. 256.

продолжение захвата и как самостоятельное действие, предусмотренное ст. 206 УК РФ).

Думается, что момент окончания права на защиту правоохраняемых интересов должен связываться с фактическим окончанием преступления.

По мнению Н.Н. Козловой, для признания преступления окончанным не имеет значения, выдвигались ли требования к организациям, гражданам или государству, так как захват совершается «с целью»¹. При этом для определения момента окончания преступления также не имеет значения, выполнены требования преступников или нет. Проблема определения момента окончания преступления, связанного с захватом заложников, заключается в том, что захват заложников может быть значительно протяжен во времени. Не оспаривая формальный состав данного преступления, мы считаем, что захват заложников является длящимся преступлением, начинающимся с момента совершения одного из действий, указанных в диспозиции статьи, и длящимся в течение всего периода времени, пока заложники не будут освобождены. Именно длящийся характер данного преступления позволяет говорить о наличии данного посягательства и, следовательно, о возможности применения норм о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Как верно заметил С.В. Землюков, «фактическое окончание преступления определяется достижением поставленной субъектом цели (или одной из целей) в умышленном преступлении либо наступлением преступного последствия в неосторожном деянии. Фактическое окончание преступления совпадает с нарушением объекта посягательства»².

В обоснование вывода о том, что захват заложников, безусловно, является длящимся преступлением, необходимо сослаться, прежде всего, на содержащееся в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 года (в редакции постановления от 14 марта 1963 г.) определение, согласно которому «длящееся преступление можно определить как действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования. Длящееся преступление начинается с момента совершения преступного действия (бездействия) и кончается вслед-

¹Козлова Н.Н. Указ. соч. С. 10.

²Землюков С.В. Указ. соч. С. 61.

ствие действия самого виновного, направленного к прекращению преступления, или наступления событий, препятствующих совершению преступления (например, вмешательство органов власти и др.)»¹.

В ряде научных работ высказаны суждения, что моменты окончания длящегося преступления и прекращения преступного состояния не совпадают². Однако, как справедливо отмечает П. Яни, «у длящегося преступления нет момента окончания в том смысле, как он понимается применительно к простым преступлениям. Совершение действия, или, что бывает чаще, начало бездействия не означает окончания длящегося преступления. Длящееся преступное деяние не окончено, пока не прервано, но, будучи прервано в любой момент после начала выполнения состава, расценивается как оконченное»³.

Как отмечает Н.Ф. Мурашов, при длящихся преступлениях исполнитель все время находится как бы в непрерывном общественно опасном состоянии до момента своего выхода (или «изъятия») из преступного состояния⁴.

Так, если попытаться определить продолжительность времени удержания в заложниках, то согласно изученным нами уголовным делам и материалам установлено, что 63% заложников удерживались 1-6 часов. 13,6% заложников удерживались менее часа. 23,4% - более 6 часов. По захватам, вызвавшим наибольший резонанс в обществе, в Буденновске заложники удерживались 6 дней, в Москве на «Норд-Осте» - более 2 дней (58 часов). Следует отметить, что в мировой практике известен захват заложников продолжительностью более года⁵.

¹Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда РФ по уголовным делам / Сост. С.Г. Ласточкина, Н.Н. Хохлова. 4-е изд., - М., 2004. - С. 101.

²См. напр., Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. - М., 1961. - С. 369.

³Яни П. Длящееся преступление с материальным составом. К вопросу о квалификации преступного уклонения от уплаты налогов // Российская юстиция. 1999. № 1. - С. 40-42.

⁴Преступление: вопросы и ответы (по Уголовному кодексу РФ): Научно-практическое пособие. - М., 2001. - С. 67.

⁵Так, 4 ноября 1979 года члены Организации мусульманских студентов Ирана захватили американское посольство в Тегеране и взяли в заложники более 70 его сотрудников. Главным требованием было возвращение Ирану богатств, вывезенных шахом, и размораживание авуаров Ирана и США. Лишь в апреле 1980 года была предпринята попытка провести секретную спасательную операцию с участием 8 вертолетов под кодовым названием «Орлиный коготь». Кризис затянулся на 444 дня. Тегеран согласился освободить заложников лишь 20 января 1981 года. Ирану была возвращена часть его авуаров и создан Международный трибунал для разбирательств двусторонних взаимных претензий // Эхо планеты. 2002. № 45. - С. 4-5.

В научной литературе высказаны различные критерии выделения длящихся преступлений. Так, А.А. Пионтковский выделяет длящиеся преступления, где раз осуществленный состав преступления непрерывно продолжает существовать впредь до наступления обстоятельств, его устраняющих¹. М.Д. Шаргородский критерием «длящегося» преступления называл непрерывность осуществления преступного деяния². Н.Ф. Кузнецова считает основанием выделения «длящихся» преступлений протяженность во времени и пространстве ущерба³. Не соглашаясь с ней, И. Звечаровский находит особенность длящегося преступления в сроке исполнения обязанности, которая лежит на виновном⁴.

Так как захват заложников является длящимся преступлением, момент фактического прекращения посягательства лишает возможности правоохранительные органы применять в отношении преступников необходимую оборону. Таким образом, момент окончания преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ, может быть следующим:

Во-первых, в примечании к ст. 206 УК РФ определен один из моментов окончания захвата заложников, то есть при их освобождении добровольно или по требованию властей.

Во-вторых, в самом постановлении Пленума указывается на второй момент возможного окончания захвата заложников, где сказано, что «преступление кончается вследствие наступления событий, препятствующих совершению преступления, например, вмешательство органов власти». Таким образом, заложники могут быть освобождены в результате пресечения захвата сотрудниками правоохранительных органов.

Так, например, 31 июля 2001 года уроженец Чечни Султан-Саид Идиев захватил автобус с 40 пассажирами, следовавший из Невинномысска в Ставрополь. Террорист требовал дать ему оружие и освободить из тюрьмы нескольких чеченцев. Террорист был застрелен снайпером⁵.

Представляется, что следует учитывать все названные критерии, придавая определяющее значение тому либо другому, в зави-

¹Пионтковский А.А. Указ. соч. - С. 632-633.

²Шаргородский М.Д. Вопросы общей части уголовного права. - М., 1955. - С. 236.

³Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. - М., 1958. - С. 128.

⁴Звечаровский И. Момент окончания преступлений, связанных с уклонением от уплаты обязательных платежей // Российская юстиция. 1999. № 9. - С. 42.

⁵Независимая газета. 2002. 25 октября. - С. 2.

симости от особенностей самого деящегося преступления и обрисовки его состава преступления в уголовном законе. Практика пока не выработала иных критериев, с которыми может быть связан момент их окончания, кроме тех, которые были названы в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 года и общепризнанны в теории уголовного права.

Таким образом, захват заложников является деящимся преступлением, начинающимся с момента совершения одного из действий, указанных в диспозиции статьи, и деящимся в течение всего периода времени, пока заложники не будут освобождены. Именно длящийся характер данного преступления позволяет говорить о наличии данного посягательства и, следовательно, о возможности применения нормы о необходимой обороне.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 года № 14 определено, что «состояние необходимой обороны наступает не только в самый момент общественно опасного посягательства, но и при наличии реальной угрозы нападения»¹. Таким образом, при полученном сообщении о совершенном захвате заложников можно говорить о наличии посягательства.

Согласно ч. 1 ст. 37 УК РФ «...если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной (подчеркнуто нами – Э.Г.) угрозой применения такого насилия». В русском языке слово «непосредственный» означает «прямо следующий после чего-нибудь, без посредствующих звеньев»². Поэтому закон разрешает защиту с причинением любых последствий лишь при такой угрозе опасным для жизни насилием, когда вслед за ней немедленно должно последовать нападение.

Однако думается, что указание законодателя на «непосредственность» угрозы в некоторых случаях неуместно. Так, при захвате заложников преступники высказывают требования и ждут реакции от адресата этих требований. В отношении заложников в данном случае существует угроза применения насилия, вместе с тем она не обязательно является непосредственной, а может быть, например, в будущем.

Как справедливо отмечает по этому поводу Ю.Н. Юшков, «раньше круг объектов был невелик, сама она (угроза) чаще всего выражалась в произнесении соответствующих слов без совершения

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. № 5. - С. 10.

² Ожегов С.И. Указ. соч. - С. 329.

каких-либо действий по ее осуществлению... Сейчас характер и значение угрозы изменились: она высказывается в более обнаженной, циничной форме, существенно расширился круг ее объектов. Помимо названной в законе, это угроза похищением, изнасилованием детей, уничтожением имущества путем взрыва... Такого рода деяния не только объективно опасны, но и воспринимаются потерпевшим как вполне реализуемые. Случаев приведения угрозы в исполнение становится все больше, равно как и средств для ее осуществления; она адресуется все большему количеству граждан»¹.

Считаем, что формулировка: «Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны... если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» - нуждается в совершенствовании с исключением слова «непосредственный».

3. Посягательство должно быть действительным, реальным. Данное условие правомерности будет детально рассмотрено в рамках аналогичного условия крайней необходимости.

4. Допускается защита не только собственных интересов обороняющегося, но и интересов других лиц, а также интересов общества и государства.

Рассматривая условие правомерности необходимой обороны, связанное с кругом защищаемых обороняющимся объектов, прослеживаются некоторые законодательные неточности.

Во-первых, в ч. 1 ст. 37 УК РФ сказано: «Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества...». Получается, что обороняющийся не может защищать «личность» других лиц, а только их права.

Во-вторых, круг объектов защиты, которые возможно защищать по правилам необходимой обороны, в законе определяется лишь для посягательств, сопряженных с насилием, опасным для жизни, или с угрозой применения такого насилия (это личность, права обороняющегося или других лиц, охраняемые законом интересы общества, интересы государства). Что же касается посягательств, не сопряженных с насилием, опасным для жизни, круг объектов в формулировке статьи 37 УК РФ отсутствует.

¹Юшков Ю.Н. Институт необходимой обороны и его роль в борьбе с преступностью в современных условиях // Государство и право. 1992. № 4. - С. 63.

В связи с вышеизложенным автором предлагается изложить ч. 1 ст. 37 УК РФ в следующей редакции: *«Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося, личности и прав других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с угрозой применения такого насилия».*

При захвате заложников сотрудники правоохранительных органов (обороняющиеся) обязаны защищать интересы заложников, общества и государства в целом. Несмотря на то, что согласно ч. 2 ст. 37 УК РФ «право на необходимую оборону имеют в равной мере все лица независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения», для сотрудников правоохранительных органов действия в состоянии необходимой обороны при освобождении заложников являются профессиональной обязанностью. Таким образом, при захвате заложников возможности необходимой обороны могут быть использованы в двух вариантах:

1) заложники могут попытаться сами себя освободить, но для них право на оборону является субъективным правом; правовые обязанности пресечь посягательство на граждан не возлагаются;

2) заложников освобождают сотрудники правоохранительных органов, для которых это не только моральная, но правовая обязанность, и осуществление необходимой обороны является их служебным долгом, в случае невыполнения которого возможна дисциплинарная, а в отдельных случаях даже уголовная ответственность. Подробнее об этом мы будем говорить в следующем параграфе.

5. Защита осуществляется путем причинения вреда посягающему, а не третьим (посторонним) лицам. Защита при необходимой обороне может выражаться в самых разнообразных видах ущерба личности посягающего или его интересам. В состоянии необходимой обороны при освобождении заложников возможно причинение вреда только нападавшим (преступникам). Если нападение сопряжено с насилием, опасным для жизни, то вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, не ограничен какими-либо пределами и может заключаться в лишении жизни, причинении телесных повреждений, уничтожении имущества, а также любом ином вреде посягающему. Получается, что превысить пределы необхо-

димой обороны при освобождении заложников, если захват был сопряжен с применением насилия, опасного для жизни и здоровья (ч. 2 ст. 206 УК РФ), невозможно.

Следовательно, при освобождении заложников причинение вреда преступникам сотрудниками правоохранительных органов не должно ограничиваться какими-либо пределами вплоть до лишения жизни преступников.

Однако существует и иное мнение. Так, В.Ф. Антонов отмечает, что «при осуществлении акта необходимой обороны следует руководствоваться постановлением закона о крайней необходимости. В любой необходимой обороне фактически присутствует элемент крайней необходимости»¹.

Ю.В. Баулин разделял обстановку необходимой обороны на благоприятную и неблагоприятную. Благоприятная обстановка, по его мнению, свидетельствует о том, что для успешного предотвращения вреда или пресечения посягательства нет необходимости лишать жизни или наносить тяжкий вред здоровью нападающего. Другими словами, при благоприятной обстановке необходимой обороны нет крайней необходимости в применении чрезвычайных мер защиты².

По нашему мнению, причинение вреда в состоянии необходимой обороны недопустимо ограничивать рамками крайней необходимости. Если преступники совершили захват заложников, посягнув на охраняемые уголовным законом интересы – общественную безопасность, поставили под угрозу жизни заложников, то причинение им любого вреда (вплоть до лишения жизни) оправдано состоянием необходимой обороны.

Однако именно это условие правомерности в ситуации захвата и освобождения заложников не дает возможности оценивать все действия сотрудников правоохранительных органов по правилам необходимой обороны, так как зачастую вред причиняется не только преступникам. Поскольку при этом, как правило, присутствуют и заложники, а это в рамки необходимой обороны уже не укладывается. При освобождении заложников возможна их гибель и не только от рук преступников, но и от действий сотрудников правоохранительных органов, их освобождающих.

¹ Антонов В.Ф. Обстоятельства применения института крайней необходимости в деятельности правоохранительных органов: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2000. - С. 138.

² Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. - Харьков, 1991. - С. 252.

6. Необходимая оборона не должна превышать пределов необходимости. Превышение пределов необходимой обороны называют соразмерностью посягательства и защиты¹. Т.Ш. Атабаева отмечает особый характер этого условия: «При несоблюдении всех названных до этого условий правомерности состояние необходимой обороны исключается, превышение пределов необходимой обороны не исключает состояние необходимой обороны, хотя и влечет уголовную ответственность»².

Если нападение было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, то, как было сказано выше, превысить пределы необходимой обороны невозможно, так как допустимо причинение любого вреда посягающему, не ограниченного какими-либо пределами, вплоть до лишения его жизни.

Превысить пределы необходимой обороны согласно последней редакции ч. 2 ст. 37 УК РФ можно только при защите от нападения, не сопряженного с насилием, опасным для жизни, или угрозой применения такого насилия.

Часть 2 ст. 206 УК РФ предусматривает квалифицирующий признак «захват заложника, совершенный с применением насилия, опасного для жизни или здоровья», тогда как в ч. 1 ст. 206 УК предусмотрен захват заложников, сопряженный с насилием, не опасным для жизни и здоровья. Следовательно, при защите от квалифицированного захвата заложников (сопряженного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья) превышение пределов необходимой обороны невозможно. Согласно действующему законодательству превышение пределов необходимой обороны осуществимо при преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 206 УК РФ.

Захват, сопровождающийся насилием, не опасным для жизни и здоровья, как указывается в уголовно-правовой литературе, может сопровождаться побоями, причинением физической боли, связыванием, запираением в помещении, обманом потерпевшего, однако при этом такое насилие не должно нести угрозу жизни человека. Одним из видов насилия, применяемого при захвате заложника, можно признать насильственное доведение потерпевшего до состояния опьянения или применения одурманивающих веществ.

¹Ткаченко В.И. Необходимая оборона по уголовному праву. - М., 1979. - С. 39.

²Атабаева Т.Ш. Указ. соч. - С. 159.

Так, человеку могут насильно влить в рот большое количество коньяка или спирта, а также сделать инъекцию внутривенно¹.

Насилие при захвате заложников может быть не только физическим, но и психическим. Под психическим насилием В.И. Симонов понимает «противоправное воздействие, направленное на психику другого лица с целью подавления его сопротивления и подчинения его воли воле виновного путем запугивания применением физической силы»².

По нашему мнению, захват заложников всегда сопровождается насилием над личностью. Следует отметить, что анализ изученных нами уголовных дел показал, что большинство захватов заложников было совершено с высказыванием угроз о применении физического насилия к захваченным лицам (92% случаев), а в 95% преступлений к заложникам применялось физическое насилие различного характера.

Кроме того, как уже отмечалось ранее, примерно 80% подобных преступлений было совершено с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Превысить же пределы необходимой обороны при защите от вооруженного нападения невозможно, так как посягательство с применением оружия создает прямую угрозу для жизни обороняющегося и других лиц.

Мнения ученых по поводу превышения пределов необходимой обороны неоднозначны. Так, А.А. Пионтковский понимал под превышением пределов обороны явное несоответствие в соразмерности средств защиты и средств нападения³. И.И. Слуцкий считал основным критерием превышения пределов необходимой обороны несоответствие интенсивности защиты интенсивности посягательства (под интенсивностью он понимал степень опасности посягательства, а также силу и стремительность нападения)⁴. В.И. Ткаченко отмечал, что интенсивность является «всего лишь одним из способов выражения действительных намерений человека и, следовательно, не может составлять самостоятельный критерий превышения пределов необходимой обороны»⁵.

¹Резепкин О.Ю., Журавлев И.А. Указ. соч. - С. 55.

²Симонов А.И., Шумихин В.Г. Квалификация насильственных посягательств на собственность. - М., 1988. - С. 15.

³Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. - М., 1961. - С. 449.

⁴Слуцкий И.И. Указ. соч. - С. 76.

⁵Ткаченко В.И. Советское уголовное право. Общая часть. - М., 1982. - С. 180.

Приведенные суждения по поводу превышения пределов необходимой обороны не отражают ее сущности, так как закон в качестве основного критерия разграничения называет характер и степень опасности посягательства.

В соответствии с законом превышением пределов необходимой обороны признается лишь явное, то есть очевидное, бесспорное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства. Поэтому следует согласиться с Е.И. Бахтеевой в том, что в соответствии с законом правомерность нанесения ущерба должна оцениваться исходя из представлений лица, устраняющего опасность¹. Поскольку в ситуации освобождения заложников информации, как правило, недостаточно, то защита может превосходить нападение.

Кроме того, в теории уголовного права сложилось однозначное понимание «явности», когда посягающему без необходимости умышленно причиняется вред, который очевидно чрезмерно не соответствует защите, характеру и опасности посягательства. Следовательно, причиненный посягающему вред может быть и большим, чем вред, ожидавшийся от его действий.

Состояние необходимой обороны возникает у сотрудников правоохранительных органов в ходе выполнения задачи по нейтрализации преступников. Однако данная задача не является первоочередной, в отличие от задачи освобождения заложников. При этом вынужденное причинение вреда заложникам сотрудниками правоохранительных органов оценивается по правилам крайней необходимости. Поэтому факт совершенного захвата заложников не исключает применения как необходимой обороны, так и крайней необходимости.

Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление

Как было сказано ранее, при совершении такого преступления, как захват заложников, органы внутренних дел решают единую задачу освобождения заложников и нейтрализации преступников.

Причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании свое законодательное закрепление впервые (если не считать не вступивших в силу Основ уголовного законодательства

---

¹Бахтеева Е.И. Превышение пределов необходимой обороны: проблемы квалификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. - С.21.

Союза ССР и республик 1991 года) получило в УК РФ 1996 года. До этого, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, рассматривалось в рамках необходимой обороны.

Однако как самостоятельная норма причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, было сформулировано еще в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство». Статья 16 названного Указа гласила: «Действия граждан, направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, являются в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик правомерными и не влекут уголовной или иной ответственности, даже если этими действиями вынужденно был причинен вред преступнику»¹.

Таким образом, этот Указ выделял обязательное, хотя и единственное условие правомерности причинения вреда при задержании – вынужденный характер причинения такого вреда. Очевидно, что одного этого условия было явно недостаточно. Поэтому Верховный Суд Союза ССР в своих постановлениях от 23 октября 1956 г.², от 4 декабря 1969 г.³, от 18 августа 1984 г.⁴ указал судам, что действия, совершенные при задержании преступника, следует рассматривать по правилам о необходимой обороне.

Общеизвестно, что задержание лица, совершившего преступление, по своей юридической природе является осуществлением права, а для некоторых категорий граждан – сотрудников правоохранительных органов (также как и необходимая оборона, крайняя необходимость) - профессиональной обязанностью.

Особенности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, давно и хорошо освещены в уголовно-правовой литературе. Однако, применительно к захвату заложников, нуждаются в адаптации.

В юридической литературе встречается мнение, что под задержанием в уголовно-правовом смысле подразумевается совокупность принудительных мер, связанных с причинением необходимо-

---

¹Ведомости ВС СССР. 1966. № 30. Ст. 595.

²О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1963 гг. М., 1973. - С. 185.

³О практике применения судами законодательства о необходимой обороне // Там же. - С. 361.

⁴Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. № 5. - С. 9.

го вреда лицу, совершившему преступление, при уклонении его от явки в соответствующие органы власти¹.

Наукой уголовного права и судебной практикой выработан ряд условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. Все условия правомерности можно подразделить на две группы: условия, относящиеся к поведению задерживаемого лица, и условия, характеризующие действия лиц, производящих задержание.

1. Основание для задержания возникает лишь тогда, когда лицо совершило преступление, то есть деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания. Основанием для задержания в уголовно-правовом смысле не может служить совершение административного проступка, деликта.

Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, предусмотренного ст. 38 УК, возможно лишь при совершении преступлений, например, при захвате заложников. Хотя примечание к ст. 206 УК РФ предусматривает компромисс, согласно которому лицо, совершившее захват заложников, может быть и освобождено от уголовной ответственности.

Напомним, что «компромисс, - как пишет Н.С. Шатикина², - предполагает взаимные уступки сторон, что со стороны государства подразумевает полный или частичный отказ от использования своей принудительной силы». При этом мы согласны с мнением Х.Д. Аликперова, подчеркивавшего, что «отрицательная позиция к идее бескомпромиссной борьбы с преступностью вовсе не означает допустимости компромисса со всем массивом совершаемых преступлений. Речь идет о том, чтобы бескомпромиссная борьба велась не с преступностью, а строго избирательно с отдельными видами преступлений, с которыми иная форма борьбы не согласуется с общественной нравственностью и интересами безопасности государства»³.

Таким преступлением, посягающим на общественную безопасность, и является захват заложников. В ситуации освобождения захваченных использование института компромисса происходит достаточно часто. Статья 206 УК РФ содержит примечание, гласящее, что «лицо, добровольно или по требованию властей освобо-

¹Демидов Ю.Н., Базаров Р.А. Реализация сотрудниками милиции уголовно-правовых норм, исключаяющих преступность деяния. - Челябинск, 1993. - С. 45.

²Шатикина Н.С. К вопросу об уголовно-правовой природе компромисса // Правоведение. 2003. № 3. - С. 93.

³Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс. - Баку. 1992. - С. 28.

дившее заложника, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Добровольное освобождение заложника – это освобождение, которое осуществлено лицом, его захватившим, по собственной инициативе, несмотря на то, что лицо имело возможность удерживать захваченного и дальше. Кроме того, характерно, что в отличие от многих норм УК РФ примечание к ст. 206 допускает освобождение от уголовной ответственности лица не только тогда, когда оно освободит заложника по своей инициативе (т.е. добровольно), но и в том случае, если это сделано по требованию властей (то есть принудительно). Освобождение захваченных лиц по требованию властей имеет место в случаях выполнения виновным требований властей, его отказа от сопротивления властям и добровольного освобождения им потерпевшего.

Итак, согласно названному примечанию, лицо освобождается от уголовной ответственности лишь в том случае, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Можно толковать приведенную часть примечания таким образом: освободить виновного от ответственности лишь в том случае, если он не совершил никакого другого преступления, то есть с момента захвата заложника и до его освобождения им не совершено другое преступление. Вместе с тем, как отмечает Ю.М. Антонян, примечание теряет свой смысл, так как во всех случаях виновный совершил, по меньшей мере, одно преступление – незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ), ибо потерпевший был какое-то время лишен возможности передвижения по своему усмотрению¹. Указанный автор считает, что незаконное лишение свободы и похищение человека, безусловно, являются самостоятельными составами преступлений, предусмотренными ст. 126 и 127 УК РФ. Однако при захвате заложников нельзя говорить, что незаконное лишение свободы и похищение человека образуют признаки иного состава преступления.

Мы полагаем, что в случаях освобождения заложников виновным добровольно или по требованию властей он освобождается от уголовной ответственности за это преступление. Если же в действиях виновного содержатся признаки других преступлений, то он будет освобождаться от ответственности только за захват заложника, а за остальные составы будет привлекаться к уголовной ответственности.

---

¹ Антонян Ю.М., Верещагин В.В., Смирнов В.В., Михлин А.С. Захват заложников. - М., 2001. - С. 32.

В литературе встречается предложение, направленное на совершенствование практики применения освобождения от уголовной ответственности по примечанию к ст. 206 УК РФ. Согласно которому «предлагается разъяснить, что при рассмотрении в судах дел о захвате заложника надлежит устанавливать действительную цель (цели) преступления и разрешать вопрос о том, достигнута ли эта цель, в какой мере, и какие обстоятельства на это повлияли. Необходимо также определить срок, по истечении которого освобождение нельзя признавать добровольным (например, трое суток), и указать, как надо трактовать условие о сопутствующих захвату заложников преступлениях»¹.

Цель законодателя, заключенная в названном примечании – это стремление законодателя спасти жизнь заложников, то есть стимулировать любую деятельность, которая может предотвратить тяжкие последствия. При этом имеет место и компромисс, так как в данном случае институты добровольного отказа и деятельного раскаяния не могут быть применены. Первый не применим в связи с наличием оконченного состава преступления, а второй – в связи с тем, что рассматриваемые составы не относятся к преступлениям небольшой тяжести. Однако на практике возникает вопрос: зависит ли возможность освобождения виновного от факта выполнения его требований, то есть, может ли он быть освобожден от уголовной ответственности, если освобождение заложников осуществлено после удовлетворения выдвинутых требований.

В связи с этим Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 23 июля 1997 года по делу Р. указывает, что действия Р. нельзя расценивать как добровольные, «поскольку фактическое освобождение потерпевшего состоялось уже после выполнения условий, выдвинутых похитителями, когда их цель была достигнута, и оказался утраченным смысл дальнейшего удержания заложника. При таких обстоятельствах Р. не может быть освобожден от уголовной ответственности на основании примечания к статье 206 УК РФ»².

По этому поводу в литературе справедливо подчеркивается, что при выполнении требований захватчика его освобождение от уголовной ответственности «становится не просто бессмысленным, но, наоборот, незаконным и несправедливым»³.

¹Скобников П. Ответственность за незаконное лишение свободы, похищение человека и захват заложника // Закон. 2002. № 8. - С. 115.

²Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 6. - С. 12.

³Комиссаров В. Захват заложника: стремление к наживе или преступление от безысходности // Законность. 1999. № 3. - С. 20.

Таким образом, освобождение от уголовной ответственности может быть применимо только в тех случаях, когда освобождение заложника произошло до выполнения требований виновного.

Кроме того, возникает другой важный вопрос: можно ли считать, что требования захватчика являются выполненными, если виновному лишь дано обещание выполнить его требования.

Думается, что по смыслу указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ речь может идти не о даче обещания выполнить требование, а о самом выполнении требования. То есть если преступнику было обещано выполнение его требований, и он, надеясь на их выполнение, отпускает, освобождает захваченных то данную ситуацию можно расценивать как подпадающую под примечание к ст. 206 УК РФ, и преступник может быть освобожден от уголовной ответственности за захват заложников.

Таким образом, если компромисс с преступниками невозможен, то встает вопрос о силовом методе освобождения заложников путем причинения вреда либо в состоянии необходимой обороны, либо при задержании лица, совершившего захват заложников.

2. Наличие совершения преступления. В литературе довольно прочно утвердился тезис, что задержание может применяться с момента совершения преступления и до истечения срока давности¹.

Т. Шавгулидзе считает, что причинение преступнику телесного повреждения может быть допустимо лишь при задержании его после совершения тяжкого преступления². И.С. Тишкевич признает право на задержание преступника только после совершения такого деяния, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы³.

Однако, по нашему мнению, это не совсем так. Согласно п. 3 постановления Пленума ВС СССР от 16 августа 1984 года № 14 вынужденное причинение вреда преступнику при его задержании допускается лишь непосредственно после совершения им посягательства. Кроме этого следует иметь в виду, что задержание преступника на месте совершения преступления в ряде случаев неред-

¹См., напр.: Уголовное право. Общая часть. / Под ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамовой. - М., 1997. - С. 272.

²Шавгулидзе Т. Право граждан на задержание преступника следует регламентировать законом // Советская юстиция. 1966. № 2. - С. 10.

³Тишкевич И.С. Указ. соч. - С. 184, 185.

ко совпадает с пресечением посягательства с его стороны и поэтому не выходит за пределы необходимой обороны¹.

Как отмечает С.Ф. Милюков, «особо актуальным является вопрос о правовой природе пресечения попыток скрыться вооруженных преступников». Исходя из того, что незаконное хранение, перевозка или ношение огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывных устройств образуют в соответствии с законом состав преступления средней тяжести или даже тяжкого преступления, он делает вывод, что причинение вреда при задержании их владельцев должно оцениваться по правилам необходимой обороны, а не ст. 38 УК².

Таким образом, если согласиться с его доводами, то получается, что применение ст. 38 УК возможно, только если лицо, захватившее заложников, пытается скрыться и при этом не вооружено, в противном случае, согласно точке зрения С.Ф. Милюкова, действия сотрудников правоохранительных органов должны оцениваться как состояние необходимой обороны.

По нашему мнению, факт вооруженности или не вооруженности преступников не может являться критерием разграничения состояний необходимой обороны и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Кроме того, следует напомнить, что захват заложников является длящимся преступлением, и длится оно уже на стадии фактически оконченного преступления. Именно поэтому факт совершения захвата заложников является основанием для задержания лица, его совершившего.

Наличность посягательства при причинении вреда задерживаемому лицу, совершившему захват заложников, может проявляться в следующем:

1. Преступники, не освобождая заложников, вместе с ними пытаются скрыться.

Так, например, 10 января 1996 года теснимый федеральными войсками отряд Радуева, прихватив с собой около 160 заложников, покинул Кизляр и направился в сторону Чечни. По дороге, прикрываясь пленниками, террористы захватили дагестанское село Первомайское. В ходе боевой операции 82 заложника были освобождены, однако потери оказались тяжелыми. Считалось, что боевики блоки-

¹Побегайло Э.Ф., Ревин В.П. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности органов внутренних дел. М., 1987. - С. 40.

²Милюков С.Ф. Обстоятельства, исключющие общественную опасность деяния. - СПб., 1998. - С. 41.

рованы, но под покровом ночи бандитам вместе с Радуевым, забрав часть заложников, удалось скрыться. Погибли 78 человек, около ста были ранены¹. В ходе операции по освобождению заложников было уничтожено 153 боевика, взято в плен – 28. Общие потери федеральных сил составили 26 человек погибших, 93 человека раненых.

2. Преступники, освободив заложников после удовлетворения сотрудниками правоохранительных органов выдвинутых ими требований, пытаются скрыться.

3. Преступники пытаются скрыться в ходе спецоперации по освобождению заложников (например, при штурме).

Так, 19 мая 1994 года группа неизвестных лиц в составе трех человек, вооруженных огнестрельным оружием, ворвалась в помещение пункта обмена валюты. При этом был убит сотрудник милиции, а две сотрудницы обменного пункта захвачены в качестве заложниц. В ходе проведения штурмовой операции преступники оказали вооруженное сопротивление, в связи с чем двое из них были убиты, один задержан, заложницы освобождены².

Таким образом, если необходимая оборона при захвате заложников возможна при отражении данного посягательства путем причинения вреда преступникам, то задержание лица, совершившего захват заложников, возможно только после его окончания.

3. Стремление лица, совершившего преступление, скрыться от правосудия с целью избежать ответственности. Уголовно-правовое задержание будет иметь место, если лицо, совершившее захват заложников, стремится скрыться.

«Главным содержанием этой нормы... - справедливо указывают авторы, комментирующие ст. 38 проекта УК, - является регулирование вопроса о границах допустимости применения насилия к лицам, совершившим преступление, с целью их задержания для доставления в органы власти»³.

Главным отличием задержания от необходимой обороны является цель. Цель задержания – доставление лица в органы власти и пресечение совершения им новых преступлений. Цель необходимой обороны – защита личности и прав обороняющегося или других лиц, правоохраняемых интересов общества или государства.

¹Эхо планеты. 2002. № 45. - С. 7.

²Майдыков А.Ф. Значение переговорного процесса в освобождении заложников, захваченных террористами. Организация подготовки переговорщиков. // Операции по освобождению заложников. - М., 1996. - С. 80.

³Преступление и наказание: Комментарий к проекту УК РФ. - М., 1993. - С. 47.

4. Действия задерживающего лица, причиняющие вред, допустимы, если иными средствами задержать правонарушителя не представляется возможным. При попытке подозреваемого скрыться, когда все ненасильственные меры исчерпаны, возникает право на насильственное задержание, соединенное с причинением вреда.

Уголовно-правовое задержание по смыслу ст. 38 УК РФ всегда обусловлено причинением вреда задерживаемому. Следует отметить, что задержание лица, совершившего преступление, происходит одновременно с освобождением заложников, которые могут при этом пострадать. Однако причинение вреда третьим лицам, в том числе и заложникам при задержании преступников, как и при необходимой обороне, не допускается.

Само причинение вреда не является целью задержания, это лишь средство для достижения другой важной цели – доставления лица в орган власти и пресечения возможности совершения новых преступлений.

«Общественная полезность, социальная ценность задержания преступника, - как справедливо отмечает Г.В. Бушуев, - состоит в том, что эта деятельность способствует, во-первых, осуществлению принципа неотвратимости ответственности за преступление, во-вторых, устраняет опасность совершения задерживаемым лицом новых преступлений»¹.

В специальной литературе высказаны различные точки зрения по поводу тяжести вреда, причиняемого задерживаемому. Ю.М. Ткачевский полагает, что вред должен быть минимальным, наименьшим. При этом отрицается возможность причинения задерживаемому смерти, так как якобы в таком случае не достигается важнейшая цель – предание его правосудию. Он пишет: «Каким бы ни было по характеру преступление, как бы ни был опасен преступник, лишать его жизни нельзя, ибо это исключает реализацию правосудия (осуждения или исполнения наказания). Это правило распространяется и на лиц, осужденных к исключительной мере наказания – смертной казни»².

По мнению Э.Ф. Побегайло и В.П. Ревина, «причинение смерти преступнику допустимо лишь в исключительных случаях, при наличии достоверных данных, что совершено особо опасное пре-

¹Бушуев Г.В. Социальная и уголовно-правовая оценка причинения вреда преступнику при задержании. - Горький, 1976. - С. 24.

²Советское уголовное право. Общая часть: Учебник. - М., 1988. С. 160.

ступление и иными средствами при сложившейся обстановке задержать преступника невозможно»¹.

С позиций действующего законодательства с приведенными аргументами согласиться нельзя, так как причинение вреда преступнику при его задержании преследует не только цель доставления задерживаемого в органы власти, но и другую важную цель – пресечение совершения им новых преступлений (ч. 1 ст. 38 УК РФ).

«Лицо, задерживающее преступника, - отмечает И.И. Слуцкий, - не всегда в состоянии избрать абсолютно соразмерные характеру и опасности совершенного преступления средства задержания. Поэтому нельзя ограничивать меры по задержанию преступников условиями, относящимися к крайней необходимости»². По нашему мнению, если достоверно известно, что данное лицо совершило захват заложников и пытается скрыться, то причинение ему вреда сотрудниками правоохранительных органов не должно ограничиваться рамками крайней необходимости (вплоть до лишения жизни) когда это вызвано сложившейся обстановкой.

5. Отсутствие превышения мер задержания. «Явное несоответствие» - оценочный критерий. Каждый раз окончательное решение в отношении превышения мер задержания должно приниматься субъектом правоприменения.

С субъективной стороны превышением считается только действие, совершенное умышленно, когда лицо, производящее задержание, понимало, что причиняет задерживаемому лицу вред, явно чрезмерный, не соответствующий степени опасности совершенного преступления и обстановке задержания. С объективной стороны превышение заключается в применении мер, которые явно не соответствуют характеру и степени общественной опасности преступления и обстановке задержания.

По нашему мнению, в ситуации при причинении вреда преступникам, совершившим захват заложников, возможно применение как необходимой обороны, так и причинения вреда при задержании виновного лица.

Кроме того, необходимая оборона отличается от задержания преступника и моментом причинения вреда. Условием правомерности сравниваемых обстоятельств является наличие посяга-

¹Побегайло Э.Ф., Ревин В.П. Указ. соч. С. 43.

²Слуцкий И.И. Указ. соч. С. 61.

тельства (наличность совершения преступления), однако трактуется она по-разному. Если при необходимой обороне посягательство должно быть начавшимся, но еще не окончившимся, то при задержании преступника причинение вреда допустимо только после совершенного захвата заложников, когда преступник пытается скрыться.

Таким образом, приходим к выводу, что в ситуации захвата и освобождения заложников причинение вреда преступникам возможно применение норм как о необходимой обороне, так и о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление. Однако и необходимая оборона, и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, имеют целью задержание преступников, а это только вторая задача, стоящая перед сотрудниками правоохранительных органов. Главной задачи – спасения жизни заложников указанные обстоятельства, исключающие преступность деяния не решают потому, что одним из условий их правомерности является причинение вреда только нападающим.

1.3. Обоснованный риск при освобождении заложников

С нормой о крайней необходимости тесно связан обоснованный риск, который впервые был включен в УК РФ 1996 года.¹ До этого обоснованный риск рассматривался в рамках крайней необходимости. Однако с момента включения статьи об обоснованном риске в УК РФ по настоящее время в опубликованной практике высшей судебной инстанции страны нет ни одного упоминания о ее реальном применении². Кроме того, в подавляющем большинстве регионов отсутствует практика применения данной статьи, а квалификация причинения вреда в результате рискованных действий происходит по правилам крайней необходимости³.

---

¹ В уголовном праве нашей страны длительное время велась дискуссия по вопросу, является ли обоснованный риск самостоятельным обстоятельством, исключающим преступность (наказуемость) деяния, или же его можно свести к традиционно существующим обстоятельствам этого рода. Одним из первых ученых, занимавшихся проблематикой обоснованного риска, был М.С. Гринберг. Кроме того, особый интерес представляют труды Ю.В. Баулина, Ф.С. Бражника, С.Г. Келиной, В.Н. Кудравцева, Ю.И. Ляпунова, А.В. Наумова, А. Тимербулатова, Ю.М. Ткачевского.

² См.: Бюллетень Верховного суда РФ. 1997-2005. Следует отметить, что также нет и ни одного упоминания о применении ст. 38, 40, 42 УК РФ.

³ Шурдумов А. Обоснованный риск // Уголовное право. - 2002.- № 3. - С. 62.

Статья 41 УК озаглавлена как обоснованный риск. Первоначально появилось название «производственный риск»¹, что предполагало возможность совершения рискованных действий лишь в производственной сфере. Позднее это название было дополнено указанием и на хозяйственный риск. В опубликованной в 1987 году Теоретической модели УК РФ ст. 54 была озаглавлена «Правомерный профессиональный риск». Но уже в Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 года аналогичная статья носила название «Оправданный профессиональный и хозяйственный риск». Обсуждение подготавливаемых проектов УК РФ привело к выводу, что законодатель должен идти по пути расширения рамок допустимого риска, ибо рискованные действия возможны не только в профессиональной деятельности, но и вне ее. Поэтому в проекте УК 1994 года, подготовленном Минюстом России², содержалось универсальное понятие риска - «Обоснованный риск», возможный в любых сферах. Это название и было воспринято УК РФ.

Большинство специалистов, изучающих обоснованный риск, считает, что он возник и существует в целях дальнейшего прогресса в области медицины: применения новых хирургических и терапевтических методов лечения³, проведения экспериментов в области биотехнологий, генной инженерии⁴, трансплантации органов и тканей⁵.

Нам представляется возможным использовать обоснованный риск при освобождении заложников. Поясним свою позицию.

Обоснованный риск, как и другие обстоятельства, исключющие преступность деяния, правомерен при соблюдении ряда условий. Причем риск будет признан обоснованным при соблюдении

---

¹ Гринберг М.С. Проблема производственного риска в уголовном праве. - М., 1963. - С. 10.

² См.: Проект УК 1992 года // Юридический вестник. - 1992. - № 20; Проект УК РФ 1994 года // Юридический вестник. - 1994. - № 8.

³ Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22 июня 1993 года // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Суда РФ. - 1993. - № 33. - Ст. 2289.

⁴ О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности РФ: Федеральный закон РФ от 05.06.1996 г. // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 28. - Ст. 3348.

⁵ О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон РФ от 22.12.1992 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Суда РФ. - 1993. - № 2. - Ст. 62.

всех условий в совокупности. При несоблюдении одного из них риск не может быть признан обоснованным.

1. Обоснованный риск должен преследовать общественно полезные цели, направленные на общественное благо, в конечном счете приносящие положительные результаты, создающие условия для нормальной жизни общества и государства. В ситуации захвата заложников преследуемая общественно полезная цель налицо - спасение жизней захваченных людей. Поэтому рискованные действия, на которые могут пойти сотрудники правоохранительных органов, освобождающие заложников, также, как и в состоянии крайней необходимости, направлены на выполнение главной составляющей двуединой задачи - на спасение и освобождение заложников.

В уголовно-правовой литературе декларируется мнение, что объектами риска могут быть лишь материальные блага, а жизнью и здоровьем человека ни при каких обстоятельствах рисковать нельзя¹. Однако данное высказывание легко опровержимо, так как, например, в медицине, при применении новых хирургических и терапевтических методов лечения, риск непосредственно сопряжен с угрозой для жизни людей. Так и при захвате заложников: именно жизнь и здоровье людей, являющиеся основными объектами уголовно-правовой охраны, находятся в состоянии опасности.

Общественно полезная цель является одним из моментов, по которым нормы о крайней необходимости и обоснованного риска схожи. И обоснованный риск и крайняя необходимость совершаются с общественно полезной целью. При описании крайней необходимости она определяется как используемая «...для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемых законом интересам общества или государства...», при обоснованном риске - «...для достижения общественно полезной цели».

В науке уголовного права все виды риска² условно подразделяются на две группы - добровольный риск и неизбежный, вынужденный риск (риск из предотвращения вреда).

¹Гринберг М.С. Указ. соч. - С.22.

²Следует отметить, что в науке уголовного права выделяется множество видов риска: например: 1) прокурорско-следственный (Кабанов А.И. Риск при расследовании преступлений // Социалистическая законность. - 1989. - № 2. - С. 36); 2) научный и производственный (Ляпунов Ю.И. Категория «преступление» // Социалистическая законность. - 1987. - № 7. - С. 25); 3) «технический, новаторский и из причиненного

Добровольный (альтернативный) риск, который осуществляется, как правило, в интересах социального прогресса, является обстоятельством социально полезным¹. В.И. Самороков высказывает мнение, что общественно полезный результат вследствие правомерного рискованного действия - это сохранение и увеличение любых общечеловеческих ценностей как для всего общества, так и для отдельных групп населения или личности. К этим ценностям он относит жизнь, здоровье, научные и иные достижения². Безусловно, общественно полезной является цель получения нового лекарства, испытания новой техники, улучшения производственных показателей³.

Обоснованный риск «проявляется только в человеческой деятельности, в процессе творческого преобразования окружающего мира»⁴. В этой связи В.И. Левченко отмечает, что источники возникновения объективной неопределенности в процессе осуществления рискованной деятельности многообразны и неоднородны как по форме проявления, так и по содержанию. Они порождаются спонтанностью природных явлений, элементами стихийности в течение общественной жизни в силу столкновений противоречивых, несовпадающих интересов, целей⁵.

Вынужденный⁶, безальтернативный, неизбежный⁷, риск из предотвращения вреда⁸ - все эти риски объединены тем, что совершаются в силу профессиональных обязанностей или служебного

вреда» (Гринберг М.С. Советское уголовное право. - С. 148-152); 4) хозяйственный и профессиональный (Келина С.Г. Профессиональный риск как обстоятельство, исключаящее преступность деяния // Советская юстиция. - 1988. - № 2. - С. 14).

¹Уголовное право. Общая часть. - М., 1997. - С. 277.

²Самороков В.И. Риск в уголовном праве // Государство и право. - 1993. - № 5. - С. 103-112.

³Орешкина Т. Обоснованный риск в системе обстоятельств, исключаящих преступность деяния // Уголовное право. - 1999. - № 1-2. - С. 20.

⁴Мамчун В.В. Некоторые аспекты соотношения вины и риска в правоприменительной деятельности // Уголовное и международное право: проблемы интеграции / Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. 19-20 ноября 1998. Ч.1. - Владимир, 1999. - С. 20.

⁵Левченко В.И. О профессиональном риске в науке // Советское государство и право. - 1984. - № 4. - С. 127-130.

⁶Ильюхов А.А. Обоснованный риск как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2001. - С. 24.

⁷Савенок А.Л. Риск в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Минск, 1997. - С. 13.

⁸Шурдумов А.Ю. Обоснованный риск как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. - С. 52.

долга и, как правило, связаны с причинением вреда. При этом чаще всего объектами риска являются жизнь и здоровье человека.

Факт совершенного захвата заложников свидетельствует о том, что налицо общественно опасное посягательство - опасность, непосредственно угрожающая заложникам, их правам.

Согласно ч. 1 ст. 39 УК РФ «не является преступлением причинение вреда... в состоянии крайней необходимости... для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности...». В статье же, посвященной обоснованному риску, указание на состояние угрожающей опасности отсутствует. В ней сказано, что «не является преступлением причинение вреда... для достижения общественно полезной цели».

С нашей точки зрения, ст. 39 УК должна применяться в том случае, когда возникла опасность (или ее очевидная и непосредственная угроза) для правоохраняемых интересов, и лицо стремится защитить эти интересы путем причинения меньшего вреда. Иначе говоря, лицо, действующее в состоянии крайней необходимости, предвидит наступление вреда, то есть сознательно идет на причинение меньшего вреда ради избежания большего.

Главным же отличием обоснованного риска от крайней необходимости является то, что при обоснованном риске, тот, кто рискует, стремится к недопущению причинения вреда. Лицо, идущее на риск, считает, что вред не будет причинен. Таким образом, при обоснованном риске рискующее лицо, учитывая, что им приняты достаточные меры, допускает причинение вреда как маловероятное. В ситуациях, когда ущерб общественным отношениям не был причинен, действия рискующего лица, естественно, уголовное право не интересуют.

В уголовно-правовой литературе некоторыми авторами выделяется такое условие правомерности обоснованного риска как **соответствие совершенного действия современным научно-техническим знаниям и опыту.**

Как отмечает С.Г. Келина, это условие, с одной стороны, требует от лица высокой профессиональной грамотности и компетентности, а с другой – предполагает возможность нарушения устаревших нормативов и правовых норм, что позволяет говорить о формально неправомерном характере совершаемых действий¹. Действительно, это условие правомерности предписывает, что рискую-

---

¹Келина С.Г. Профессиональный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Советская юстиция. - 1988. - № 11. - С. 14-15.

щий должен обладать высоким уровнем профессиональных знаний в сфере своей деятельности и иметь опыт работы с применяемыми им новыми научными и техническими достижениями.

Согласно формулировке А.Ф. Истомина, «субъектом обоснованного риска может быть только человек, профессионально занимающийся отягощенной конкретным риском деятельностью и поэтому способный обеспечить соблюдение необходимых условий его правомерности»¹. В.И. Ткаченко также утверждает, что «(рискующее) лицо имеет достаточно высокую профессиональную грамотность, основанную на теоретических знаниях и большом практическом опыте»².

По нашему мнению, выделение профессиональной компетентности субъекта, идущего на риск, как условия правомерности обоснованного риска не обязательно. Автор считает, что принятие достаточных мер для предотвращения вреда как условие обоснованного риска охватывает собой и профессионализм субъекта, допускающего риск. Только специально подготовленный сотрудник правоохранительных органов может обеспечить грамотное освобождение заложников.

В литературе высказывалось мнение, что оказание медицинской помощи в экстремальной ситуации всегда должно рассматриваться по правилам крайней необходимости, так как пациент жизненно вынужден обращаться за медицинской помощью в отличие от приобретения дополнительных бытовых услуг. Это, по мнению А. Диванчикова, устраняет не только уголовную, но и любую иную правовую ответственность за неблагоприятные последствия оказания медицинской помощи, если, конечно, врачом не была допущена явная недобросовестность³.

Согласно мнению других авторов опытный «сертифицированный врач может рисковать», иначе говоря, действия такого врача при надлежащих условиях должны рассматриваться с точки зрения обоснованного риска. Однако «...интерны и клиноординаторы, а также не сертифицированные лечащие врачи трудятся в режиме крайней необходимости»⁴, то есть, действия этих лиц в надлежащих условиях должны рассматриваться по правилам крайней необходимости.

¹Истомин А.Ф. Общая часть уголовного права. - М., 1998.

²Уголовное право РФ. Общая часть / Под ред. Б.В. Здравомыслова. - М., 1994. - С. 251.

³Тихомиров А.В. Указ. соч. - С. 21.

⁴Уголовное право. 2002. № 1. - С. 27-28.

На наш взгляд, если может рисковать опытный врач, значит, может рисковать и сотрудник милиции. Отметим, что речь в данном случае идет не о любом сотруднике, а только об имеющем специальную подготовку и специализацию по освобождению заложников. Так, в системе МВД России в службе криминальной милиции предупреждение, пресечение, выявление и раскрытие захвата заложников в целом является основной задачей подразделений по борьбе с организованными преступлениями.

На федеральном уровне действует Департамент по борьбе с организованными преступлениями и терроризмом МВД России (ДБОПиТ МВД России).

В федеральных округах освобождением заложников занимаются специальные отделы по борьбе с похищениями людей и захватами заложников.

В субъектах РФ действуют отделы (отделения, группы) по борьбе с преступлениями террористического характера (терроризм, экстремизм, захват заложников), управления по борьбе с организованной преступностью МВД, ГУВД, УВД субъектов РФ.

В системе милиции общественной безопасности на ее самостоятельное подразделение - Отряд милиции особого назначения ОВД России - при выполнении задач в условиях чрезвычайного положения или при вооруженном конфликте возложена функция участия совместно с другими службами и подразделениями ОВД, воинскими частями внутренних войск МВД России, территориальными органами безопасности в специальных операциях по освобождению заложников¹.

Следует отметить, что в системе ФСБ России действуют подразделения «Альфа» и «Вымпел», обязанностью которых также является освобождение заложников.

2. Следующее условие правомерности обоснованного риска связано с **невозможностью достигнуть поставленной цели действиями, не связанными с риском**. Риск выступает единственным средством в данных условиях для достижения общественно полезной цели. Это условие сближает обоснованный риск и крайнюю необходимость. В статье 39 УК РФ говорится о невозможности устранения опасности иными средствами.

---

¹См.: О дополнительных мерах по совершенствованию деятельности отрядов милиции особого назначения ОВД России: Приказ МВД России № 162 от 19 марта 1997 г.; О внесении изменений в приказ № 162 от 19 марта 1997 г.: Приказ МВД России № 328 от 27 апреля 2005 г.

Однако их существенное отличие заключается в том, что причинение вреда охраняемым законом интересам в ситуации риска является всего лишь возможным, но отнюдь не обязательным, тогда как в ситуации крайней необходимости - это обязательное последствие действий субъекта.

Данное условие правомерности при освобождении заложников означает, что должно быть несколько вариантов проведения освобождения, и каждый должен быть связан с риском. При освобождении заложников возможно полное удовлетворение требований преступников, которое приведет к освобождению заложников без причинения существенного вреда каким-либо правоохраняемым интересам (не забывая о том, что вред общественной безопасности уже в любом случае причинен).

Обоснованный риск, состоящий в правомерном создании возможной опасности правоохраняемым интересам в целях достижения общественно полезного результата, который не мог быть получен обычными, нерискованными средствами, является обстоятельством, исключающим преступность деяния. Риск характеризуется возможностью выбора из нескольких вариантов, решений, действий¹. Например, применение газа (как это произошло на «Норд-Осте»), по нашему мнению, является состоянием обоснованного риска. Достигнуть цели освобождения заложников, не рискуя, в данном случае было невозможно.

Так, и Ю.М. Ткачевский говорит, что без риска общественно полезную цель невозможно достичь, либо она достигается частично, или же желаемый результат наступит через значительное время, потеря которого повлечет негативные последствия. Помимо этого, осуществляя риск, необходимо соотносить значение цели с неблагоприятными последствиями риска. Незначительная цель исключает допустимость большого риска. Если же есть возможность повременить, то рисковать нельзя, ибо в результате совершенных действий возможны и вредные общественно опасные последствия².

Как отмечает Г.С. Шкабин, высокая степень вероятности наступления вреда и отсутствие более или менее значимых обстоятельств, способных его предотвратить, свидетельствуют, как пра-

¹Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. - М., 1989. - С. 21.

²Ткачевский Ю.Н. Оправданный профессиональный и производственный риск как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность // Вестник МГУ. - Серия 11. - 1991. - № 3. - С. 17-19.

вило, не в пользу обоснованного риска¹. При уголовно-правовой оценке обоснованности риска, по словам Н.Ш. Козаева, в каждом конкретном случае необходимо ответить на вопрос о том, возможно ли было осуществление общественно полезной цели с помощью деяния, не связанного с риском. Если рискованное деяние является единственным выходом для устранения опасности, тогда субъект действует в состоянии крайней необходимости, а не обоснованного риска². «Там, где нет выбора, - пишет А.П. Альгин, - не возникает рискованная ситуация и, следовательно, не будет риска»³.

Автор приходит к выводу, что в ходе освобождения заложников в действиях сотрудников правоохранительных органов возможен как обоснованный риск, так и крайняя необходимость, которые часто используются и одновременно.

3. Принятие достаточных мер для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам. Так, например, при захвате заложников отрядом чеченских боевиков Мовсара Бараева в Москве на Дубровке 23 октября 2002 года во время показа мюзикла «Норд-Ост», в заложники было взято более 900 человек, присутствующих в зале. Переговоры с террористами не принесли желаемых результатов. Заложников удерживали в течение 58 часов. Уговорить террористов отпустить хотя бы иностранцев и детей в разные дни пытались авторитетные земляки-чеченцы, врачи, политики, журналистка Анна Политковская. Несколько детей Бараев отпустил с депутатом Иосифом Кобзоном, но больше ни на какие уступки не пошел.

По нашему мнению, сотрудники правоохранительных органов правильно оценили ситуацию, действуя в состоянии крайней необходимости, вели переговоры с преступниками. Однако когда стало ясно, что переговорами не разрешить ситуацию освобождения заложников, сотрудники спецслужб, штурмовавших захваченное здание театрального центра, впервые вынужденно применили сильнодействующий газ, пустив его по вентиляционным шахтам. В результате погибли 129 человек.

Принятие решения об освобождении захваченных людей силой с применением оружия или других средств (например, газа, в состоянии обоснованного риска) резко ухудшает положение за-

¹Шкабин Г.С. Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2004. - С. 121.

²Козаев Н.Ш. Обоснованный риск как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2000. - С. 121.

³Альгин А.П. Указ. соч. - С. 30.

ложников, поскольку всегда существует угроза случайной гибели. Поэтому во всех случаях предпочтение должно отдаваться ведению переговоров. Однако если нет другого варианта действий, не связанного с риском, то сотрудники спецслужб правильно пошли на риск и применили газ.

Применение сотрудниками спецслужб «Альфа» и «Вымпел» (спецподразделений ФСБ России) газа должно оцениваться в уголовном праве как действие в состоянии обоснованного риска. Следует отметить, что газ был применен не рядовыми сотрудниками правоохранительных органов, а именно сотрудниками спецподразделений, обладающими специальными знаниями и навыками действий в подобных ситуациях.

Однако, как в те дни отмечал заведующий отделением кардиореанимации 13-й горбольницы г. Москвы Н. Зубанов, «практически мы имели дело с массовым вывозом пострадавших от неизвестного химического вещества. Никто не знает состава того газа, которым пользовались в ходе спецоперации. От спецслужб относительно характера этого газа и антидотов абсолютно никаких данных не поступало. Спецназ сделал свое дело правильно; но совершенно не была продумана организация помощи в момент выноса пострадавших, оказания первой помощи на месте»¹. Таким образом, по нашему мнению, не было предпринято достаточных мер для предотвращения вреда. Хотя использованный газ - фентанил - вещество нейротропного действия². Кроме того, как ситуация освещалась в средствах массовой информации, последствия действия газа не были известны ни сотрудникам правоохранительных органов, ни медицинским работникам.

Следует отметить, что в общесмысловом понимании термин «риск» определяется как опасность, неопределенность, ведущие к преобладанию успеха над неудачей, а также возможность удачи и неудачи в равной степени. Так, согласно проведенному А.А. Ильюховым опросу выяснилось, что около половины опрошенных сотрудников правоохранительных органов связывают риск с ситуацией удачи и неудачи в равной степени³. Это свидетельствует о том, что в результате «удачи» вред может быть и не причинен. Обяза-

¹Зубанов Н. Им дали убойную дозу // Новое время. - 2002. - № 44. - С. 10-12.

²Дюпин С. Освободить и уничтожить // Коммерсант-Власть. - 2002. - 4-10 ноября. - С. 16.

³Ильюхов А.А. Указ. соч. - С. 9.

тельное причинение вреда правоохраняемым интересам является атрибутом крайней необходимости.

Проведенный нами опрос граждан и сотрудников ОВД показал, что большинство опрошенных (42% и 62% соответственно) считает, что действия сотрудников правоохранительных органов при освобождении заложников в театральном центре на Дубровке были эффективными.

С.Ф. Милюков отмечает, что при этом условии институт обоснованного риска, по существу, утрачивает свою самостоятельность и превращается в придаток, разновидность крайней необходимости. Все дело как раз в том, что обоснованный риск дает возможность более эффективно, с лучшими шансами на успех достичь поставленной цели¹.

В.И. Самороков полагает, что если человек не может обеспечить в конкретной обстановке какой-либо из важнейших мер предосторожности, а это в значительной мере повышает вероятность причинения вреда, он не имеет права на рискованные действия².

4. Согласно ч. 3 ст. 41 УК РФ риск не признается обоснованным, если он заведомо сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия.

Термин «заведомость» означает осведомленность в чем-либо³. Но, по мнению Н.Ш. Козаева, о какой заведомости, то есть о достоверном (не вызывающем) конкретном осознании вероятности причинения вреда, может идти речь, если лицо, абстрактно осознавая возможность причинения вреда, предпринимает определенные меры для ненаступления последствий своего деяния и рассчитывает на то, что вред причинен не будет? Из этого можно сделать вывод, что не может признаваться обоснованным риск, заведомо сопряженный не только с угрозой последствий, указанных в ч. 3 ст. 41, но и с угрозой жизни или здоровью одного человека, а также с угрозой причинения имущественного вреда, так как если риск сам по себе является обоснованным, то значительность потенциального вреда при таком риске, по определению, не должна приниматься в расчет⁴.

¹Милюков С.Ф. Указ. соч. - С. 47.

²Самороков В.И. Некоторые вопросы оценки риска в уголовном праве // Вестник Мордовского юридического института. - 1992. - № 4. - С. 53.

³Даль В. Указ. соч. - М., 1989. - Т. 1. - С. 558.

⁴Козаев Н.Ш. Указ. соч. - С. 137.

Если определение угрозы экологической катастрофы или общественного бедствия особых трудностей не вызывает, то не совсем понятно, как понимать угрозу жизни или здоровью именно многих людей. В доктрине уголовного права предлагалось определять термин «многие» минимально, считая достаточной для необоснованного риска угрозу для жизни двух или более лиц¹. Другие авторы полагают, что «много» означает сравнительно большое количество людей. «Речь идет о многих десятках и даже сотнях людей»².

Так, например, В.И. Ткаченко признал, что «риск, сопряженный с угрозой для жизни многих людей, предполагает и их гибель. Отсюда следует, что угроза для жизни многих людей предполагает угрозу не менее чем для трех человек»³. О. Михаль же считает, что риск будет обоснованным, если в результате освобождения заложников по неосторожности лишены жизни не более двух заложников⁴.

Так, согласно проведенному Н.Ш. Козаевым опросу, 43% опрошенных работников правоохранительных органов указали на недостаточную ясность содержания положений ч. 3 ст. 41, более 50% - на необходимость совершенствования редакции данной статьи, способствующей однозначному толкованию и правильной в правоприменительной практике⁵.

Нами предлагается изменить редакцию ч. 3 ст. 41 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: *«Риск не признается обоснованным, если он был заведомо сопряжен с угрозой для жизни людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия»*.

Анализ содержания указанного положения позволяет сделать вывод, что риск вполне может быть обоснованным, если он заведомо сопряжен с угрозой для жизни одного или нескольких человек. Данное положение входит в противоречие со ст. 2 и 20 Конституции РФ, определяющими, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, и закрепляющими право на жизнь. В этой связи возникает вопрос: поскольку жизнь человека есть высшая

¹Российское уголовное право: В 2 т. Т. 1. Общая часть. - М., 2001. - С. 372.

²Комментарий к УК РФ. - М., 1998. - С. 94.

³Уголовное право РФ. Общая часть / Под ред. Б.В. Здравомыслова. - М., 1999. - С. 314.

⁴Михаль О. Профессиональный (обоснованный) риск при освобождении заложников // Уголовное право. - 2003. - № 1. - С. 39-40.

⁵Козаев Н.Ш. Указ. соч. - С. 145.

ценность, то правомерно ли вообще допускать в качестве возможного результата обоснованного риска смерть человека.

Однако идет речь о жизни заложников или преступников, либо тех и других, в ч. 3 ст. 41 УК законодатель ясно не говорит. В ней сказано: «...с угрозой для жизни многих людей...». По нашему мнению, террористы, совершая кощунственные преступления – захваты заложников, перестают быть объектами уголовно-правовой охраны, их жизни не представляют ценности, поэтому лишение их жизни должно быть оправдано в любом случае.

Хотя в литературе, как уже отмечалось, существует и иное мнение. В связи с тем, что задержание преступника имеет целью предание его правосудию, причинение ему смерти в процессе задержания не допускается. Каким бы ни было по характеру преступление, как бы ни был опасен преступник, лишать его жизни нельзя, ибо это исключает реализацию правосудия (осуждение или исполнение наказания)¹.

Таким образом, подводя итог рассмотрению данного вопроса, хотелось бы отметить следующее. Необходимость освобождения заложников подразумевает собой два основных варианта действий: силовой метод освобождения заложников и несиловой метод. Безусловно, предпочтение должно отдаваться несиловому методу, то есть освобождение заложников должно происходить путем переговоров. Однако и переговорный процесс, и штурм (применение оружия, спецтехники, спецсредств для освобождения заложников) могут рассматриваться и как состояние обоснованного риска, и как состояние крайней необходимости. Поэтому автор приходит к выводу, что в ситуации освобождения заложников (при причинении им вреда) одновременно присутствуют как состояние крайней необходимости, так и обоснованного риска.

1.4. Крайняя необходимость: понятие и условия ее правомерности при освобождении заложников

Конституция Российской Федерации объявила человека, его права и свободы высшей ценностью и указала, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2). Таким образом, для защиты жизни закон

---

¹Курс уголовного права: В 5 томах. Т. 1. Учение о преступлении. - М., 2002. - С. 477.

разрешает причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам. Эта ситуация называется крайней необходимостью.

Категория крайней необходимости имеет многовековую историю. Процесс становления крайней необходимости в своем историческом развитии прошел целый ряд этапов. Первый из них - возникновение нормы о крайней необходимости, относится к временам древнеримского права. Упоминания о ней встречаются еще в трудах древнегреческого философа Аристотеля, древнеримских юристов Лабеоны, Ульпиана, Цицерона.

Так, Аристотель отмечал, что «ни один человек произвольно не выбросит своего имущества (когда корабль терпит бедствие), но всякий благоразумный человек сделает это ради собственного спасения и спасения остальных»¹. В «фрагментах» Ульпиан писал, что «не подвергается никакой ответственности тот, кто выбросил в море чужой товар для спасения своего»².

В указанных случаях речь идет о том, что крайняя необходимость – это столкновение двух (или более) интересов, при котором спасение одного возможно лишь за счет другого. Кроме того, состояние крайней необходимости может привести к нанесению кем-либо повреждений чужому имуществу. Известный древнеримский юрист Лабеоны отмечал, что «не следует предоставлять никакого иска, если гонимый бурей корабль наскочил на канаты якорей другого, и матросы обрубили канаты, поскольку нельзя было выбраться никаким другим образом, как обрубить канаты»³. Таким образом, на первом этапе в древнеримском праве определение крайней необходимости отсутствовало, а отдельные положения носили казуальный характер реализации имущественных прав.

Второй этап – становление крайней необходимости в рамках теории естественного права. На данном этапе учение о крайней необходимости получило более полное и основательное развитие. Следует отметить, что под влиянием доктрины естественного права крайнюю необходимость рассматривали не только юристы, но и такие философы, как Гроций, Пуффендорф, Маттей, Томази.

Так, например, Гуго Гроций, признаваемый на Западе «отцом уголовного права», в своем главном труде «О праве войны и мира»

¹ Аристотель. Этика. - СПб., 1908. - С. 38.

² Цит. по: Розин Н.Н. О крайней необходимости. - СПб., 1899. - С. 33.

³ Римское частное право: Учебник / Под ред. проф. И.Б. Новицкого. - М., 1997. - С. 50.

вывел обоснование крайней необходимости из естественного права человека на жизнь, основанную на инстинкте самосохранения.

Гроций сделал попытку определить условия крайней необходимости. Он считал, что ссылка на крайнюю необходимость будет оправданной в следующих случаях:

1) когда исчерпаны все способы выйти из создавшегося положения;

2) пользование чужими вещами не разрешается, если сам владелец находится в такой же крайности, так как неприкосновенность частной собственности - основополагающая ценность, и при прочих равных условиях положение владельца имеет преимущество;

3) право пользования чужим имуществом в состоянии нужды не беспредельно, оно ограничено и несет возмещение ущерба по минованию крайней необходимости¹.

В сочинениях Томазия, Маттея действия, совершаемые при крайней необходимости, обосновываются человеческой слабостью. Если давление необходимости достигает крайних пределов, и иной выход из трудного положения, кроме как путем нарушения закона, отсутствует, то это положение возрождает первоначальное естественное право.

Пуффендорф делает общий вывод, суть которого в том, что крайняя необходимость должна приниматься во внимание, где это категорически не воспрещено законом. Пуффендорф первым смоделировал ситуацию столкновения человеческих жизней, названную впоследствии «Пуффендорфовой доской спасения». Он утверждал, что если во время кораблекрушения кто-либо, спасая свою жизнь, схватится за доску, на которой не могут уместиться двое, а кто-либо другой, борясь со смертью, ухватится за ту же доску, что может погубить обоих, тогда первый поступит вполне правильно, если толкнет с доски второго и таким образом спасет себя. Такое действие Пуффендорф объявлял непроступным².

Третий этап относится к XVIII-XIX векам. Проблемы крайней необходимости рассматриваются в рамках философии права. Концепция крайней необходимости исследуется в трудах представителей немецкой классической философии: Гегеля, Канта, Фейербаха, Фихте.

¹Гроций Г. О праве войны и мира. - М., 1956. - С. 206.

²Цит. по: Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость. - М., 1962. - С. 131.

Как отметил В.Н. Виноградов, положения крайней необходимости разрабатывались в связи с общеправовыми воззрениями того или иного автора на право и закон и применительно к «узким» ситуациям, на примере коллизии двух равнозначных или резко различающихся по ценности интересов¹.

Так, например, теория И.Г. Фихте исходит из ситуации, когда тот или другой из участников оцениваемого события должен погибнуть, иначе гибель одинаково грозит им обоим. «Юридические отношения мыслимы при возможности сосуществования. Там же, где имеется коллизия сосуществования, там исчезает господство юридического порядка, и вред, причиненный кому-либо при таких условиях, нельзя назвать ни законным, ни противоправным»². Крайняя необходимость в воззрениях Фихте есть право произвола. «Право крайней необходимости, - писал он, - можно определить как право считать себя выключенным из-под всякой правовой сферы. Действие, совершенное в состоянии крайней необходимости, не есть действие ни правомерное, ни неправомерное, оно есть действие для права «совсем безразличное»³.

Кант определял крайнюю необходимость как «принуждение без права». В положении крайней необходимости можно говорить не о «праве нужды» (поскольку не может быть нужды, которая бы делала с правом то, что неправомерно), а только лишь о дозволенном насилии по отношению к лицу, которое со своей стороны никакой силы против деятеля не направляло⁴.

Гегель признавал крайнюю необходимость правом нужды. Если жизнь может быть спасена посредством хищения хлеба, в таком случае, хотя и нарушается имущественное право, но неправильно было бы видеть в этом деянии кражу. Право крайней необходимости порождается, по мнению Гегеля, лишь тогда, когда опасность является непосредственной. Поэтому лишь нужда непосредственного настоящего может дать право на неправомерный поступок⁵.

По сравнению с Европой в России крайняя необходимость была гораздо менее значимой. История развития нормы о крайней

¹Виноградов В.Н. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключаящее преступность деяния. - Рязань, 1999. - С. 21.

²Энциклопедия государства и права / Под ред. П.И. Стучка. - М., 1930. - Т. 2. - С. 123.

³Цит по: Паше-Озерский Н.Н. Указ. соч. - С. 133.

⁴Цит. по: Розин Н.Н. Указ. соч. - С. 92, 93.

⁵Энциклопедия государства и права / Под ред. П.И. Стучка. - М., 1930. - Т. 2. - С. 423.

необходимости в российском уголовном праве тесно связана с историей развития общего учения о преступлении.

Четвертый этап – этап становления крайней необходимости – связан с казуальным закреплением крайней необходимости в древнерусских источниках права. Отечественное уголовное законодательство средневекового периода практически не знает норм о неправомерности причиненного вреда в «состоянии нужды». Н.Н. Розин отмечал, что «наши древние юридические понятия совершенно не упоминают о крайней необходимости»¹.

Первое упоминание об обстоятельствах, исключающих преступность деяния в отечественном законодательстве появилось в Соборном Уложении 1649 года, где в ст. 283 можно встретить нормы следующего содержания: «А будет кто собаку убьет ручным боем не из ружья, боронясь от себя, и ему за ту собаку цены не платить, и в вину ему того не ставити»². Н.Н. Розин считал, что на деле эти статьи, судя по характерному выражению «боронясь от себя», относятся к необходимой обороне. В целом же «указания нашей истории чрезвычайно скудны... и это неудивительно, ибо памятники наши вообще бедны в области вопросов уголовного права... сама личность стояла невысоко и мало было дела до ее субъективных оттенков в деянии: закон стоял исключительно на стороне государственных интересов»³.

В Артикуле воинском Петра I от 26 апреля 1715 года крайняя необходимость как институт, исключающий наступление уголовной ответственности, получил свое дальнейшее развитие.

Артикул воинский впервые в российском законодательстве устанавливает пределы крайней необходимости. В артикуле 123 названы «притчины, которых ради комендант, офицеры и салдаты извинены быть могут, когда крепость здается». Далее перечисляются своего рода источники опасности в состоянии крайней необходимости:

«1) крайней голод, когда ничего не будет, чем человек питатися может, имея наперед всевозможную в пище бережность;

2) когда амуниции ничего не останется, которая також со всякою бережью трачена;

¹Розин Н.Н. Указ. соч. - С. 173.

²Отечественное законодательство X-XX веков. / Под ред. проф. О.И. Чистякова. - М., 1985. - Т. 3. - С. 150.

³Розин Н.Н. Указ. соч. - С. 174.

3) когда людей так убудет, что оборонитися весьма не в состоянии будут...»;

4) однакож сии пункты суть тем, кои особливого указа не имеют. А которые имеют указ до последнего человека оборонятися, то никакой нужды ради не капитулировать с неприятелем, и крепости не отдавать»¹.

Толкование к Артикулу 195² тоже указывает на крайнюю необходимость. Оно определяет три важных момента: условия крайней необходимости («крайней голодной нужды»), которые должны быть учтены, если кража была малозначительной («съестное или питейное или иное, что невеликой цены украдет»); совершение преступления «в лишении ума»; совершение преступления малолетними (возраст не указывался). Эти обстоятельства могли повлечь смягчение или полное исключение ответственности.

Таким образом, в российском законодательстве XVIII века крайняя необходимость закреплена, с одной стороны, как деяние, исключаящее преступность и наказуемость деяния, а с другой – как обстоятельство, смягчающее наказание. В Артикуле воинском впервые предпринята попытка определения условий правомерности крайней необходимости (источников опасности).

Последний этап процесса развития крайней необходимости – законодательное закрепление и ее оформление в самостоятельную норму Общей части уголовного права.

Свод законов Российской империи 1832 года содержал обстоятельство, освобождающее от ответственности за деяния, совершенные в результате физического принуждения при неспособности лица руководить своими действиями: «Преступление, учиненное кем-нибудь по насильству, не вменяется в вину, когда будет доказано и судом признано, что принуждение точно было насильственно и непреодолимо»³.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года, где имелись уже нормы Общей и Особенной частей, определяло крайнюю необходимость как общеуголовную категорию. Причем наблюдается дополнение источников опасности указаниями на иные возможности состояния (помимо голода), а также выделение других условий правомерности крайней

¹Артикул Воинский 1715 года // Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма / Под общ. ред. О.И. Чистякова. - М., 1986. - С. 349.

²Там же. С. 363.

³Неклюдов Н.А. Общая часть Уголовного права (конспект). - СПб., 1875. - С. 49.

необходимости – неотвратимости опасности. Статья 98 Уложения впервые дает перечень «причин, по коим содеянное не должно быть вменяемо в вину». Пункт 5 ст. 98 среди таких причин называл «принуждение от превосходящей непреодолимой силы». Содержание ее раскрывалось в ст. 106 Уложения, где было сказано, что лицу «не должно быть вменяемо в вину, учинившему противозаконное вследствие «непреодолимого к тому от превосходящей силы принуждения и токмо для избежания непосредственно грозившей его жизни в то самое время неотвратимой другими средствами опасности»¹.

Крайняя необходимость в Уложении рассматривалась под термином «насильственное принуждение», понимая его не только как насильственное, но и как непреодолимое. Уложение формулирует этот институт крайне неопределенно и только в связи с опасностью для жизни. Причины, могущие создать опасность для жизни, – стихийные силы природы, нападения животного, чьи-то преступные действия, действия умалишенного лица. Опасность при этом должна быть неотвратимой и непреодолимой².

Таким образом, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных наблюдается тенденция к расширению условий правомерности крайней необходимости.

Более точное определение крайней необходимости было сформулировано в Уложении 1848 года, где сказано: «Не почитается преступным деяние, учиненное для спасения жизни своей или другого лица от произошедшей вследствие угрозы, незаконного принуждения или иной причины опасности, в то самое время другим средством неотвратимой». При тех же условиях «не почитается преступным деяние, учиненное для ограждения здоровья, свободы, целомудрия или иного личного или имущественного блага, если учинивший имел достаточное основание считать причиняемый им вред маловажным сравнительно с охраняемым благом»³.

В Уголовном Уложении от 22 марта 1903 года применительно к крайней необходимости расширялся круг благ и ценностей, а также круг лиц, угроза интересам которых создавала положение край-

---

¹Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Российское законодательство X-XX веков. Т.6. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. - М., 1988. - С. 194.

²Там же. Т. 6. - С. 319.

³Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. - М., 1994. - Т. 1. - С. 214.

ней необходимости за счет указания на предел причиняемого вреда, что признавалось правоведами как «большой шаг вперед»¹.

В соответствии со ст. 46 Уложения 1903 года «не почитается преступным деяние, учиненное для спасения здоровья, свобод, целомудрия или иного личного или имущественного блага своего или другого лица от опасности, которая произошла вследствие угрозы, незаконного принуждения или иной причины и которая была неотвратима в то самое время другим средством, если учинивший деяние имел достаточное основание считать причиняемый им вред мало важным сравнительно с охраняемым благом»². Далее по тексту было сказано, что «не почитается преступным деяние, учиненное для спасения собственной жизни или жизни другого лица от опасности, которая произошла вследствие угрозы, незаконного принуждения или иной причины и которая была неотвратима в то самое время другим средством»³.

Кроме того, Уголовное Уложение 1903 года имело специальные положения, предусматривающие случаи «служебной необходимости». Так, ст. 637 содержала норму следующего содержания: «Не почитается превышением власти, когда служащий в каких-либо чрезвычайных обстоятельствах учинит по службе действие, не предоставленное ему законом или возложенным на него поручением, которое было необходимо ввиду государственной пользы или по настоятельности дела не могло быть отложено до получения на то разрешения без видимой опасности или вреда для службы»⁴.

В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года отсутствовало указание на крайнюю необходимость. По мнению В.Н. Козака, это можно объяснить «механическим упущением законодателя»⁵. Однако данный пробел устранялся ст. 22 Положения о Народном суде от 10 декабря 1918 года, которая гласила: «Народный суд обязывается руководствоваться лишь декретами Рабоче-крестьянского Правительства, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового - социалистическим правосознанием».

---

¹Марголин А.Д. Из области уголовного права: Основные черты нового Уголовного Уложения. - Киев, 1907. - С. 47.

²Уголовное Уложение 1903 года / Российское законодательство X-XX веков. - М., 1994. - Т. 9. - С. 285.

³Там же.

⁴Российское законодательство X-XX веков. - С. 230.

⁵Козак В.Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости. - Саратов, 1981. - С. 23.

Вызывает интерес тот факт, что большинство русских юристов признавало возможность спасения собственной жизни за счет гибели другого человека. Так, А.В. Лохвицкий в качестве примера крайней необходимости приводит следующие случаи. «Стая волков преследует двух едущих в санях, один из них, ввиду неизбежной смерти, хватает товарища и бросает животным, чтобы задержать их и иметь время ускакать, или, что случается часто, во время кораблекрушения на лодке нет места всем, кому угрожает смерть. Один из оставшихся сталкивает в воду впереди стоящего, чтобы захватить его место»¹.

В.Д. Спасович отмечал: «Умерщвление человека для своего собственного спасения - это поступок недостойный, безнравственный, но государство не вправе требовать исполнения обязанности самоотвержения под страхом наказания»².

Н.С. Таганцев, исследуя вопросы крайней необходимости, не раз говорил: «Я, бесспорно, могу лишить жизни другого, спасая себя»³. Следует отметить также и то, что в отличие от нынешнего законодательства в законодательстве конца XIX века причинение вреда при крайней необходимости допускалось только с целью защиты собственных интересов. Акт крайней необходимости не мог быть осуществлен с целью защиты интересов третьих лиц.

В.И. Ленин, ссылаясь на крайнюю необходимость, обосновывал в работе «Детская болезнь «Левизны» в коммунизме» заключение мира с Германией. «Представьте себе, - писал он, - что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даёте им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от соседства с бандитами... компромисс налицо, несомненно... Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который объявил бы подобный компромисс «принципиально невозможным» или объявил лицо, заключившее такой компромисс, соучастником бандитов (хотя бандиты, сев на автомобиль, могут использовать его оружие для новых разбоев)»⁴.

В ранних уголовно-правовых актах советского периода речь шла об исключении наказания за совершенное деяние в состоянии крайней необходимости. Так, ст. 20 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года гласила: «Не подлежит наказанию уголовно наказуемое

¹ Лохвицкий А.В. Курс уголовного права. - СПб., 1871. - С. 127.

² Спасович В.Д. Учебник уголовного права. - СПб., 1983. - С. 409.

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. - СПб., 1908. - С. 555.

⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. - Т. 41. - С. 19.

деяние, совершенное для спасения жизни, здоровья или иного личного или имущественного блага своего или другого лица от опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с охраняемым»¹.

Уголовный кодекс 1922 года повторил положение Уголовного Уложения 1903 года о том, что преступно причинение вреда не только для спасения собственной жизни или здоровья, но и для защиты жизни и здоровья других лиц. Кроме того, впервые допускалось причинение вреда не определенным интересам уголовно-правовой охраны для предотвращения более значимого вреда. Правоприменитель констатировал наличие преступного вреда («уголовно наказуемое деяние»), но отказывался от наказания.

В 1924 году были приняты Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, положение о крайней необходимости в которых дублировалось позже в УК РСФСР 1926 года. В ст. 9 Основных начал говорилось о защите в состоянии крайней необходимости Советской власти и революционного порядка.

В первоначальной редакции УК РСФСР 1926 года² норма о крайней необходимости была упущена, и только Постановлением ВЦИК и СНК от 6 июня 1927 года³ в ст. 13 УК РСФСР 1926 года она была введена вновь (ч. 2). Крайняя необходимость была основанием неприменения наказания.

УК РСФСР 1926 года окончательно распространил положение о крайней необходимости на все охраняемые уголовным правом интересы и отношения. Законом устанавливалось, что «меры социальной защиты не применяются, когда предусмотренные уголовным законом действия совершены для отвращения опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с предупрежденным вредом». Деяние, совершенное в состоянии крайней необходимости, продолжало рассматриваться как преступное, но не наказуемое.

Нормы Особенной части уголовного законодательства того времени также содержали признаки крайней необходимости. Так, например, ч. 2 ст. 162 УК РСФСР предусматривала ответственность

¹СУ РСФСР. - 1922. - № 15. - Ст. 153.

²СУ РСФСР 1926. - № 80. - Ст. 600.

³СУ РСФСР 1927. - № 49. - Ст. 330.

за совершение кражи и в целях минимальных потребностей своих или своей семьи».

Следующие изменения формулировки крайней необходимости произошли в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года. Эта норма впоследствии была воспроизведена в ст. 14 Уголовного Кодекса 1960 года. Ее содержание гласило: «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего кодекса, но совершенное в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей интересам советского государства, общественным интересам, личности и права данного лица или других граждан, если эта опасность при данных обстоятельствах не может быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред»¹. В такой формулировке норма о крайней необходимости просуществовала до Уголовного Кодекса Российской Федерации 1996 года.

Существовавшая норма о крайней необходимости в УК РСФСР 1960 года и ныне действующая ст. 39 УК РФ имеют некоторые различия. Во-первых, произошла перестановка социальных ценностей. Уголовный Кодекс РФ 1996 года в соответствии с Конституцией 1993 года по-новому выстроил приоритеты в правоохраняемых объектах. В статье, посвященной крайней необходимости, отражена система «личность – общество – государство». Законодатель таким образом подчеркивает первостепенное значение личности. Ранее же, в Уголовном Кодексе 1960 года действовала система «государство – общество – личность». Во-вторых, изменена юридическая формулировка и социальное содержание. Статья 39 УК РФ: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам...», ст. 14 УК РСФСР: «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния». То есть современный УК исключает преступность акта крайней необходимости. В-третьих, ст. 39 УК РФ добавила «непосредственную угрозу опасности» как одно из условий правомерности крайней необходимости. В-четвертых, изменена конструкция статей. Статья 14 УК РСФСР содержала одну часть, то есть не было предусмотрено превышение пределов крайней необходимости, в отличие от ст. 39 УК РФ, которая состоит из двух частей.

---

¹Уголовный кодекс РСФСР с постратейными материалами. - М., 1987. - С. 21.

Крайняя необходимость – это такое состояние, когда лицо для отвращения опасности, реально угрожающей законным интересам данного лица или иных лиц, интересам общества или государства, причиняет вред интересам третьих лиц при условии, что грозящая опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и причиненный вред менее значителен по сравнению с предотвращаемым¹.

При определении крайней необходимости о ней говорят как о «состоянии»², «акте»³ или «ситуации»⁴. Например, Н.Н. Паше-Озерский определял крайнюю необходимость как «такое состояние, когда лицо для устранения опасности, угрожающей интересам государства, какому-либо общественному интересу, а также индивидуальному интересу своему или другого лица, причиняет вред третьему лицу либо какому-нибудь общественному интересу, не связанному с созданием опасности, если опасность нельзя было при данных обстоятельствах устранить иначе и если при этом причиняется вред, менее значительный, чем предотвращенный вред»⁵.

Крайнюю необходимость как состояние определяет и Р.Р. Галиакбаров. «Крайняя необходимость – это состояние, вызванное к жизни опасностью, угрожающей интересам уголовно-правовой охраны, а также фактической невозможностью устранить эту опасность иными способами и средствами»⁶.

С.А. Домахин отмечал, что «сущность крайней необходимости заключается в такой деятельности гражданина, которая направлена на охрану государственных, общественных или индивидуальных интересов, хотя и путем нарушения других охраняемых правом интересов, но менее важных»⁷.

А.А. Тер-Акопов сводит определение крайней необходимости к «обстановке». Так, он пишет: «Крайняя необходимость – это об-

---

¹Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. д-ра юрид. наук В.М. Лебедева и д-ра юрид. наук, проф. Ю.И. Скуратова. - М., 2002. - С. 86.

²Советское уголовное право. Часть Общая. - М., 1966. - С. 236.

³Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. - М., 1994. - С. 25, 27.

⁴Дьяков С.В., Карпушин М.П. Уголовно-правовая оценка оперативной информации в деятельности контрразведки. - М., 1988. - С. 62.

⁵Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. - М., 1962. - С. 44.

⁶Галиакбаров Р.Р. Уголовное право России. Часть Общая / Отв.ред. Л.Л. Кругликов. - М., 1999. - С. 290.

⁷Домахин С.А. Крайняя необходимость по советскому уголовному праву. - М., 1955. - С. 4.

становка, вынуждающая лицо совершить деяние, формально считающееся преступным»¹.

В.Н. Козак акцентировал внимание на том, что «нельзя сводить определение крайней необходимости к «положению», «состоянию». Действительно, в житейском понимании крайняя необходимость означает вынужденное состояние. Напротив, в правовом значении последствия представляют собой единство двух противоположностей: опасность и устранение. Каждая из этих противоположностей имеет свое свойство, определяющееся соответствующими условиями. Условия, относящиеся к грозящей опасности, определяют состояние крайней необходимости, а условия, относящиеся к устранению опасности, определяют правомерность действия в этом состоянии. Следовательно, состояние – это одна из сторон крайней необходимости. Поэтому сводить ее к состоянию (положению) неверно, ибо нельзя ставить знак равенства между частью и целым того или иного явления»².

На наш взгляд, все приведенные термины сопоставимы с понятием крайней необходимости, но термин «ситуация крайней необходимости» наиболее предпочтителен как имеющий конкретное правовое содержание.

В теории права под «ситуацией»³ как первичным элементом правового регулирования юридической нормы понимают локализованный в пространстве и во времени фрагмент социальной жизни, характеризующийся качественной определенностью своего содержания и относительно стабильным составом участников⁴, как систему внешних по отношению к субъекту условий, побуждающих и опосредующих его активность⁵.

Норма о крайней необходимости по характеру правового предписания является управомочивающей, то есть содержит в себе указание на меру дозволенного поведения. Субъективная сторона деяния, совершенного в состоянии крайней необходимости, характеризуется не отсутствием элементов психологического процесса – воли и сознания, а отсутствием отрицательного отношения лица

¹Тер-Акопов А.А. Российское уголовное право. Общая часть. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Наумова. - М., 1997. - С. 249.

²Козак В.Н. Указ. соч. - С. 37.

³В русском языке термины «обстоятельство», «ситуация», «условие» являются синонимами.

⁴Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. - М., 1984. - С. 48-49.

⁵Краткий психологический словарь. - М., 1985. - С. 323.

к охраняемым уголовным законом ценностям, без которых нельзя говорить, что лицо действует виновно.

Причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны - заложникам, имуществу, собственности третьих лиц - в состоянии крайней необходимости будет оправдано при соблюдении ряда условий правомерности крайней необходимости. Условия правомерности - это требования, которым должен отвечать акт причинения вреда в состоянии крайней необходимости. В российском уголовном законодательстве содержатся некоторые указания на то, каким требованиям должен удовлетворять акт крайней необходимости, однако эти указания не исчерпывают всех условий его правомерности.

В теории уголовного права, предлагается такая конструкция условий правомерности акта крайней необходимости: «Условия правомерности крайней необходимости, относящиеся к грозящей опасности» и «условия правомерности крайней необходимости, относящиеся к защите»¹. Или «общие условия крайней необходимости» изображаются в такой схеме: «опасность» и «отражение опасности»². С этим следует согласиться.

Однако, как отмечал С.А. Домахин, «подразделение условий крайней необходимости на группы, отдельное их рассмотрение вовсе не предполагает, что той или иной группе, тому или иному условию придается особое значение. Все эти условия только в совокупности характеризуют совершенное действие как не общественно опасное»³.

1. Состояние крайней необходимости может возникнуть в результате разнообразного источника опасности: при нападении животных, стихийных бедствиях (наводнениях, ураганах, землетрясениях), техногенных чрезвычайных ситуациях (авариях, производственных катастрофах), общественно опасных действиях человека. Это условие правомерности подробно рассмотрено в первом параграфе работы.

2. Опасность должна быть общественно опасной, то есть направленной лишь против тех интересов, которые выгодны и угодны с точки зрения общества, государства, а не отдельной личности.

¹Советское уголовное право. Часть Общая. - М., 1959. - С. 198-199.

²Герцензон А.А. Уголовное право. Часть Общая. - С. 272.

³Домахин С.А. Указ. соч. С. 20.

3. Опасность должна быть наличной. В.Ф. Антонов, рассуждая о тесной взаимосвязи необходимой обороны и крайней необходимости, верно отмечает, что «всякое посягательство является опасностью, но не всякая опасность является посягательством»¹.

Наличность опасности означает, что посягательство должно быть начавшимся, но еще не окончившимся. Речь должна идти об установлении начального и конечного момента посягательства². Иначе говоря, с момента фактического захвата или начала удержания заложников угрожающая опасность будет считаться наличной (начавшейся).

Только наличная опасность создает столкновение между охраняемыми законом интересами, при которой дальнейшее существование одного интереса может быть обеспечено лишь путем нарушения другого. Если опасность не предотвратима иным путем, кроме нарушения правоохраняемого интереса, можно говорить о состоянии крайней необходимости. Главное условие – опасность должна быть «налицо». Право на совершение действий, направленных на предотвращение опасности, возникает в тот момент, когда создается непосредственное нарушение каких-либо охраняемых правом интересов. Такая угроза может существовать как в будущем, так и в настоящем.

Как справедливо отмечает Т.Г. Шавгулидзе, «при решении вопроса о начальном моменте общественно опасного посягательства надо исходить из реальной опасности, которую создало посягательство, и необходимости немедленного принятия мер для отражения этого посягательства»³.

Некоторые ученые склонны существенно ограничивать рамки этого параметра крайней необходимости. Так, А.В. Наумов указывает, что будущая опасность не создает состояния крайней необходимости⁴.

Наличность опасности при захвате заложников утрачивается, когда опасность уже миновала, то есть состояние крайней необходимости при освобождении захваченных лиц перестает существовать, когда устранена опасность для жизни заложников. При этом заметим, что угрожающая опасность (состояние крайней необхо-

¹Антонов В.Ф. Указ. соч. С. 129.

²См.: Паше-Озерский Н.Н. Указ. соч. С. 46-47; Дмитриенко А.П. Необходимая оборона (пределы допустимости): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1998. - С. 14.

³Шавгулидзе Т.Г. Необходимая оборона. - Тбилиси, 1966. - С. 77.

⁴Наумов А.В. Указ. соч. С. 348.

димости) перестает существовать, если заложники сами смогли себя освободить (действуя в состоянии необходимой обороны).

Таким образом, как отмечает Н.Н. Паше-Озерский «как только опасность миновала или как только вред причинен, так отпадает и состояние крайней необходимости»¹.

Состояние крайней необходимости при освобождении заложников может заключаться в следующем:

1. Террористы предъявляют требования, а государство их выполняет. Так, например, 1 декабря 1988 года в г. Орджоникидзе группой Якшиянца в качестве заложников были взяты 30 школьников и их учительницы. Террористы потребовали вылета за границу, а также предоставления автоматов с боеприпасами, нескольких миллионов иностранной валюты, большого количества наркотиков и т.д.²

В целях обеспечения безопасности заложников и их освобождения, а также учитывая непредсказуемость разрешения этой экстремальной ситуации силовыми методами, было принято решение в точном соответствии с крайней необходимостью заключить соглашение в обмен на освобождение заложников. Все заложники были освобождены, преступники же через сутки после прилета в Израиль были выданы Советскому Союзу. Были возвращены также самолет, валюта, оружие, наркотики и другие захваченные ценности. Таким образом, цель правоохранительных органов и в целом государства в разрешении данного конфликта, благодаря правильной оценке действий как состояния крайней необходимости, была достигнута без трагических последствий.

Следует отметить, что выполнение требований террористов - предоставление им оружия, наркотиков - в некоторых случаях может рассматриваться и как физическое или психическое принуждение (ст. 40 УК РФ). Согласно ч. 2 ст. 40 УК РФ «вопрос об уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате психического принуждения, а также в результате физического принуждения, вследствие которого лицо сохранило возможность руководить своими действиями, решается с учетом положений ст. 39 настоящего Кодекса». Приведенный пример, на наш взгляд, следует рассматривать как состояние крайней необходимости, так как сотрудники правоохранительных органов имели возможность руководить своими действиями.

¹Паше-Озерский Н.Н. Указ. соч. С. 148.

²Подробно см.: Известия. 1988. 5 декабря; Труд. 1989. 18 марта.

2. Террористы выдвигают требования, а государство путем переговоров частично удовлетворяет требования захватчиков. Так, например, 26 мая 1994 года в районе селения Кинжал (Ставропольский край) четверо вооруженных чеченцев захватили рейсовый автобус «Владикавказ-Ставрополь» со школьниками и учителями. В плену оказалось около 30 человек. Террористы потребовали вертолет, 10 миллионов долларов и оружие. После переговоров с властями налетчики отпустили всех детей и нескольких взрослых. 27 мая на территории Чечни банда была обезврежена¹.

Именно учет интересов виновных и возможность разумно договориться в обмен на сохранение жизни и свободу захваченных лиц обеспечили оптимальный результат. Таким образом, грамотно организованный переговорный процесс (осуществляемый в рамках крайней необходимости) достигает цели освобождения заложников.

Следует отметить, что согласно проведенному нами исследованию уголовных дел в 75% случаев требования были предъявлены должностным лицам и органам власти. В 60% случаев требования преступников были частично выполнены, а в 5% - полностью. В 70% случаев преступники требовали огнестрельное оружие, в 14% - спиртные напитки, в 9% - наркотические средства.

Преступник идет на переговоры, так как понимает, что выполнение его требований зависит от противоположной стороны. Правоохранительные органы ведут переговоры с преступником, исходя из того, что человеческая жизнь имеет непреходящую ценность, а сами переговоры – это, по сути, единственная гарантия жизни заложников. Пока ведутся переговоры, есть надежда на сохранение жизни и освобождение заложников.

Как отмечает М.П. Киреев, «анализ операций по освобождению заложников свидетельствует о важности такого звена, каким являются переговорщики - связующая нить между органами управления МВД, ФСБ и террористами. От их работы зависит эффективность психологической поддержки заложников и склонения преступников к сдаче. Опыт показывает целесообразность привлечения к переговорному процессу специалистов-психологов-психологов»².

¹Эхо планеты. - 2002. - № 45. - С. 6.

²Киреев М.П. Террористы и заложники // Милиция. - 1994. - № 8. - С. 35-38.

Мы согласны с мнением А.Ф. Майдыкова¹ и других ученых², считающих переговоры важнейшим элементом операции по освобождению заложников. Они должны иметь приоритет перед применением силы до тех пор, пока для лиц, ответственных за принятие решения, не станет очевидной необходимость применения силы, поскольку все другие возможности исчерпаны, а процесс переговоров зашел в тупик.

Изучение уголовных дел показало, что чаще всего (60 % случаев) освобождение заложников происходило в результате переговоров, в соответствии с институтом крайней необходимости.

Кроме того, согласно проведенному нами опросу граждан и сотрудников органов внутренних дел на вопрос «Должны ли власти выполнять требования преступников во имя спасения заложников?» 46% сотрудников и 55% граждан ответили положительно. В связи с этим представляется необходимым проанализировать действующие нормативные акты на предмет освещения вопроса о необходимости выполнения или невыполнения требований преступников ради освобождения заложников.

Так какова же позиция Российского государства по данной проблеме? Освещение этого вопроса хотелось бы начать с Международной конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 года, ратифицированной Россией Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1987 года № 6941-ХІ «О присоединении Союза ССР к Международной конвенции о борьбе с захватом заложников»³. Часть 1 ст. 3 указанной Международной конвенции гласит, что «государство-участник, на территории которого удерживается захваченный преступником заложник, принимает все меры, которые оно считает целесообразными для облегчения положения заложника, в частности его освобождения и содействия...». При этом в ч. 2 ст. 3 данного документа сказано, что «если какой-либо объект, который преступник приобрел в результате захвата заложников, оказывается в распоряжении государства-участника, это государство-участник возвращает его как можно скорее заложнику или третьей стороне, указанной в ст. 1, в зависимости от обстоятельств или со-

¹Майдыков А.Ф. Указ. соч. С. 58.

²Переговорному процессу посвящены работы многих авторов. Например, Андреев Н.В., Свирская И.Б. Переговоры «в ситуации заложника»: характеристика мотивов, личности и групп преступников. - М., 1995; Артюх А.Г. Действия ОВД при освобождении заложников: Пособие. - М., 1996; Баев А.А. Указ. соч.

³Ведомости ВС СССР. 1987. № 20. Ст. 266.

ответствующим органам его страны»¹. Думается, что исходя из подобной формулировки (подчеркнутой автором) вытекает возможность выполнения требований преступников ради спасения жизни заложников, что будет оправдано состоянием крайней необходимости. Хотя прямых указаний на выполнение требований преступников конвенция не содержит.

Оценить позицию нашего государства по вопросу возможности осуществления требований террористов позволял и ранее действующий Федеральный закон от 25 июля 1998 года № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом». Согласно его ст. 14 «при проведении контртеррористической операции в целях сохранения жизни и здоровья людей, материальных ценностей, а также изучения возможности пресечения террористической акции без применения силы допускается ведение переговоров с террористами. При ведении переговоров с террористами в качестве условия прекращения ими террористической акции не должны рассматриваться вопросы о выдаче террористам каких бы то ни было лиц, передаче им оружия и иных средств и предметов, применение которых может создать угрозу жизни и здоровью людей, а также вопрос о выполнении политических требований террористов»².

По смыслу ранее действовавшего закона выполнение некоторых требований террористов все же возможно. Закон запрещает передачу оружия и иных средств и предметов, создающих угрозу жизни и здоровью людей; запрещает выполнение политических требований. Причем сама формулировка «не должны» не звучит как запрещается, то есть не является категоричной. Следовательно, выполнение некоторых требований захватчиков, например, предоставления еды, питья, одежды, возможно; а в состоянии крайней необходимости допустимо выполнение и других «не должных» требований.

В настоящее время, как уже было отмечено, действует Федеральный закон «О противодействии терроризму», который заменил ФЗ РФ «О борьбе с терроризмом». Согласно ст. 16 указанного закона «В целях сохранения жизни и здоровья людей возможно ведение переговоров с лицами, специально уполномоченными на то ру-

¹ Международная конвенция о борьбе с захватом заложников // Участие ОВД и ВВ МВД России в международном сотрудничестве: Сборник документов. Выпуск 3. - М., 2000. - С. 53-61.

² О борьбе с терроризмом: Федеральный закон от 25.07.1998 г. № 130-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 31. - Ст. 3808.

ководителем контртеррористической операции. При ведении переговоров с террористами не должны рассматриваться выдвигаемые ими политические требования». Думается, что ради спасения жизни захваченных лиц, в рамках крайней необходимости должны рассматриваться любые требования террористов.

Согласно межведомственному нормативно-правовому акту о мерах по координации и взаимодействию федеральных органов государственной безопасности и органов внутренних дел Российской Федерации при проведении операций по освобождению заложников также допускается выполнение требований захватчиков. В нем сказано, что «цель операции – недопущение расправы (насилия) над заложниками, их освобождение, задержание лиц, организовавших и совершивших захват заложников, обеспечение привлечения виновных к ответственности согласно законам Российской Федерации». Данный Приказ определяет правила ведения переговоров:

- 1) не предлагать террористам больше того, что они просят;
- 2) не уклоняться от рассмотрения незначительных просьб лиц, захвативших заложников;
- 3) при любом обещании выполнить пожелания лиц, захвативших заложников, давать им понять необходимость и логичность получения уступок взамен;
- 4) уклоняться от передачи противнику оружия, отравляющих, бактериологических веществ и боеприпасов или новых заложников, освобождения находящихся под стражей преступников с нарушением правовых процедур.

Таким образом, нам представляется, что в Российском государстве выполнение требований преступников ради спасения жизни и здоровья заложников в состоянии крайней необходимости или обоснованного риска возможно и будет оправдано как на законодательном, так и на социально-нравственном уровнях. Абсолютно жесткая позиция в переговорах («никаких уступок преступникам») в большинстве случаев будет приводить к смерти заложников. Однако следует сказать и о другой крайности, а именно: безоговорочном исполнении всего, что требует преступник. В этом случае происходит явление, которое можно охарактеризовать как эскалация желаний. Наиболее образно такой момент описан в сказке А.С. Пушкина «О рыбаке и рыбке», где чрезмерная уступчивость старика позволила старухе требовать от него невозможного. Так и здесь: «эскалация желаний» преступника может достичь такого

уровня, что его требования окажутся невыполнимыми, а «резкий» переход от уступчивости к отказу вызовет у него такую же реакцию, как и в случае абсолютно жесткой позиции¹.

3. Террористы выдвигают требования, а государство их не выполняет. В 1988 году преступниками был захвачен самолет с пассажирами и выдвинуто требование вылета за границу. В результате неуступчивости властей в ходе освобождения людей и обезвреживания преступников путем штурма самолета 3 пассажира погибли, 35 - получили повреждения различной степени тяжести, был полностью выведен из строя самолет стоимостью 1,4 млн. рублей².

Приведенный пример позволяет говорить о том, что угрозу причинения вреда можно было устранить, избежать указанных последствий. Для этого необходимо было выполнить требование преступников – обеспечить их беспрепятственный вылет за рубеж. Дача разрешения на вылет рассматривалась бы как состояние крайней необходимости. Однако сотрудники правоохранительных органов, не используя ситуацию крайней необходимости, стали действовать по правилам необходимой обороны и во время штурма допустили причинение вреда не только нападающим. Получается, что из-за неверной оценки обстановки как состояния необходимой обороны, а не крайней необходимости, вред был причинен не только нападающим, в связи с чем предпринятые действия сотрудников правоохранительных органов следует рассматривать как преступные.

4. Преступники добровольно или по требованию властей освободили заложников и сами сдались правоохранительным органам.

Так, например, 1 декабря 2005 года в Екатеринбурге около 22 часов А. Новгородов, 29 лет, ворвался в здание екатеринбургской телекомпании «4 канал» и потребовал встречи с работающей там бывшей женой. Получив от нее отказ, Новгородов достал боевой карабин Симонова и объявил двух охранников, а потом и оператора «Новостей», находившихся на первом этаже здания, заложниками. Захватчик с заложниками и нацеленным на них карабином поднялся по лестнице, разбил стеклянную дверь и захватил еще двоих заложников. Всего в плену оказались 5 человек. Убедить мужчину освободить захваченных пытались силовики, родители

---

¹ Андреев Н.В. Психологическое обеспечение переговорной деятельности сотрудников ОВД в экстремальных условиях: Учебно-методические материалы. - М., 1997. - С. 10.

² Известия от 5 декабря 1988 года; Труд от 18 марта 1989 года.

и бывшая жена. Через полтора часа переговоров мужчина отпустил заложников. Спустя еще полтора часа сдался и был задержан работниками милиции¹.

4. Опасность должна быть действительной (реальной).

Опасность должна реально существовать. Опасность мнимая, возникшая в воображении лица, не может создать состояния крайней необходимости. Действительность, реальность опасности при захвате заложников заключается в демонстрации оружия, высказываниях угроз расправы над заложниками.

Так, например, трое осужденных по различным статьям УК, захватив в санчасти колонии в заложницы двух женщин-врачей, стали требовать оружие, машину и свободный выезд из промзоны и из города. Уже находясь в предоставленном им микроавтобусе, один из бандитов, чтобы заставить кричать потерпевшую и тем самым ускорить переговоры, начал с силой вдавливать нож в грудь женщины. Увидев это, стоявший рядом с микроавтобусом и группой захвата начальник УИДа УВД Донецкого облисполкома Г.Ю. Брюховецкий выхватил из-за пояса пистолет и произвел два выстрела в салон микроавтобуса с целью остановить преступника. Этого оказалось достаточно, чтобы находящаяся рядом группа захвата сумела обезвредить преступников и спасти жизни заложниц².

5. Опасность должна быть при данных обстоятельствах не устранимой другими средствами, не связанными с причинением вреда интересам третьих лиц. Неотвратимость опасности означает невозможность устранения ее иным способом, кроме нарушения закона. Это должно быть единственным выходом из создавшегося положения.

Однако С.А. Домахин считает приведенную формулировку неточной: «В распоряжении лица, действующего в состоянии крайней необходимости, могло быть несколько способов устранения опасности. Действия лица будут признаны правомерными, если в его распоряжении не было такого способа, который не причинял бы вообще никакого вреда; если у лица имеется возможность избежать вреда, не прибегая к такому способу, который причиняет какой-то иной вред, он должен воспользоваться им, а не нарушать чьи-либо интересы».

Противоположной точки зрения придерживается В.Ф. Кириченко. Он пишет: «У лица, находящегося в состоянии крайней не-

¹Российская газета. 2005. 3 декабря. С. 2.

²Захват // Воспитание и правопорядок. - 1989. - № 81.

обходимости, может быть несколько вариантов отражения опасности путем причинения вреда, если оно в данной обстановке неизбежно. Из имеющихся вариантов лицо должно избрать тот, который ведет к причинению наименьшего вреда. Поэтому правомерность причинения вреда определяется не тем только, что оно является единственно возможным средством отражения опасности, а также и тем, что причиненный вред является наименьшим»¹.

По нашему мнению, точка зрения В.Ф. Кириченко представляется наиболее верной. В состоянии крайней необходимости при освобождении заложников у лиц, ответственных за их освобождение, существует несколько вариантов отражения опасности и, следовательно, спасения жизни захваченных лиц: либо выполнять требования преступников, либо не выполнять и, пойдя на риск, путем штурма освобождать заложников. Однако переговорный процесс не может рассматриваться только как состояние крайней необходимости, а штурм и применение спецсредств и спецтехники в ходе освобождения заложников - как обоснованный риск. И переговорный процесс, и штурм могут рассматриваться любое из двух состояний. Автор акцентирует внимание на том, что главное отличие обоснованного риска от крайней необходимости при освобождении захваченных лиц состоит в психическом отношении лиц, освобождающих заложников к совершаемым действиям.

Следовательно, если сотрудник правоохранительных органов, освобождая заложников, умышленно причиняет вред меньшему правоохраняемому интересу ради спасения большего, то это следует рассматривать как состояние крайней необходимости. Так, например, если лицо, освобождающее заложников, при проведении штурма предвидит наступление вреда (что спасение многих заложников возможно путем неизбежного причинения вреда одному) - это состояние крайней необходимости. При обоснованном риске лицо, идущее на риск (лицо, ответственное за освобождение заложников), стремится к недопущению вреда. Оно считает, что вред не будет причинен, действует в надежде на успех. Как, например, в уже рассмотренном нами варианте освобождения заложников на «Норд-Осте».

6. Вред причиненный должен быть менее значительным, чем предотвращенный. При рассмотрении крайней необходимости, с одной стороны, говорится о вреде причиненном, т.е. о том

---

¹Кириченко В.Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. - М., 1952. - С. 87.

вреде, который имеется налицо в результате совершения акта крайней необходимости, а с другой – о вреде предотвращенном, т.е. о том вреде, который угрожал и которого в результате акта крайней необходимости удалось избежать.

В некоторых публикациях нанесение ущерба считают общественно полезным¹. Ф.Г. Нинидзе указывал, что общественная полезность действий, причиняющих вред в состоянии крайней необходимости, определяется не только экономической выгодой, но и моральной стороной². Б. Разгильдиев предлагает относить причинение вреда при крайней необходимости к общественно полезному и даже материально вознаграждаемому поведению³.

По мнению автора, нельзя признать общественно полезным причинение вреда заложникам, так как причиняемый вред носит вынужденный характер.

В состоянии крайней необходимости при освобождении заложников не исключено причинение любого вида вреда, будь-то физический, имущественный или моральный. Бывает, что физический, моральный вред причиняется заложникам, лицам, случайно оказавшимся на месте происходящего, родственникам потерпевших, то есть третьим лицам. При проведении операции по освобождению заложников страдает собственность, принадлежащая, как правило, третьим лицам. Например, в Москве на Дубровке был поврежден театральный центр; в Буденновске разрушена больница; в Беслане – школа. Поэтому нанесенный имущественный ущерб в таких случаях оценивается по правилам крайней необходимости.

Как отмечает В.А. Блинников, «причиненный вред должен быть всегда меньше предотвращенного по количественным и (или) качественным показателям»⁴. Допустимость вреда по качественным показателям согласно его исследованию означает, что лицо причиняет вред менее ценному объекту уголовно-правовой охраны, когда опасность угрожает более значимому. Допустимость вреда по количественным показателям означает, что в состоянии необходимо-

---

¹Козак В.Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости. - Саратов, 1981. - С. 44.

²Нинидзе Ф.Г. К понятию крайней необходимости в советском гражданском праве // Проблемы государства и права на современном этапе. - М., 1974. - Вып. 8. - С. 180.

³Разгильдиев Б. Общественно полезные деяния, предусмотренные УК // Законность. - 1993. - № 12. - С. 18-21.

⁴Блинников В.А. Система обстоятельств, исключаящих преступность деяния в уголовном праве России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - Н.Новгород, 2002. - С. 32.

сти причинен реально меньший, чем предотвращенный вред одному и тому же тому же объекту уголовно-правовой охраны.

В ситуации освобождения заложников данное высказывание находит свое отражение следующим образом. Причинение вреда интересам государственной службы, порядку управления (в ходе выполнения требований террористов) возможно ради спасения жизни заложников (качественный показатель). По общему правилу, от опасности недопустимо спасение собственной жизни за счет гибели другого лица. Однако при стечении исключительно экстремальных условий ссылка на состояние крайней необходимости возможна, когда ценой жизни одного человека спасается жизнь нескольких (многих) людей¹ (количественный показатель). Подобное же мнение высказано и рядом других авторов, которые подтверждают, что «лишение жизни человека может быть признано в соответствии со ст. 39 УК РФ актом крайней необходимости лишь в исключительных случаях, когда только таким путем можно предотвратить смерть нескольких людей»².

Следует подчеркнуть, что в состоянии крайней необходимости причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращенный. Однако в законодательстве (ст. 39 УК РФ) нет указания о том, что этот вред должен быть наименьшим. В.Ф. Кириченко справедливо отмечает, «что причиненный вред должен быть не только меньше вреда избегнутого, но и наименьшим из всех возможных. Это логически вытекает из принципа, что причинение вреда вообще может быть оправдано лишь в тех случаях, когда оно является неизбежным»³. Именно в состоянии крайней необходимости причинение вреда является неизбежным. Мы полагаем, что при освобождении заложников сотрудники правоохранительных органов, если причинение вреда неизбежно, должны стремиться к причинению наименьшего вреда.

7. Недопустимость превышения пределов крайней необходимости. Принято считать, что правомерность акта крайней необходимости отсутствует, и ссылка на состояние крайней необходимости не может иметь места, если причиненный вред был равен предотвращенному вреду. Такая ситуация складывается когда при-

---

¹Российское уголовное право. Общая часть. / Под ред. А.В. Наумова. - М., 1994. - С. 225.

²Морозов В., Хаметдинова Г. Некоторые аспекты уголовной ответственности при превышении пределов крайней необходимости // Уголовное право. - 2005. - № 1. - С. 57.

³Кириченко В.Ф. Указ. соч. - С. 89.

чиненный вред является более значительным, чем предотвращенный. Если же имеется примерное равенство причиненного и предотвращенного вреда, то по смыслу закона состояние крайней необходимости отсутствует.

Кроме того, необходимо выяснить, какой критерий должен быть положен в основу оценки вреда причиненного и вреда устраненного – субъективный или объективный. Думается, что в данном случае одного субъективного критерия недостаточно, так как лицо, действующее в состоянии крайней необходимости, даже при причинении равного вреда, будет ссылаться на то, что для него его собственные интересы более ценны, чем любые интересы других лиц. Вместе с тем, очевидно, что «вредное» для одного лица может быть «полезным» для другого, так как в состоянии крайней необходимости один вред причиняется, но другой при этом устраняется.

Важен критерий объективный, который предполагает установление значения причиненного и устраненного вреда не только для тех лиц, кого этот вред непосредственно касается. Именно эта оценка поможет установить, можно ли действие рассматривать как общественно полезное, а не только полезное или вредное для определенного лица.

Лицо, действующее в состоянии крайней необходимости, сознательно идет на нарушение какого-либо интереса или на невыполнение какой-либо правовой обязанности и желает этого. Однако лицо совершает такое нарушение исключительно в целях предотвращения более значительного вреда.

Толкование ч. 2 ст. 39 УК вызывает определенные сложности. Так, Г.В. Бушуев отмечал, что в этом определении содержится неразрешимое логическое противоречие. Если превышением пределов крайней необходимости является вред, явно не соответствующий угрожавшей опасности, то он не может быть равным - он должен быть больше, притом значительно больше вреда предотвращаемого. Если вред равный, то он тождествен предотвращаемому и не может быть не соответствующим, и тем более явно не соответствующим угрожавшей опасности¹. Автор полностью согласен с высказанным мнением Г.В. Бушуева, так как, с одной стороны, законодатель говорит о вреде, явно не соответствующем характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых

---

¹Бушуев Г.В. Правовые последствия фактической ошибки при необходимой обороне и крайней необходимости // Вестник Тюменского государственного института. - 2000. - № 4. - С. 214.

опасность устранялась. Следовательно, из содержания статьи не следует, что вред предотвращенный должен быть большего объема, чем причиненный. Таким образом, вред в состоянии крайней необходимости может быть равным или даже более значительным, чем предотвращенный. С другой стороны, законодатель сам себе противоречит, употребляя в этом же предложении фразу «когда указанным интересам был причинен вред, равный или более значительный, чем предотвращенный».

Как справедливо отмечалось данным ученым, «все встанет на свои места, если из ч. 2 ст. 39 УК исключить все, что относится к «явному несоответствию». Тогда ч. 2 ст. 39 УК можно было бы, на наш взгляд, изложить в следующей редакции: *«Превышением пределов крайней необходимости является умышленное причинение вреда, равного или более значительного, чем вред предотвращаемый».*

Кроме того, в УК не предусмотрены привилегированные составы преступлений в случае причинения смерти или вреда здоровью граждан при превышении пределов крайней необходимости, как это сделано в случаях превышения пределов необходимой обороны (ст. 108, 114 УК). Поэтому квалификация действий виновного в этом случае проводится по обычным статьям УК, не содержащим привилегированных составов¹.

Таким образом, в заключение хотелось бы отметить следующее. Норма о крайней необходимости в своем законодательном закреплении прошла длительный исторический путь от казуального закрепления в Соборном уложении 1649 года до УК России.

Анализ обстоятельств, исключающих преступность деяния, показал, что ни одно из обстоятельств полностью не решает двуединую задачу освобождения заложников и нейтрализации преступников. Для решения поставленной задачи привлекается большое количество сотрудников правоохранительных органов. Под руководством оперативного штаба создаются около двадцати различных оперативно-боевых и обеспечивающих групп. Каждой группе, участвующей в проведении спецоперации по освобождению заложников присущи свои функции. Следовательно, не каждый участник спецоперации по освобождению заложников вправе применять то или иное обстоятельство, исключающее преступность деяния, а лишь то, которое непосредственно вытекает из его должностных обязанностей.

¹ Бушуев Г.В. Указ. соч. С. 214.

Каждое из рассмотренных обстоятельств находит свое применение при освобождении заложников, но в связи с тем, что защите личности отдан приоритет как высшей ценности, на первом месте находится поиск путей для их освобождения. Автор пришел к выводу, что действия лиц, освобождающих заложников, нельзя оценивать с точки зрения только необходимой обороны или причинения вреда при задержании лица, совершившего этот захват. Так как при состоянии необходимой обороны задержание лица предполагает причинение вреда только нападающему, а при захвате заложников, как правило, не исключена угроза причинения им вреда, это и позволяет рассматривать ситуацию как состояние крайней необходимости. Кроме того, при освобождении заложников, в первую очередь, должны быть исчерпаны возможности применения крайней необходимости, если попытка сотрудников правоохранительных органов разрешить ситуацию путем переговоров не принесла желаемого результата – освобождения заложников, то применяются действия в состоянии необходимой обороны.

При разграничении обоснованного риска и крайней необходимости мы выяснили, что обоснованный риск при освобождении заложников также имеет место на существование, однако чаще всего, сотрудники правоохранительных органов при освобождении захваченных лиц действуют в состоянии крайней необходимости. Поэтому при освобождении заложников в большинстве случаев находит свое применение норма о крайней необходимости. Мы определили, что лица, освобождающие заложников, могут находиться в состоянии необходимой обороны, причинения вреда при задержании лица, совершившего захват заложников, обоснованного риска или крайней необходимости. От того, насколько сотрудники правоохранительных органов профессионально владеют знаниями о механизме применения обстоятельств, исключающих преступность деяния при освобождении заложников, в значительной степени зависит сохранение человеческих жизней.

Автором обоснован алгоритм освобождения заложников с учетом применения обстоятельств, исключающих преступность деяния (см. схема 2).

Схема 2. Алгоритм освобождения заложников с учетом применения обстоятельств, исключающих преступность деяния

Глава II.

Особенности применения крайней необходимости в условиях захвата и освобождения заложников

2.1. Правовое регулирование применения крайней необходимости при освобождении заложников

Проблема крайней необходимости – одна из наиболее сложных и актуальных в юридической науке. Разрабатывалась она преимущественно в рамках науки уголовного права.

Первую, выходящую за эти границы попытку уточнить место данного вопроса в системе отраслей права сделал Н.Н. Розин. Он считал, что поскольку деяние, совершенное в состоянии крайней необходимости, «превращается в заранее определенный законом акт правомерный, он и не может найти себе место в праве уголовном, имеющем дело с деяниями наказуемыми, то есть по существу своему противоправными»¹. Факт регламентации крайней необходимости уголовным правом Н.Н. Розин объяснил неразвитостью других юридических наук. Поэтому уголовному праву приходится трактовать вопросы, непосредственно относящиеся к нему. Вместе с тем он полагал, что акт крайней необходимости в своем чистом виде может интересовать науку уголовного права в том случае, «когда он является эксцессом из указанных в законе условий его ненаказуемости»².

Таким образом, Н.Н. Розин исключил крайнюю необходимость из числа уголовно-правовых институтов и отнес ее к проблемам общей теории права.

В советской уголовно-правовой литературе подобное мнение впервые было высказано Н.Д. Дурмановым. «Уголовный закон, – пишет он, – обычно специально регламентирует правомерность действий, совершенных в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, делая это потому, что подобные деяния не регламентируются ни в какой другой отрасли права. Однако положение несколько не изменится, если нормы, касающиеся этих институтов, включить, скажем, в число норм административного права, что, кстати сказать, нередко наблюдается в части действий по задержанию преступника, очень близких к необходимой обороне.

¹Розин Н.Н. Указ. соч. С. 249.

²Там же.

В этом случае в системе уголовного права констатировалось бы только то, что действия, совершенные при названных обстоятельствах, правомерны и, следовательно, к области уголовного права не относятся»¹.

Это положение оспаривал С.А. Домахин, являющийся сторонником включения всех норм, определяющих обстоятельства, исключющие уголовную ответственность, в систему уголовного права. «Если дать общее определение крайней необходимости в Гражданском кодексе, - писал он, - то и в Уголовном кодексе, и в каждом правовом акте, посвященном административной или дисциплинарной ответственности, пришлось бы специально упоминать о крайней необходимости. Это внесло бы лишь путаницу и увеличение количества правовых норм. Возник бы вопрос о понимании одного и того же обстоятельства, исходя из специфических особенностей каждой отрасли права и т.д.»².

Крайняя необходимость является комплексным межотраслевым институтом. Свидетельством сказанному служит наличие указанной нормы наряду с уголовным правом и в гражданском, и в административном праве.

Сравнивая крайнюю необходимость, предусмотренную административным и уголовно-правовым правом, следует отметить, что разграничение указанных норм основывается на разграничении административного правонарушения и преступления.

Согласно ст. 2.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях «административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое Кодексом об административных правонарушениях или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность»³. Статья 2.7 «Крайняя необходимость» названного кодекса гласит: «Не является административным правонарушением причинение лицом вреда охраняемым законом ин-

¹ Дурманов Н.Д. Понятие преступления. - М., 1948. - С. 205-206.

² Домахин С.А. Указ. соч. С. 16.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изменениями от 25 апреля, 25 июля, 30, 31 октября, 31 декабря 2002 г.; 30 июня, 4 июля, 11 ноября, 8, 23 декабря 2003 г.; 9 мая, 26, 28 июля, 20 августа, 25 октября, 28, 30 декабря 2004 г.; 7, 21 марта, 22 апреля, 9 мая, 18 июня, 2, 21, 22 июля, 27 сентября, 5, 19, 26, 27, 31 декабря 2005 г.; 5 января, 2 февраля, 3, 16 марта, 15, 29 апреля, 8 мая, 3 июня, 3, 18, 26, 27 июля, 16 октября, 3, 5 ноября, 4, 18, 29, 30 декабря 2006 г.; 9 февраля, 29 марта, 9 апреля 2007 г.).

тересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами, и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный»¹.

В теории административного права высказана точка зрения, согласно которой административное правонарушение отличается от преступления меньшей степенью общественной опасности. Однако законодатель эту точку зрения не воспринял: из сопоставления определений административного правонарушения и преступления (ст. 2.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях и ст. 14, 15 УК РФ) следует вывод, что критерий общественной опасности относится только к преступлению².

Как отмечает А.М. Медведев, «...и преступление и административное правонарушение посягают на одинаковые по своему характеру объекты, и именно в этом, прежде всего, состоит их общественная опасность – материальный признак, определяющий их социальную сущность. Задачи уголовного и административного законодательства состоят в охране от посягательства одних и тех же объектов. Видимо, принципиальное различие между преступлением и административным правонарушением заключается в различной степени их общественной опасности. Эта степень определяется интенсивностью посягательства, реально наступившими или потенциальными общественно опасными последствиями. Преступления – более общественно опасные деяния, чем административные проступки»³.

На это же указывал и профессор М.И. Ковалев: «Общественная опасность различных правонарушений принципиально не различается по своему содержанию. Отличие может состоять лишь в ее степени. Именно это обстоятельство и служит основным критерием разграничения преступлений и других правонарушений»⁴.

Некоторые авторы считают, что признак общественной опасности свойственен лишь преступлениям, а административные про-

¹Комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях / Под ред. В.В. Черникова и Ю.П. Соловья. 2-е изд., испр. и доп. - М., 2003. - С. 29.

²Словарь административного права. - М., 1999. - С. 24.

³Медведев А.М. Разграничение преступлений и административных проступков // Советское государство и право. - 1990. - № 6. - С. 93-94.

⁴Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. - Свердловск, 1987. - С. 119.

ступки отличаются от последних именно отсутствием общественной опасности и вредных последствий¹.

С этой точкой зрения не согласен В.В. Лукьянов, отмечающий, что административное правонарушение может представлять общественную опасность, которая не может служить границей, отделяющей проступки от преступлений. Он пишет, что «все составы административных проступков, как и преступлений, можно условно разделить на формальные и материальные. Материальные составы правонарушений, в отличие от формальных, включают в себя в качестве обязательного признака не только действие или бездействие, но также последствие и причинную связь между действием (бездействием) и наступившим вредным последствием. А наступление вредных последствий есть не что иное, как признак общественной опасности деяния. Поэтому универсальным отличием проступков от преступлений служит единственное обстоятельство, а именно: они не могут сопровождаться причинением тяжких последствий»².

В.Р. Кисин отмечает, что «если бы административные проступки не влекли вредных последствий, не представляли бы опасности для общества, государства, не требовалось бы устанавливать юридическую ответственность за их совершение, создавать аппарат для борьбы с ними»³.

Ряд авторов называет общественную опасность сущностным признаком административного правонарушения. Например, ст. 20.4 Кодекса РФ об административных правонарушениях устанавливает ответственность за нарушение требований пожарной безопасности. В Комментариях к аналогичной статье КоАП РСФСР (ст. 169 КоАП РСФСР) отмечается, что основанием отграничения административных правонарушений в сфере пожарной безопасности от соответствующих преступлений является отсутствие человеческих жертв и иных тяжких последствий⁴.

---

¹См.: Советское административное право. Методы и формы государственного управления. - М., 1977. - С. 130-133; Якуба О.М. Советское административное право. - Киев, 1975. - С. 162-163.

²Лукьянов В.В. Административные правонарушения и уголовные преступления: в чем различие? // Государство и право. - 1996. - № 3. - С. 83-92.

³Кисин В.Р. Административное правонарушение: понятие, состав: Учебное пособие. - М., 1991. - С. 6.

⁴См.: Кодекс РСФСР об административных правонарушениях. Комментарий. - М., 1989. - С. 149-151.

Таким образом, во-первых, в связи с различным уровнем общественной опасности административного правонарушения и преступления различен характер и размер причиняемого вреда в состоянии крайней необходимости по КоАП и УК РФ. Причинение вреда в состоянии крайней необходимости, предусмотренное нормами УК РФ, будет иметь место при причинении значительного ущерба или причинении вреда имуществу в крупном размере. В остальных случаях состоянии крайней необходимости следует рассматривать как предусмотренное нормами КоАП.

Во-вторых, с чем согласен и А.В. Наумов¹, «уголовное право отличается от других отраслей права предметом, то есть кругом регулируемых общественных отношений. Правда, в общей теории права получила распространение точка зрения, в соответствии с которой уголовное право лишено самостоятельного предмета регулирования; общественные отношения регулируют другие отрасли права (административное, гражданское), уголовное же право лишь охраняет эти отношения, являясь своеобразным средством их обеспечения»².

Н.С. Таганцев отмечал, что «...в уголовном кодексе всегда будут нормы, не нашедшие своего выражения в других отраслях права и обладающие самостоятельной юридической природой»³. Аналогичный довод приводил и Н.Д. Дурманов, указывавший на существование ряда уголовно-правовых запретов, являющихся только уголовно-правовыми и не дублирующими запреты других отраслей права (например, запрет многих посягательств против личности, не предусмотренных ни в одной отрасли права, кроме уголовного)⁴.

Таким образом, крайняя необходимость, закрепленная нормами УК и КоАП РФ, различна в зависимости от охраняемых ими объектов. Только уголовный Закон предусматривает преступления против жизни и здоровья личности, закрепляя их в качестве основных объектов уголовно-правовой охраны.

Кроме того, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях определяет крайнюю необходимость как

¹Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. - М., 1996. - С. 2-5.

²См.: Лейст О.Э. Санкции в советском праве. - М., 1962. - С. 105-106; Теория государства и права / Отв.ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. - Л., 1987. - С. 407.

³Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Вып. 1. - СПб., 1887. - С. 108-109.

⁴Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. - М., 1967. - С. 96.

«совершение деяния, запрещенного нормами кодекса». В отличие от гражданского и уголовного законодательства, характеризующих крайнюю необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния, – «причинение вреда с целью устранения опасности, угрожающей законоохраняемым интересам».

Гражданское законодательство крайнюю необходимость рассматривает с точки зрения возмещения вреда. Работы многих авторов¹ посвящены вопросам возмещения вреда, причиненного в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости.

В гражданском праве имеется понятие «самозащита гражданских прав», под которым понимаются допускаемые законом или договором действия управомоченного лица, направленные на обеспечение неприкосновенности права, пресечение нарушения и ликвидацию последствий этого нарушения.

Самозащита гражданских прав упоминается в ст. 12 ГК РФ среди способов защиты гражданских прав. Причем согласно ст. 14 ГК речь идет о самозащите только действительно принадлежащих субъекту прав. В этой же статье в общем виде определяются и критерии допустимости действий, которыми может осуществляться самозащита. К ним, в частности, относятся соразмерность способов самозащиты (действий) нарушению и отсутствие превышения пределов действий, необходимых для пресечения нарушения.

В пункте 9 Постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного суда РФ от 1 июля 1996 года «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» подчеркивается, что «самозащита не может быть признана правомерной, если она явно не соответствует способу и характеру нарушения и причиненный вред является более значительным, чем предотвращенный»².

¹См.: Джорбенадзе С.М. Крайняя необходимость в советском гражданском законодательстве // Советское государство и право. - 1960. - № 10. - С. 75; Донцов С. Имущественная ответственность за вред, причиненный в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости // Социалистическая законность. - 1973. - № 7. - С. 39; Майданик Л. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями // Советская юстиция. - 1965. - № 14. - С. 9; Малейн Н.С. Возмещение вреда, причиненного в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости // Советская юстиция. - 1964. - № 20. - С. 24; Нинидзе Т.Г. Субъект возмещения вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости // Проблемы государства и права. Труды научных сотрудников и аспирантов. Вып. 9. - М., 1974. - С. 187; Новосельцева Л.С. Возмещение вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости и необходимой обороны: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1971. - С. 101.

²Бюллетень Верховного суда. 1996. № 9.

Способы самозащиты неоднородны и по своей природе могут быть разграничены на меры ответственности, меры защиты и гражданско-правовые санкции. Действия в состоянии крайней необходимости относятся к мерам защиты (включающим любые меры по охране своего права, осуществляемые самостоятельно лицом, чьи права нарушены).

Способы самозащиты гражданских прав могут быть реализованы по общему правилу лицом, чьи права нарушены или находятся под реальной угрозой такого нарушения. Но в некоторых случаях закон допускает в рамках самозащиты и действия третьих лиц, направленные на защиту нарушенных прав. Возможность участия третьих лиц в реализации права на самозащиту допустима, при осуществлении действий в состоянии крайней необходимости, так как нарушенное право могут защищать не только сами потерпевшие, но и третьи лица¹.

Правовой институт возмещения вреда в теории гражданского права России именуется внедоговорным обязательством или, иначе говоря, обязательством из причинения вреда.

Обязательство из причинения вреда означает такое гражданско-правовое обязательство, в котором потерпевший имеет право требовать от причинителя вреда полного возмещения противоправно причиненного вреда путем предоставления соответствующего имущества в натуре или возмещения убытков².

В соответствии с п. 6 ст. 8 ГК РФ причинение вреда другому лицу является основанием для возникновения гражданских прав и обязанностей и подлежит судебной защите в порядке гражданского судопроизводства. Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред (ст. 1064 ГК РФ). Таким образом, понятие вреда означает уничтожение или умаление охраняемого правом личного или имущественного блага.

Ответственность за причинение вреда возникает, как правило, при противоправном поведении. Однако вредные последствия могут быть правомерными, если они вызваны действиями лица, выполнявшего возложенную на него обязанность либо осуществляв-

¹Свердлык Г., Страунинг Э. Способы самозащиты гражданских прав и их классификация // Хозяйство и право. - 1999. - № 1. - С. 35-41.

²Гражданское право. /Под ред. Е.А. Суханова. - М., 1993. - Т. 2. - С. 389.

шего свое право¹. Не подлежит возмещению вред, причиненный правомерными действиями гражданина по пресечению хулиганских либо иных преступных проявлений, а также по задержанию преступника. Причинение вреда лицом в состоянии необходимой обороны без превышения ее пределов либо в состоянии крайней необходимости рассматривается ГК в ст. 1066 и 1067 соответственно. Так, в ст. 1067 закреплено: «Вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, должен быть возмещен лицом, причинившим вред. Учитывая обстоятельства, при которых был причинен такой вред, суд может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и причинившего вред»². При крайней необходимости, регулируемой гражданским правом, не имеет значения характер вреда, то есть он может быть равным и даже большим, чем предотвращенный, в отличие от уголовного законодательства, при котором вред допустим только меньший, чем предотвращенный. Таким образом, крайняя необходимость приобретает уголовно-правовое значение исключительно в случае реального причинения лицом вреда интересам уголовно-правовой охраны.

Статьи Закона «О милиции», регламентирующие порядок применения сотрудниками милиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, сформулированы так, что их применение должно соответствовать условиям правомерности крайней необходимости. Так, например, ст. 12 Закона «О милиции» гласит: «При применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудник милиции обязан:

1) предупредить о намерении их использовать, предоставив при этом достаточно времени для выполнения требований сотрудника милиции, за исключением тех случаев, когда промедление в применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия создает непосредственную опасность жизни и здоровью

---

¹Шарыло Н.П., Прокудина Л.А. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда // Правовые и социальные проблемы защиты жертв преступлений: Сборник научных трудов и нормативных материалов. - М., 1998. - С. 33.

²Комментарий к Гражданскому Кодексу РФ. Ч. 1-3. / Под ред. Е.Л. Забарчука. - М., 2004. - С. 809.

граждан и сотрудников милиции, может повлечь иные тяжкие последствия или когда такое предупреждение в создавшейся обстановке является неуместным или невозможным;

2) стремиться в зависимости от характера и степени опасности правонарушения, лиц, его совершивших, и силы оказываемого противодействия к тому, чтобы любой ущерб, причиняемый при этом, был минимальным».

Кроме того, согласно ст. 23 Закона «О милиции» сотрудники милиции не несут ответственности за моральный, материальный и физический вред, причиненный правонарушителю применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, если причиненный вред соразмерен силе оказываемого противодействия. Статья 24 Закона закрепляет, что «на деятельность сотрудника милиции распространяются нормы уголовного законодательства России о...крайней необходимости». Следовательно, при исполнении сотрудником милиции любой из перечисленных задач может возникнуть состояние крайней необходимости или необходимой обороны.

Согласно п. 13 ст. 10 Закона «О милиции» милиция обязана принимать при авариях, катастрофах, пожарах, стихийных бедствиях и других чрезвычайных событиях неотложные меры по спасению людей, а также по охране имущества, оставшегося без присмотра. При этом если лицо воздерживается от совершения требуемых действий, то оно должно нести дисциплинарную или уголовную ответственность за ненадлежащее выполнение своих профессиональных обязанностей.

Указание на действия в состоянии крайней необходимости присутствуют и в ряде законов Российской Федерации.

Согласно Федеральному Закону «О внутренних войсках РФ», принятому 25 декабря 1996 года, внутренние войска МВД России предназначены для обеспечения безопасности личности, общества и государства, защиты прав и свобод человека и гражданина от преступных и иных противоправных посягательств. В их задачи входит участие совместно с ОВД в локализации и блокировании районов чрезвычайного положения; в принятии неотложных мер по спасению людей, охране имущества, оставшегося без присмотра, обеспечению общественного порядка при чрезвычайных ситуациях и других чрезвычайных обстоятельствах, а также в обеспечении режима чрезвычайного положения и др.

В своей деятельности, при выполнении служебных задач военнослужащие внутренних войск МВД России вправе применять физическую силу, специальные средства, оружие, боевую и специальную технику. Статья 40 Закона гласит: «На служебную деятельность военнослужащих внутренних войск распространяются нормы о необходимой обороне и крайней необходимости, установленные законодательством РФ».

Крайней необходимостью не может быть оправдано нарушение военнослужащим воинского долга, если оно совершено для спасения интересов, не относящихся к долгу. Например, часовой, стоящий на посту и охраняющий мост, видит, что невдалеке загорелся дом; не имея возможности как-либо иначе оказать помощь при тушении пожара, часовой покидает мост.

Статья 184 Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил РФ¹ устанавливает, что часовой обязан ни под каким предлогом не покидать своего поста, пока не будет сменен или снят, даже если его жизни угрожает опасность. За нарушение этого и других правил караульной службы устанавливается уголовная ответственность. Поэтому в подобных случаях действие военнослужащего не может быть оправдано состоянием крайней необходимости. Интересы воинской службы должны быть сохраняемы прежде всего, и нарушение их за счет сохранения интересов невоинских недопустимо.

Норма о крайней необходимости не может быть применена, если военнослужащий, спасая свою жизнь, то есть действуя из страха перед опасностью, нарушает воинскую дисциплину. В обязанность военнослужащего входит «стойко переносить трудности военной службы, не щадить своей жизни при выполнении воинского долга» (ст. 3 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил РФ)².

Таким образом, военнослужащие, находящиеся на военной, караульной службе, на боевом дежурстве, в случае нарушения требований уставов, могут привлекаться и к уголовной ответственности согласно главе 33 УК РФ, предусматривающей преступления против военной службы.

---

¹Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил РФ. – Утв. Указом Президента РФ от 14.12.1993 г. // Общевоинские уставы Вооруженных Сил РФ. - Ростов-на-Дону, 2001. - С. 92.

²Дисциплинарный устав Вооруженных Сил РФ. – Утв. Указом Президента РФ от 14.12.1993 г. // Там же. - С. 199.

Согласно Федеральному закону РФ «Об органах Федеральной службы безопасности в РФ»¹ от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ органы ФСБ России – это составная часть сил обеспечения безопасности РФ. Деятельность органов ФСБ осуществляется по двум основным направлениям – контрразведывательная деятельность и борьба с преступностью. В их обязанности входит: информировать Президента РФ об угрозах безопасности РФ; выявлять, предупреждать и пресекать разведывательную деятельность специальных служб иностранных государств, а также отдельных лиц; добывать разведывательную информацию в интересах обеспечения безопасности РФ; выявлять, предупреждать и пресекать преступления, дознание и предварительное следствие по которым отнесено к ведению органов ФСБ; выявлять, предупреждать и пресекать акты терроризма и др. (ст. 12 Закона).

Статья 14 закрепляет применение органами ФСБ оружия, специальных средств и физической силы. В ней сказано, что они имеют право на применение силы и средств в порядке и случаях, предусмотренных законодательством и иными нормативно-правовыми актами РФ для сотрудников милиции. Следовательно, на сотрудников ФСБ России распространяются нормы о крайней необходимости, как и на сотрудников ОВД.

Согласно Федеральному закону РФ «О государственной охране»², принятому 24 апреля 1996 года, государственную охрану осуществляют федеральные органы государственной охраны. Их основной задачей является защита объектов государственной охраны – Президента РФ, федеральных государственных служащих, глав иностранных государств и правительств во время пребывания на территории РФ (ст. 6 закона).

Глава 5 Закона посвящена применению физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками федеральных органов государственной охраны. В части 3 ст. 24 сказано, что «сотрудники федеральных органов государственной охраны не несут ответственности за моральный, материальный и физический вред, причиненный ими в связи с применением физической силы, специальных средств и оружия... в условиях крайней необходимости».

В Федеральном законе РФ от 14 апреля 1999 года № 77-ФЗ «О ведомственной охране»³ содержатся некоторые указания на

¹Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 5. - Ст. 1269.

²Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 22. - Ст. 2594.

³Собрание законодательства Российской Федерации. - 1999. - № 16. - Ст. 1935.

действия в состоянии крайней необходимости. Согласно ст. 1 указанного закона «ведомственная охрана – это совокупность создаваемых федеральными органами исполнительной власти органов управления, сил и средств, предназначенных для защиты охраняемых объектов от противоправных посягательств». Часть 2 ст. 18 гласит, что «работники ведомственной охраны не несут ответственности за моральный, физический или имущественный вред, причиненный ими правонарушителю в связи с применением физической силы, спецсредств и огнестрельного оружия, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, а также в условиях крайней необходимости».

Таким образом, очевидно, что право на причинение вреда в состоянии крайней необходимости реализуется сотрудниками правоохранительных органов посредством применения оружия, спецсредств и физической силы.

Согласно ст. 7 Федерального закона «О противодействии терроризму» регламентирующего пресечение террористических актов в воздушной среде «Вооруженные Силы Российской Федерации применяют оружие и боевую технику... в целях устранения угрозы террористического акта в воздушной среде или в целях пресечения такого террористического акта. В случае, если воздушное судно не реагирует на радиокоманды наземных пунктов управления прекратить нарушение правил использования воздушного пространства РФ... Вооруженные Силы России применяют оружие и боевую технику для пресечения полета указанного воздушного судна путем принуждения его к посадке. Если воздушное судно не подчиняется требованиям о посадке и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы, оружие и боевая техника применяются для пресечения полета указанного воздушного судна путем его уничтожения».

Статья 8 указанного Закона посвящена пресечению террористических актов во внутренних водах, в территориальном море, на континентальном шельфе Российской Федерации и при обеспечении безопасности национального морского судоходства. В ней сказано: «В случае, если морские или речные суда и корабли (плавательные средства) не реагируют на команды и (или) сигналы прекратить нарушение правил использования водного пространства РФ..., оружие военных кораблей Вооруженных Сил РФ применяется для принуждения к остановке плавательного средства в целях устранения угрозы террористического акта. Если плавательное

средство не подчиняется требованиям об остановке.... и при этом были исчерпаны все обусловленные сложившимися обстоятельствами меры, необходимые для его остановки, и существует реальная опасность гибели людей либо наступление экологической катастрофы, оружие военных кораблей (летательных аппаратов) Вооруженных Сил РФ применяется для пресечения движения плавательного средства путем его уничтожения».

Не оставляет сомнений, что данные нормы разрабатывались с учетом опыта трагических событий в США 11 сентября 2001 года. Однако, пресечение захватов воздушных и морских судов, путем их уничтожения, на наш взгляд, недопустимо. Указанные статьи не соотносятся с уголовно-правовой нормой о крайней необходимости, так как причинение вреда жизни одних лиц ради спасения жизни других невозможно.

Действующее законодательство в части регулирования ситуаций использования силы и огнестрельного оружия как крайней меры основывается на нормах международного права. Статья 3 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятого Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 года, предусматривает, что «должностные лица по поддержанию правопорядка могут применять силу только в случае крайней необходимости и в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей»¹.

Практика показывает, что ситуации крайней необходимости в деятельности сотрудников ОВД возникают достаточно часто, в том числе и при освобождении заложников. Это подтверждается и другими исследованиями. Так, В.А. Бикмашев установил, что около половины случаев применения сотрудниками ОВД оружия было связано с крайней необходимостью².

Большинство ученых-правоведов³ считает, что действия сотрудника милиции в состоянии крайней необходимости, а также при необходимой обороне не могут быть ограничены ведомственными нормативными актами: инструкциями, приказами, распоряжениями. По их мнению, правовой основой применения сотрудни-

¹Социалистическая законность. - 1990. - № 1. - С. 71-74.

²Бикмашев В.А. Уголовно-правовые аспекты применения огнестрельного оружия сотрудниками внутренних дел: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1997. - С. 18.

³См., напр.: Побегайло Э.Ф., Ревин В.П. Институт необходимой обороны и деятельность органов внутренних дел. - М., 1983; Куц Н.Т. Основания и порядок применения огнестрельного оружия работниками ОВД. - Киев, 1976.

ками милиции оружия, спецсредств и физической силы в состоянии крайней необходимости и необходимой обороны являются нормы уголовного законодательства о необходимой обороне, крайней необходимости и задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключаящих преступность деяния.

Однако есть и противники данной точки зрения¹. Так, С.В. Пархоменко считает, что вопросы правомерности выполнения специальными субъектами (должностными лицами) действий по защите интересов, использованию ими спецсредств и методов защиты должны рассматриваться за рамками крайней необходимости и необходимой обороны и только в аспекте выполняемых ими функций, регламентируемых специальными (ведомственными) нормативными актами. На практике же можно столкнуться с такой ситуацией, когда действия сотрудника милиции, направленные на пресечение преступления, будут соответствовать нормам уголовного законодательства, но в то же время противоречить требованиям Закона о милиции, приказам², инструкциям, положениям ОВД, определяющим, например, основания и порядок применения оружия, спецсредств и физической силы.

По нашему мнению, если работник милиции находится в состоянии крайней необходимости, не превысил ее пределов, но при этом нарушил требования Закона о милиции, он не может быть привлечен не только к уголовной, но и к любой другой ответственности.

Часть 3 ст. 37 УК РФ гласит, что «положения настоящей статьи в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти». В ряде постановлений по конкретным уголовным делам Пленум Верховного Суда СССР справедливо указывал: «Положения закона о необходимой обороне в равной

¹См.: Пархоменко С.В. Уголовно-правовые гарантии и права на необходимую оборону: (вопросы теории): Дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 1996. - С. 125; Ткаченко В.С. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, как правовая база защищенности сотрудников правоохранительных органов при осуществлении ими служебной деятельности // Новый Уголовный кодекс и вопросы совершенствования борьбы с преступностью: Материалы научно-практической конференции. - Челябинск, 1997. - С. 119-123.

²См., напр.: Об утверждении Инструкции о порядке применения ОВД спецсредств: Приказ МВД России № 865 ДСП от 5.11.2003 г.

степени распространяются на работников милиции, как и на всех граждан, и никаких повышенных требований к необходимой обороне работника милиции от нападения на него не устанавливаются¹. Однако в действующем постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 14 от 16 августа 1984 года «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств»² содержится положение, согласно которому представители власти, работники правоохранительных органов и иные лица, исполняющие служебные обязанности по пресечению общественно опасных посягательств, не подлежат уголовной ответственности за вред, причиненный посягавшему, если они действовали в соответствии с требованиями уставов, положений и иных нормативных актов, предусматривающих основания и порядок применения силы и оружия (п. 4).

В данном случае закреплённые положения, касающиеся необходимой обороны, присущи и крайней необходимости. Например, в ряде ситуаций нарушение правил применения оружия может быть оправдано состоянием крайней необходимости, поскольку для предотвращения более тяжкого вреда (угрожающего жизни работника милиции) причиняется вред иным правоохраняемым интересам (порядку несения службы и применения оружия). Поэтому рассматривать требования нормативных актов, предусматривающих порядок применения силы и оружия, как дополнительные условия правомерности крайней необходимости и необходимой обороны, - значит существенно ограничивать права сотрудников милиции.

Таким образом, проведенный анализ нормативного регулирования крайней необходимости позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в связи с тем, что норма о крайней необходимости закреплена и в административном, и в гражданском праве, а также в ряде законов Российской Федерации, можно утверждать, что она носит характер комплексного межотраслевого института. Во-вторых, институт крайней необходимости, закреплённый в гражданском законодательстве, связан только с возмещением причиненного вреда, а крайняя необходимость, закреплённая в уголовном законе, связана с условиями правомерности данного акта. В-третьих, по сравнению с крайней необходимостью, закреплённой

---

¹Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам. 1959-1971 гг. - М., 1973. - С. 50-51.

²Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (РФ). - М., 2003. - С. 257.

в административном законодательстве, крайняя необходимость, предусмотренная УК РФ, отличается размером причиненного вреда и объектами охраны, то есть вопрос о крайней необходимости в уголовном праве встает только тогда, когда совершены действия, внешне похожие на преступные, но таковыми не являющиеся, так как служат для достижения общественно полезной цели.

Состояние крайней необходимости может возникнуть в различных жизненных ситуациях. Общеизвестно, что источниками опасности в состоянии крайней необходимости являются стихийные бедствия, аварии, нападения животных, физиологические и патологические процессы, происходящие в организме человека (жажда, голод), общественно опасные действия людей, в том числе и захваты заложников.

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за захват заложников. Ей посвящена ст. 206 УК РФ в главе 24 «Преступления против общественной безопасности». Данная статья является примером нормы, пришедшей в российское законодательство из международного права.

Напомним, что Конституция Российской Федерации установила: «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» (ч. 4 ст. 15). Поэтому законодатель в Уголовном кодексе РФ (ст. 1) указывает, что в качестве источника ряда норм об уголовной ответственности использованы общепризнанные принципы и нормы международного права. В связи с этим А.А. Баев¹ отмечает, что, рассматривая вопросы правового регулирования борьбы с лицами, захватившими заложников, целесообразно выделять две основные группы правовых актов – международные и внутригосударственные. Последние основаны на международных договоренностях, приняты несколько позже и постоянно дополняются.

Рассмотрим нормативные акты обеих групп.

25 сентября 1926 года в Женеве была подписана Конвенция относительно рабства, в которую впоследствии были внесены дополнения. Данная конвенция определяет рабство как «состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них. Торговля невольника-

---

¹Баев А.А. Указ. соч. С. 37.

ми включает всякий акт захвата, приобретения или уступки человека с целью продажи его в рабство; всякий акт приобретения невольника с целью продажи его или обмена; всякий акт уступки путем продажи или обмена невольника, приобретаемого с целью продажи или обмена, равно как и вообще всякий акт торговли или перевозки невольников»¹. Согласно Конвенции договорившиеся стороны взяли обязательства предотвращать и пресекать торговлю невольниками, добиться отмены рабства во всех его формах, оказывать друг другу взаимное содействие для достижения уничтожения рабства и торговли невольниками и др.

Первым правовым документом, в котором захват заложников (именно в этом словосочетании) назван преступным деянием, является Женевская конвенция о предупреждении и наказании терроризма 1937 г. Конвенция состоит из преамбулы и 29 статей, довольно полно и широко определяющих объект действия ее положений. Указанная Конвенция формулирует понятие международного террористического акта, предлагает механизм борьбы с терроризмом. Однако Конвенция по политическим причинам в силу не вступила, но имеет значение в осуждении международного терроризма и признании его преступлением против международного права. Захват заложников в Конвенции наряду с захватом воздушных судов был назван одним из видов терроризма².

7 сентября 1956 года была принята Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и обычаев, сходных с рабством³.

В 60-х годах двадцатого столетия произошло увеличение количества захвата заложников, особенно на воздушных судах, что привело к активизации международных правозащитных организаций и выработке целого ряда международных правовых актов по борьбе с захватом заложников. Наиболее важными из них являются:

Токийская международная конвенция, подписанная 14 сентября 1963 г. «О преступлениях и некоторых других действиях, совершаемых на борту воздушного судна» (СССР присоединился к ней в 1987 г.). В данной Конвенции речь идет о том, что государ-

¹СССР и международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы МИД СССР. - М., 1989. - С. 105-106.

²Международное сотрудничество государств по борьбе с преступностью: Учебно-методическое пособие. - М., 1982. - С. 19.

³Там же.

ство, на территории которого находится предполагаемый преступник, немедленно производит расследование фактов, предпринимает также иные действия по выдаче. Вместе с тем отмечается, что за действия, предпринятые в соответствии с Конвенцией, ни командир воздушного судна, ни другой член экипажа, ни пассажир, ни владелец или эксплуатант воздушного судна, ни лицо, от имени которого совершается полет, не несут ответственности ни при каком судебном разбирательстве по поводу обращения с лицом, против которого такие действия были предприняты.

Гагская международная конвенция, подписанная 16 декабря 1970 г. «О борьбе с незаконным захватом воздушных судов». В ней дается понятие преступления – захвата воздушного судна и отмечается, что любое лицо на борту воздушного судна или его соучастник, незаконно, путем насилия, угрозы применения насилия или любой формы запугивания захватывающее воздушное судно, или осуществляющее над ним контроль, или совершающее попытку такого действия, является преступником. Статья 2 Конвенции предусматривает применение государством – участником соглашения относительно лица, совершившего «незаконный захват воздушного судна», суровых мер наказания. Согласно ст. 7 «договорившееся государство, на территории которого оказывается предполагаемый преступник, если оно не выдает его, обязано без каких-либо исключений и независимо от того, совершено ли преступление на его территории, передать дело своим компетентным органам для целей уголовного преследования. Эти органы принимают решение таким же образом, как и в случае любого обычного преступления серьезного характера в соответствии с законодательством этого государства».

Монреальская конвенция, подписанная 23 сентября 1971 г. «О борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации». В статье 7 Конвенции подтверждается обязанность государства, на территории которого находится предполагаемый преступник, передать дело своим компетентным органам для целей уголовного преследования.

Таким образом, внимание конференций в Токио, Гааге и Монреале было сконцентрировано на определении «преступлений, связанных с незаконным вторжением в деятельность гражданской авиации» и на предотвращении «незаконных актов против гражданской авиации». Рассмотренные международные конвенции дополняют друг друга, развивают положения, касающиеся квали-

фикации подобных преступлений, определяют договорно-правовую основу сотрудничества государств в борьбе с захватом заложников.

Однако вплоть до 1988 года за пределами международно-правового регулирования оставались ситуации, связанные с актами насилия, совершаемыми в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию. Этот пробел был восполнен принятием в 1988 году Протокола о борьбе с такого рода актами, дополняющего Монреальскую конвенцию. В протоколе сказано, что «незаконные акты насилия, которые угрожают или могут угрожать безопасности лиц в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, или которые ставят под угрозу безопасную эксплуатацию таких аэропортов, подрывают веру народов мира в безопасность в таких аэропортах и нарушают безопасную и упорядоченную деятельность гражданской авиации для всех государств... Наличие таких актов вызывает серьезную озабоченность международного сообщества и в целях предотвращения таких актов имеется настоятельная необходимость обеспечить принятие соответствующих мер для наказания преступников».

В 1975 году Интерполом был организован международный симпозиум, поднявший вопрос о жертвах подобных деяний. 10 ноября 1976 года Комитет Министров Европейского Совета принял текст Европейской Конвенции о борьбе с терроризмом, которая была подписана 27 января 1977 года в г. Страсбурге и вступила в силу 4 августа 1978 года. В соответствии с указанной конвенцией правонарушениями, относящимися к ее сфере, являются также похищение, взятие заложников и незаконное лишение свободы. Захват заложников расценивается как преступное деяние и относится к террористическим актам¹. Главное внимание в Конвенции уделяется выдаче. Уже в преамбуле подчеркивается, что экстрадиция — особо эффективное средство, не допускающее для лиц, совершивших террористические акты, возможности избежать преследования и наказания. Статья 3 предписывает привести положения всех договоров и соглашений о выдаче, действующих между членами Европейского Совета, в соответствие с настоящей Конвенцией.

20 декабря 1978 года Генеральной Ассамблеей ООН на основании резолюции 33/173 была принята Декларация о защите всех от насильственных исчезновений, в которой указывается: «Во многих странах имеют место случаи насильственного исчезновения,

¹Европейская конвенция по борьбе с терроризмом (Страсбург, 1977 г.) // Государство и право. - 1995. - № 4.

нередко носящие непрерывный характер, в том смысле, что лица подвергаются аресту, задерживаются или похищаются против их воли или каким-либо иным образом лишаются свободы должностными лицами различных звеньев или уровней правительства, организациями, группами или частными лицами, действующими от имени правительства при его прямой или косвенной поддержке, с его разрешения или согласия, при последующем отказе сообщить о судьбе или местонахождении таких лиц или признать лишение их свободы, что ставит данных лиц вне защиты закона. Все указанные акты насилия в соответствии с указанным документом должны признаваться преступлениями по уголовному праву и предусматривать наказание». 18 декабря 1992 года Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 47/133 также провозгласила Декларацию о защите всех лиц от насильственных исчезновений.

Кроме перечисленных конвенций о борьбе с различными видами преступлений, в том числе и захватом заложников, совершаемыми в мирное время, имеется ряд конвенций, запрещающих подобные преступления в военное время.

Так, в 1949 году в Женеве были приняты четыре международные конвенции: Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение на море, из состава вооруженных сил, Конвенция об обращении с военнопленными и Конвенция о защите гражданского населения во время войны¹. Все перечисленные конвенции содержат нормы, запрещающие совершение захвата заложников.

17 декабря 1979 года в Нью-Йорке была подписана Международная конвенция №34/146 о борьбе с захватом заложников, принятая Генеральной Ассамблеей ООН. В преамбуле Конвенции недвусмысленно указано, что захват заложников является преступлением, вызывающим «серьезное беспокойство у международного сообщества». Здесь же определена обязанность любого государства либо подвергнуть виновного в захвате заложников, подпадающего под сферу действия названной Конвенции, уголовному преследованию в пределах собственной юрисдикции, либо выдать его заинтересованному государству.

Понятие захвата или удержания заложника дано в статье 1 Конвенции. В ней сказано, что «любое лицо, которое захватывает

---

¹Женевские конвенции о защите жертв войны. - М., 1954. - С. 12.

или удерживает другое лицо и угрожает убить, нанести повреждение или продолжать удерживать другое лицо (здесь и далее имеющееся как «заложник») для того, чтобы заставить третью сторону, а именно: государство, международную межправительственную организацию, какое-либо физическое, юридическое лицо или группу лиц совершить или воздержаться от совершения любого акта в качестве прямого или косвенного условия для освобождения заложника, совершает преступление захвата заложников по смыслу настоящей Конвенции». Конвенция носит международный характер и содержит довольно строгие ограничения в своем применении. Она не применяется в тех случаях, когда наличествуют следующие условия: преступление совершено в пределах одного государства; преступник и заложник являются гражданами этого государства; предполагаемый преступник находится на его территории.

Противодействие захвату заложников может быть эффективным только в сочетании с защитой основных прав человека: права на жизнь, физическую и духовную целостность, права на свободу передвижения.

Важнейшим международно-правовым документом, защищающим основные права человека, является «Всеобщая декларация прав человека»¹, утвержденная и провозглашенная Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Статья 3 этой Декларации гласит: «Каждый человек имеет право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность». Согласно Декларации все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Статья 4 указывает, что «никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии»; в ст. 12 отмечается: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательством... на его честь и репутацию».

Поэтому захват заложников, представляющий особую опасность и нередко носящий транснациональный характер, признается преступлением международного масштаба.

Основополагающее значение в правовом регулировании борьбы с захватом заложников имеет Конституция Российской Федерации. Основной закон государства не содержит прямых норм, предусматривающих борьбу с захватом заложников, однако согласно ст. 2, 21, 22 Конституции «признание, соблюдение прав

¹Всеобщая декларация прав человека /Ассоциация содействия ООН СССР. - М., 1989.

и свобод человека и гражданина является обязанностью государства. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность».

Важное значение для обеспечения безопасности граждан от посягательств на их свободу имеет Декларация прав и свобод человека и гражданина¹, принятая Верховным Советом РСФСР в 1991 году, которая отмечает, что «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность: никто не может быть подвергнут пыткам, насилию, другому жестокому и унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию» (ст. 8).

Захваты заложников по своей общественной опасности, резонансу внутри страны и за рубежом носят черты экстремальных событий.

На федеральном уровне на сегодняшний день нет нормативного акта, который решал бы вопросы урегулирования отношений при чрезвычайных обстоятельствах, в частности, при захвате заложников. Но существуют ведомственные правовые акты, регулирующие деятельность органов внутренних дел и внутренних войск при чрезвычайных обстоятельствах криминального характера, а именно при освобождении заложников.

В первую очередь необходимо назвать приказ МВД России № 145 от 20 марта 1996 года «О концепции развития органов внутренних дел и внутренних войск МВД России». Согласно которому концепция развития органов внутренних дел и внутренних войск МВД России представляет собой официальную позицию, совокупность взглядов на основные направления и принципы совершенствования их деятельности. Главной целью развития системы МВД России является приведение ее в состояние, позволяющее обеспечить надежную защиту личности, общества и государства от преступных посягательств. Данный приказ определяет приоритеты в защите объектов уголовно-правовой охраны.

Кроме того, существует приказ МВД России, посвященный вопросам совершенствования подготовки органов внутренних дел и внутренних войск МВД России к действиям при чрезвычайных обстоятельствах. В нем сказано, что одной из задач органов внут-

---

¹Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. - 1991. - № 52. - Ст. 1865.

ренных дел и внутренних войск при чрезвычайных обстоятельствах является освобождение заложников.

В соответствии с ведомственным нормативным документом освобождение заложников и задержание лиц, их захвативших, осуществляется путем проведения комплекса разведывательных, предупредительных, режимных, следственных и оперативно-боевых действий федеральных органов государственной безопасности, органов внутренних дел и других привлекаемых сил под руководством оперативного штаба по единому плану. Решение о проведении операции по освобождению заложников принимается руководителем оперативного штаба. Статья 4.4 определяет обязанности руководителя операции, в числе которых: определение первоочередных организационных мероприятий, последовательности и времени их осуществления; принятие решения о проведении операции и определение ее общего замысла; оценка обстановки и принятие решения о проведении операции. Согласно ст. 4.5, 4.6 «операция начинается, как правило, с переговоров об освобождении заложников. Одновременно с ведением переговоров руководитель операции ставит задачу командиру спецподразделения на подготовку групп захвата и прикрытия к освобождению заложников с применением силы на случай недостижения конечной цели ненасильственными способами».

Таким образом, инструкция регламентирует операцию по освобождению заложников лишь в общих чертах. Она не отражает ход действий сотрудников при освобождении разных категорий и количества заложников.

Существует и совместный приказ МВД России и ФСБ России № 479/826 от 10 декабря 1997 года «Об утверждении Единого перечня чрезвычайных ситуаций, преступлений и происшествий, сообщения о которых должны направляться органами ФСБ и ОВД одновременно в ФСБ России и МВД России». Названным приказом утвержден Единый перечень, где в пункте 3 называется захват заложников.

Вопросы предупреждения и пресечения захватов заложника на воздушных судах рассматриваются в «Инструкции о мерах по предупреждению и пресечению захвата и угона воздушных судов и иных актов незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации РФ». Данная инструкция утверждена совместным приказом Министерства транспорта, Министерства обороны, Министерства внутренних дел, Федеральной пограничной службы,

Федеральной службы безопасности, Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте РФ, Главного управления охраны РФ 10 января 1995 г.

Существует и приказ о порядке взаимодействия сил и средств уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации с органами внутренних дел и воинскими частями внутренних войск МВД России при возникновении чрезвычайных обстоятельств. Согласно приказу центральным и территориальным органам уголовно-исполнительной системы Минюста России, Министерства внутренних дел Российской Федерации предписано осуществлять взаимодействие при возникновении чрезвычайных обстоятельств в местах дислокации учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Взаимодействие территориальных органов уголовно-исполнительной системы с органами внутренних дел и внутренними войсками МВД России осуществляется при освобождении заложников на объектах уголовно-исполнительной системы.

Приказом о повышении эффективности действий органов внутренних дел и внутренних войск по предупреждению преступлений террористического характера, преследующих корыстные цели, утверждено Наставление о деятельности служб и подразделений органов внутренних дел и внутренних войск по выявлению террористических групп, организаций, сообществ и предупреждению совершения ими преступлений террористического характера.

Приказ Генеральной Прокуратуры РФ от 3 декабря 2002 года № 70 «О порядке представления специальных донесений о чрезвычайных происшествиях и преступлениях, а также иной обязательной информации в органы прокуратуры РФ» (в редакции Приказа Генпрокуратуры от 15.09.2004 г. № 24). Данным приказом прокурорам субъектов РФ и приравненным к ним прокурорам специализированных прокуратур приказано незамедлительно сообщать специальным донесением в Генпрокуратуру РФ по телефону или иными видами срочной связи о происшествиях чрезвычайного характера, в том числе о преступлениях против общественной безопасности.

Ряд законов Российской Федерации¹, регламентирующих деятельность правоохранительных органов, упоминает об освобожде-

¹Например, п. 3 ст. 15 Закона РСФСР от 18.04.1991 г. «О милиции» // Собрание законодательства РФ. - 1999. - № 14. - Ст. 1666; п. «ж» ст. 27, п. «в» ст. 28, п. «а» ст. 29 Федерального закона РФ от 25.12.1996 г. «О внутренних войсках МВД РФ» //

нии заложников в аспекте применения спецсредств и оружия. Иначе говоря, ситуация освобождения заложников называется в качестве одного из оснований применения оружия и спецсредств.

Таким образом, подводя итог рассмотрению правового регулирования борьбы с захватом заложников, хотелось бы выделить следующее.

Во-первых, нужно отметить, что существующие международные нормативно-правовые акты - конвенции, декларации и договоры, касающиеся захвата заложников как преступления международного характера, - закрепляют лишь общие правовые рамки, необходимые для организации противодействия захвату заложников. Все они провозглашают основной принцип - всеобщего осуждения и признания противоправности захвата заложников. Вопросы, касающиеся освобождения заложников в них не рассматриваются.

Во-вторых, действующее российское законодательство в ст. 206 УК РФ закрепляет захват заложников, квалифицирует данный состав преступления, а примечание к указанной статье еще и предусматривает возможность освобождения виновного от уголовной ответственности в случае добровольного или по требованию властей освобождения заложников. Безусловно, цель примечания - в стимулировании деятельности виновного по спасению жизни заложников.

Кроме того, как уже ранее отмечалось автором, ряд законов Российской Федерации упоминает о ситуации освобождения заложников, но лишь в аспекте применения спецсредств и оружия.

Таким образом, очевидно, что на федеральном уровне законодательства РФ нет нормативного акта, разрешающего вопросы, связанные с ситуацией освобождения заложников.

В-третьих, анализ ведомственных и межведомственных нормативно-правовых актов показал, что приказы, инструкции регулируют лишь отдельные моменты, связанные с освобождением заложников. В мероприятиях по освобождению захваченных лиц чаще всего принимают участие органы внутренних дел, внутренних войск и Федеральной службы безопасности. Указанный выше межведомственный акт закрепляет координацию действий и взаимодействие федеральных органов государственной безопасности и ор-

---

Собрание законодательства РФ. - 1997. - № 6. - Ст. 711; ст. 14 Федерального закона РФ от 3 апреля 1995 г. «Об органах ФСБ» //Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 15. - Ст. 1269.

ганов внутренних дел РФ. Однако, как мы видим, единый нормативно-правовой акт, который бы детально регламентировал действия сотрудников правоохранительных органов при освобождении заложников, отсутствует.

В связи с чем, по нашему мнению, существующее законодательство нуждается, прежде всего, в совершенствовании ведомственных и межведомственных нормативных актов, касающихся проведения специальных операций по освобождению заложников в рамках принятия единого для правоохранительных органов нормативного акта по данному вопросу.

Резюмируя сказанное, хотелось бы отметить, что понятие крайней необходимости регламентируется различными отраслями права, а освобождению заложников как одному из источников опасности при крайней необходимости посвящен лишь один ведомственный нормативно-правовой акт. Данный приказ отражает только ход проведения спецоперации, закрепляет ее общие правовые рамки. Несмотря на наличие нормативно-правовых актов, касающихся регламентации действий сотрудников правоохранительных органов в чрезвычайных ситуациях, все действия, связанные с причинением вреда в состоянии крайней необходимости при освобождении заложников будут оцениваться в соответствии с нормами уголовного законодательства Российской Федерации.

Освобождение заложников – это вопрос сохранения человеческих жизней. Будучи объектом уголовно-правовой охраны, жизнь человека – это прерогатива уголовного, а не гражданского и административного законодательства.

2.2. Конкуренция приоритетов и ценностей объектов уголовно-правовой охраны в процессе реализации крайней необходимости при освобождении заложников

Захвату и освобождению заложников как ситуации экстремального характера присуща конкуренция охраняемых интересов, которые в той или иной мере подвергаются негативному воздействию. Именно при захвате и освобождении заложников под угрозу причинения вреда одновременно попадает значительное число объектов уголовно-правовой охраны: жизнь, здоровье, достоинство граждан, взятых в заложники, работников правоохранительных ор-

ганов, нормальный порядок функционирования государственных органов, собственность, общественный порядок и общественная безопасность в целом. В связи с этим возникает необходимость определения приоритетов интересов в процессе реализации крайней необходимости при освобождении заложников.

В настоящее время в Конституции России, принятой на референдуме 12 декабря 1993 года, утвержден приоритет социальных ценностей. Статья 2 закрепляет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Данное конституционное положение является общим ориентиром при сопоставлении важности спасаемого и разрушаемого благ в ситуации крайней необходимости в целом и при освобождении заложников в частности.

Объекты уголовно-правовой охраны – это все ценности, находящиеся под охраной уголовного закона. При уяснении сущности объекта уголовно-правовой охраны необходимо определиться с понятиями интереса и ценности.

Советский энциклопедический словарь определяет интерес следующим образом: «Интерес (от лат. interest – имеет значение, важно) – это: 1) реальная причина социальных действий, лежащая в основе непосредственных побуждений – мотивов, идей и т.п. – участвующих в них индивидов, социальных групп, классов; 2) (Психол.) отношение личности к предмету как к чему-то для нее ценному, привлекательному»¹. В психологической литературе интерес определяют как специфическую познавательную направленность личности на предметы и явления действительности. Интерес вызывается потребностью, так как последняя направляет высшую отражательную деятельность на предмет потребности, который и вызывает интерес².

В состоянии крайней необходимости при освобождении заложников под угрозой причинения вреда находятся интересы и ценности, охраняемые правом и государством.

В философии ценность определяется как предмет, явление или их свойства, которые нужны людям в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также идеи и побуждения в качестве нормы цели или идеала³.

¹Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. - М., 1985. - С. 495.

²Психология: Учебник для педвузов. - М., 1962. - С. 373.

³Тугаринов В.Н. Теория ценностей в марксизме. - Л., 1968. - С. 11.

Соотношение потребности, интересов и ценности В.П. Тугаринов определяет следующим образом: «Без потребностей и интересов не было бы ценностей. Но потребности и интересы сами по себе ценностями не являются. Голод и жажда – совсем не ценности. Это - страдания. Ценностями являются хлеб и вода, т.е. вещества, которые удовлетворяют, погашают эти страдания. Интерес сам по себе также не является ценностью. Он лишь указывает средство для удовлетворения потребности»¹.

Однако с этим нельзя согласиться. Интерес – это удовлетворение чувства голода, жажды. Сами по себе хлеб и вода, если интерес не удовлетворен, ценностями не осознаются.

Объект уголовно-правовой охраны - это не «элемент» или «сторона» преступления, а важнейшие ценности, ради охраны которых создается уголовное право с его подчас жестокими репрессиями².

Практически все исследователи в качестве общего объекта уголовно-правовой охраны называют общественные отношения. «В современном праве, - замечал Н.Д. Сергеевский, - выдвигается мнение о том, что всякое нарушение права отдельного лица есть вместе с тем правонарушение общественное, поэтому всякое причинение вреда в наше время мыслится как преступное деяние против всего общества, хотя бы оно нарушало ближайшим образом только интересы частного лица. Новое время постепенно, хотя и со значительными колебаниями, несет с собою ограничение области частных преступных деяний и в будущем, по всей вероятности, во всякой неправде будут видеть вред всему обществу»³.

С тех пор и до недавнего времени признание общественных отношений объектом преступных посягательств считалось в нашей науке единой и единственной точкой зрения⁴.

В юридической литературе встречается и взгляд на объект уголовно-правовой охраны как на «правовое благо».

По словарю В. Даля «благо» определяется как «все доброе, полезное, служащее к нашему счастью»⁵. С.И. Ожегов определяет

---

¹Там же. С. 19.

²Там же. С. 32.

³Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть Общая. - СПб., 1913. - С. 51-52.

⁴См., напр.: Дурманов Н.Д. Указ. соч.; Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. - М., 1951; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. проф. Б.В. Здравомыслова. - Изд. 2-е, перераб. и доп. - М., 2000.

⁵Даль В. Указ. соч. - М., 1989. - Т. 1. - С. 90.

благо как «то, что дает достаток, благополучие, удовлетворяет потребности»¹.

Для современных представлений о «правовом благе» характерно определение Г. Вельцеля. Он пишет, что это «такое желаемое состояние, которое право должно защищать от нарушения. По своему субстрату оно может выступать как психофизический или идеально-духовный объект (жизнь, честь), или реальное состояние (мирная жизнь в доме), или жизненные отношения (семейные, родственные), или правовые отношения (собственность, право на охоту)»². «Правовое благо» не всегда отождествляется с ценностью. В некоторых уголовно-правовых теориях объект преступления представлен не как «правовое благо» вообще, а как «человеческое благо, пользующееся охраной действующего закона»³.

Таким образом, существует множество точек зрения на определение понятия объекта уголовно-правовой охраны. Некоторые авторы определяют объект через систему ценностей, другие рассматривают объект как интересы, третьи – через правовое благо. На наш взгляд, объекты уголовно-правовой охраны – это интересы и ценности, находящиеся под охраной уголовного закона в силу их исключительной важности в жизни общества и государства.

Понятие объекта уголовно-правовой охраны шире понятия объекта деяния в состоянии крайней необходимости при освобождении заложников.

Объекты уголовно-правовой охраны перечислены в ст. 2 УК РФ, согласно которой задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений.

Таким образом, главной задачей УК РФ является охрана прав и свобод человека и гражданина. Следует подчеркнуть, что это приоритетный объект уголовно-правовой охраны. Однако все остальные перечисленные в ст. 2 объекты также важны и защищаемы уголовным законом.

Состояние крайней необходимости при освобождении заложников возникает там, где сталкиваются два охраняемых законом

¹ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 43.

² Deutsche Strafrecht. - Berlin, 1969. - S. 4.

³ Пусторослев П.П. Русское уголовное право. - Юрьев, 1912. - С. 255-258.

интереса и сохранение одного - более важного (например, жизни захваченных лиц) достигается принесением в жертву другого - менее важного (скажем, собственности). Очевидно, что объект деяния, причиняющий вред в состоянии крайней необходимости при освобождении заложников, входит в число объектов уголовно-правовой охраны.

При применении крайней необходимости должны соблюдаться условия ее правомерности, которые должны быть одинаковыми для любой ситуации. Условия правомерности должны соблюдаться и при освобождении заложников. Но будут ли они одинаковыми при освобождении разных категорий заложников?

Во-первых, необходимо отметить, что каждый конкретный случай освобождения заложников является индивидуальным, не похожим на другие. Поэтому и способ разрешения конкретной жизненной ситуации будет в каждом случае разным. Одного варианта действий на все случаи жизни быть не может.

Во-вторых, если предположить, что каждый захват заложников – это индивидуальный акт преступного поведения, характеризующийся наличием собственных специфических признаков, отличающих его от других подобных преступлений, то автором в этой связи хотелось бы обратить внимание на ситуации освобождения большого количества заложников.

Не вызывает сомнений тот факт, что в целом захват заложников - это уже чрезвычайная ситуация, а их освобождение - экстраординарное событие, выходящее за рамки ежедневных обязанностей сотрудников правоохранительных органов, вне зависимости от того, кто находится в заложниках и каково их количество. Приведем примеры наиболее распространенных и типичных ситуаций захвата заложников:

- осужденные (всего тринадцать человек), отбывавшие наказание за тяжкие преступления, желая совершить побег, захватили контролеров СИЗО в качестве заложников¹;

- 19 августа 1994 года при совершении квартирного разбоя пятеро преступников захватили в качестве заложников хозяина квартиры и его жену, за освобождение которых потребовали 10 ампул морфия. После получения наркотиков преступники освободили хозяина квартиры. Вследствие отказа преступников освободить жен-

---

¹Беляева Н., Орешкина Т., Мурадов Э. Указ. соч. С. 19.

щину, в результате штурма заложница освобождена, а преступники задержаны¹;

- 29 сентября 1997 года около 23 часов подсудимый Голоперов, проживающий в Сельчинском психоневрологическом интернате, пытаясь самовольно покинуть территорию интерната, захватил в качестве заложников трех проживающих в этом же интернате женщин. Подсудимый потребовал у сотрудников интерната беспрепятственного выхода за территорию интерната. В ходе проведения спецоперации двое заложниц были освобождены, одна убита подсудимым, который впоследствии был обезврежен и захвачен²;

- 18 декабря 1998 года в Москве геолог А. Шрайбер, пройдя в кабинет главного бухгалтера банка «Российский кредит», потребовал немедленной выдачи причитающихся ему в соответствии с постановлением суда 3700 долларов. Получив от работников банка отказ, мотивированный отсутствием денег, вкладчик выхватил пистолет и объявил троих служащих, находившихся в кабинете главбуха, заложниками. Через сорок минут, получив около 70 тыс. руб., Шрайбер вышел из кабинета главбуха и был задержан работниками милиции³.

Однако существуют и примеры захвата и освобождения заложников, которые «выбиваются» из ряда обычных, рядовых преступлений, предусмотренных ст. 206 УК РФ.

1. Захват заложников 14 июня 1995 года в Буденновске Ставропольского края. В город на «КамАЗах» въехали боевики Шамиля Басаева и атаковали здание ОВД, городскую администрацию, узел связи и рынок. Захвачена больница и более 1600 заложников. В результате, по официальным данным, 146 человек оказались убитыми, 415 ранеными. Городу нанесен ущерб в 95 млн. руб. в ценах 1995 года.

2. Захват заложников отрядом чеченских боевиков Мовсара Бараева в Театральном центре на Дубровке 23 октября 2002 года, когда в заложники были взяты более 900 человек, присутствующих в зале на мюзикле «Норд-Ост», 129 из которых погибло.

Особенностью данной ситуации захвата заложников является ее масштабность, большая численность захваченных в заложники лиц. При этом нельзя забывать, одним из определяющих условий

---

¹Там же. С. 80.

²Материалы архивного дела №2-72/98 Верховного суда Удмуртской республики.

³Комиссаров В. Захват заложника: стремление к наживе или преступление от безысходности? // Законность. - 1999. - № 3. - С. 17.

правомерности крайней необходимости является то, что вред причиненный должен быть менее значительным, чем предотвращенный.

Соответственно, в ситуации массового захвата заложников, как это случилось на «Норд-Осте», вред причиненный будет больше, чем в ситуации при освобождении одного или нескольких заложников. Работникам правоохранительных органов приходится идти на причинение вреда ради спасения большего блага – жизни заложников. Именно так действовали сотрудники российских спецслужб ФСБ России «Альфа» и «Вымпел», штурмовавшие захваченное здание ДК на улице Мельникова и вынужденные впервые применить сильнодействующий газ, пустив его по вентиляционным шахтам. В те дни в прессе сообщалось: «Усыпляющий газ спас сотни людей, но часть заложников он убил»¹.

Нет необходимости доказывать существенное возрастание общественной опасности при захвате сотен заложников. Это трудно сопоставимо с захватом двух или более лиц. Здесь общественная опасность содеянного приобретает иное качество и должна влечь принципиально более суровое наказание. В связи с чем, по нашему мнению, необходимо дополнить ч. 3 ст. 206 УК РФ новым квалифицирующим признаком «захват 10 и более заложников»². Предлагаем изложить ч. 3 ст. 206 УК РФ в следующей редакции:

«3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены:

- а) организованной группой;
- б) повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия;
- в) в отношении 10 и более лиц».

3. Захват заложников 1 сентября 2004 года в городе Беслане Северной Осетии-Алании. Чеченские боевики Доку Умарова захватили 1200 заложников в школе № 1. В результате пострадало 774 человека и погибло 329 человек, из них детей 404 и 248 человек³ соответственно.

Ситуация освобождения заложников в Беслане осложнялась помимо количества захваченных тем, что большинство из них были дети. Выделение категории освобождения несовершеннолетних за-

¹ Независимая Газета. 2002. 28 октября. № 231. - С. 1.

² Подобной точки зрения придерживаются Антонян Ю.М. и др. Указ. соч. С. 31.

³ Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций: Научный информационный сборник / Гл.ред. Н.А. Махутов. - М., 2005. - № 1. - С. 30.

ложников представляется не случайным. Сам законодатель выделяет данную категорию заложников, предусматривая «захват в отношении несовершеннолетнего» в виде квалифицирующего признака состава преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ.

Сотрудникам ОВД в ходе проведенного нами анкетирования был задан вопрос: «Как Вы считаете, имеются ли особенности применения крайней необходимости при освобождении разных категорий заложников?». Постановка данного вопроса перед сотрудниками ОВД обусловлена возложенной на них правовой обязанностью по освобождению заложников. В результате 96% опрошенных ответили положительно, из них 46% - считают, что особенности имеются при освобождении несовершеннолетних; 50% - при освобождении большого количества людей; 3% опрошенных считают, что таковых особенностей нет, и лишь 1% - затруднились ответить.

Таким образом, несмотря на то, что условия правомерности крайней необходимости при освобождении разных категорий захваченных лиц существенно не меняются, думается, что особенности при освобождении большого количества заложников должны быть законодательно закреплены на ведомственном уровне. Кроме того, лица, освобождающие захваченных лиц, должны разобравшись в происходящем, грамотно определить конкурирующие объекты уголовно-правовой охраны и отдать приоритет сохранению жизни заложников.

Если объекты уголовно-правовой охраны – это все ценности, находящиеся под защитой уголовного закона, то объекты деяния в состоянии крайней необходимости при освобождении заложников - это те конкретные ценности, между которыми приходится выбирать в конкретной жизненной ситуации. Конкуренция объектов уголовно-правовой охраны в процессе реализации крайней необходимости при освобождении заложников основана на причинении вреда правоохраняемым интересам как неперменного атрибута крайней необходимости. Однако правомерность причинения вреда в состоянии крайней необходимости достигается при условии, что вред причиненный будет менее значительным, чем предотвращенный.

Можно ли признать социально приемлемыми и соответственно непреступными действия, причиняющие в состоянии крайней необходимости смерть человеку, с тем чтобы устранить опасность собственной жизни? Решение этого вопроса чрезвычайно важно. Анализ опубликованной практики, обобщение теоретических

взглядов по данному вопросу позволяют сделать следующий вывод: согласно действующему законодательству нельзя спасать собственную жизнь за счет лишения жизни другого лица (других лиц). На страницах научно-монографической литературы не раз обсуждался случай с альпинистами¹. По вопросу квалификации действий альпиниста, обрезавшего веревку, к которой был прикреплен его товарищ, М.Д. Шаргородский утверждал, что такие действия являются наказуемыми и лицо должно нести ответственность на общих основаниях. «Наказуем, как мы полагаем, альпинист, обрубивший веревку, к которой привязан его товарищ, сорвавшийся с горы и тянувший его за собой в бездну, когда он не может того удержать, и имеется дилемма – или погибнуть обоим, или спастись ему одному»².

С ним полностью соглашается М.И. Якубович. «Альпинист, для спасения собственной жизни обрубивший веревку, к другому концу которой прикреплен второй альпинист, сорвавшийся и повисший над пропастью, не может быть оправдан состоянием крайней необходимости. Он подлежит ответственности за умышленное преступление»³.

Представляется, что приведенные суждения нельзя признать правильными.

Однако некоторые авторы придерживаются противоположной точки зрения. Например, Ю.В. Баулин доказывает, что «правомерными должны быть признаны действия альпиниста, обрубившего веревку, к которой был привязан его товарищ, срывающийся с горы и тянувший его в бездну. В этом случае причиненный вред вполне отвечает характеру опасности – смерть одного человека предотвращает угрозу смерти двух лиц»⁴.

Ю.М. Антонян также считает, что такие действия не являются преступными⁵. Н.С. Таганцев прямо заявил: «Я, бесспорно, могу лишиться другого жизни, спасая себя»¹.

¹ Альпинисты С. и Р., находясь в одной связке, оказались над пропастью. Под тяжестью их тел крюк, вбитый в скалу, постепенно расшатывался и должен был выскользнуть, что грозило обоим гибелью. Чтобы спасти свою жизнь, Р. перерезал трос, державший его в связке с С. Последний упал в пропасть и разбился.

² Шаргородский М.Д. Преступления против жизни, здоровья. - М., 1948. - С. 243.

³ Якубович М.И. Обстоятельства, исключющие общественную опасность деяния: Учебное пособие. - М., 1979. - С. 59.

⁴ Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключющие преступность деяния. - Харьков, 1991. - С. 320.

⁵ Антонян Ю.М. Психология убийства. - М., 1997.

В.Д. Спасович отмечал: «Жизнь погибающего равноценна, как и жизнь того, кого погибающий умерщвляет для своего собственного спасения, даже для спасения других лиц, более ему близких. Этот поступок можно считать недостойным, безнравственным, потому что нравственный закон вменяет нам в обязанность самоотверживания, но обязанность эта не юридическая, и государство не вправе требовать ее исполнения под страхом наказания»².

А.Е. Кистяковский, признавая спасение собственной жизни за счет другого лица в нравственном отношении неодобрительным, одновременно указывал на то, что такие действия не могут считаться уголовно-наказуемыми «на том основании, что такое действие совершается человеком, обезумевшим от страха потерять свою жизнь»³.

Мы согласны с точками зрения Ю.В. Баулина, Ю.М. Антоняна и Н.С. Таганцева, что в случае с альпинистами, причиненный вред отвечает характеру опасности – смерть одного человека предотвращает угрозу смерти двух лиц. Следует лишь помнить, что согласно действующему законодательству нельзя спасать собственную жизнь за счет умышленного лишения жизни другого лица (других лиц).

Однако, рассматривая ситуацию освобождения заложников, думается, что захваченные лица, спасая собственную жизнь, вправе причинить вред посягающему лицу (захватчику), вплоть до лишения его жизни, в рамках применения нормы о необходимой обороне (если посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося).

Освобождение заложников представляет определенные трудности для сотрудников органов внутренних дел; так как этот процесс чреват гибелью людей, причинением вреда жизни и здоровью граждан, уничтожением и повреждением материальных ценностей.

Важен тот факт, что в состоянии крайней необходимости вред причиняется не нападающему, как при необходимой обороне, а «третьему лицу». Однако в отдельных случаях возможно и спасение в состоянии крайней необходимости какого-либо блага своего или другого лица за счет интересов «третьего лица», т.е. лица, никоим образом не связанного с созданием опасности.

---

¹Таганцев Н.С. Указ. соч. С.555.

²Спасович В.Д. Учебник уголовного права. - СПб., 1863. - Т. 1. - С. 104.

³Кистяковский А.Е. Элементарный учебник Общего уголовного права. Часть Общая. - М., 1882. - С. 401.

Так как при освобождении заложников страдают «третьи лица», то говорить о необходимой обороне нельзя в связи с тем, что одним из условий ее правомерности является причинение вреда только нападающему. При крайней необходимости вред может быть причинен третьим лицам, то есть организациям, учреждениям, отдельным гражданам, которые не вызвали опасность и обычно не связаны с созданием этой опасности¹. В ситуации захвата заложников третьими лицами, как правило, оказываются заложники. При освобождении захваченных лиц, когда действия работников правоохранительных органов направлены на спасение интересов заложников, а также государственные и общественные интересы, причинение вреда третьим лицам в состоянии крайней необходимости является ее условием правомерности.

Правовая оценка соотношения объектов уголовно-правовой охраны и объектов деяний, причиняющих вред в состоянии крайней необходимости при освобождении заложников, возможна лишь при анализе соотношения фактического причиненного вреда и вреда предотвращенного. Однако, как справедливо отмечает ряд авторов², недопустимо их механическое соотношение и, кроме того, помимо материальных признаков должна учитываться социальная значимость интересов или объектов как нарушенных, так и защищенных.

Таким образом, можно сделать вывод, что объект деяния в состоянии крайней необходимости при освобождении заложников есть охраняемые государством и правом интересы и ценности, которым причиняется вред с целью ликвидации угрозы причинения вреда более существенным интересам, что и определяет состояние крайней необходимости.

Первоначально норма, предусматривающая ответственность за захват заложника (ст. 126¹ УК РСФСР), располагалась в главе 3 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». Законодательное определение объекта рассматриваемого преступления в качестве отношений, обеспечивающих свободное и нормальное существование личности как высшей ценности

---

¹См.: Козак В.Н. Указ. соч. С. 101; Гришаев П.И., Марцев А.И., Царегородцев А.М. Необходимая оборона, задержание преступника, крайняя необходимость. - Омск, 1987. - С. 29.

²Зуев В.Л., Стеснова Т.И., Корнева Л.С. Проблемные вопросы применения институтов необходимой обороны и крайней необходимости // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник. - М., 1996. - С. 14.

общества, представляется не точным. Так, А.Г. Лоскутов, Н.Н. Козлова и М. Лысов¹ относят захват заложников к преступлениям против личности. Однако многие ученые, в их числе такие исследователи проблем терроризма и захвата заложников как Н. Беляева, Л.Д. Гаухман, В.С. Комиссаров, Г.В. Овчинникова² и другие, поддерживают иную позицию по вопросу об объекте захвата заложников, доказывая ошибочность решения законодателя об оценке объекта.

Уголовный Кодекс РФ 1996 года определил норму о захвате заложников в главу 24 раздела XIX - «Преступления против общественной безопасности». Законодательное перенесение данного состава из одной главы в другую свидетельствует об уточнении объекта уголовно-правовой охраны. Именно объект является наиболее важным элементом состава преступления захвата заложников.

В настоящее время объектом преступления статьи 206 УК РФ признается общественная безопасность, так как «при захвате заложников ущерб причиняется прежде всего отношениям, обеспечивающим безопасные условия жизни общества»³. Аргументом в пользу этой позиции можно считать то, что захватчиков интересует, главным образом, не личность заложника, а воздействие на тот адресат, к кому обращены требования, подкрепляемые угрозой причинить вред заложнику.

Согласно закону от 5 марта 1992 года № 2446-1 «О безопасности» безопасность – это «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»⁴.

Таким образом, представляется, что захват заложников нарушает общественную безопасность и одновременно ставит под угрозу

---

¹Лоскутов А.Г. К вопросу об уголовной ответственности за захват заложников // Совершенствование деятельности органов внутренних дел в условиях правовой реформы. - М., 1992. Вып. 2. - С. 45; Козлова Н.Н. Некоторые вопросы совершенствования уголовно-правовой нормы о захвате заложников // Правовые проблемы деятельности органов внутренних дел в современных условиях. - М., 1992. - С. 78; Лысов М. Ответственность за незаконное лишение свободы, похищение человека и захват заложника // Российская юстиция. - 1994. - № 5. - С. 40.

²Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника. М., 1997. - С. 74; Овчинникова Г.В. Расследование захвата заложников. Уголовно-правовые и криминалистические вопросы: Учебное пособие. - СПб., 1997. - С. 4.

³Комиссаров В.С. Ответственность за захват заложников по УК РСФСР // Вестник Московского университета. - 1995. - № 5. - С. 47.

⁴Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. - 1992. - № 15. - Ст. 769.

зу жизнь и здоровье значительного числа лиц, ограничивает свободу и нарушает неприкосновенность человека. Однако в связи с тем, что человеку, его правам и свободам согласно Конституции России отдан приоритет как высшей ценности, думается, что данный состав преступления должен быть расположен в главе 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», так как в первую очередь вред причиняется лицам, которых взяли в заложники. Поэтому основным объектом охраны должны выступать общественные отношения, охраняющие свободу человека.

Таким образом, мы предлагаем поместить ст. 206 УК РФ в главу 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства».

Следует также отметить, что законодатель, учитывая характер и степень общественной опасности захвата заложников, относит его к числу тяжких преступлений, а при квалифицирующих обстоятельствах – к особо тяжким. Кроме того, необходимо иметь в виду что захват заложников относится к числу транснациональных, конвенционных преступлений и может причинить вред деятельности России в сфере межгосударственных отношений.

При угрозе таким ценностям, находящимся под охраной уголовного закона, как жизнь, здоровье, собственность, объектами правомерных деяний, причиняющих вред в состоянии крайней необходимости, могут выступать равнозначные объекты. Сложностей с применением нормы о крайней необходимости не возникает, когда дело идет о качественно однородных, сопоставимых благах. Важное исключение составляет запрет сохранения здоровья и собственности за счет жизни.

Для того чтобы доказать приоритетность личности, ее жизни, прав и свобод как объектов уголовно-правовой охраны при освобождении заложников необходимо привести ряд примеров.

Так, был проведен анализ захвата заложников в самолете¹, в котором основными конкурирующими объектами уголовно-правовой охраны явились жизнь (ст. 105, 109 УК РФ) → здоровье (ст. 111, 112, 118 УК РФ) → собственность (ст. 167, 168 УК РФ) → общественная безопасность (ст. 211 УК РФ) → нормальное функционирование органов государственной власти, интересы государственной службы и органов местного самоуправления (ст. 285, 286, 293 УК РФ). Дача разрешения на вылет рассматривалась бы как состояние крайней необходимости, при котором ради спасения жизни

¹Этот пример описан автором в § 1.4., посвященном понятию крайней необходимости и условиям ее правомерности при освобождении заложников.

вред бы был причинен общественной безопасности. Попытка выбрать наиболее важный объект привела к тому, что вред был причинен всем конкурирующим объектам.

Следует также отметить, что все звенья приведенной цепочки в состоянии крайней необходимости при освобождении заложников могут разрушаться, приоритет отдается лишь жизни человека.

В случае же захвата заложников в г. Орджоникидзе в целях обеспечения безопасности заложников было принято решение выполнить ряд требований преступников (им предоставили возможность вылета за рубеж), тем самым был причинен вред для устранения угрозы причинения более значительного вреда. В этой ситуации важнейшие объекты уголовно-правовой охраны - жизнь и здоровье людей - были сохранены. Преступники и самолет также были возвращены¹.

Во втором примере под угрозой причинения вреда находятся те же объекты уголовно-правовой охраны, однако вред причинен был только одному из них – общественной безопасности (угон воздушного судна), а жизни людей были сохранены. В данной ситуации имела место классическая крайняя необходимость.

Анализ двух приведенных примеров позволяет говорить о том, что в первом случае условия правомерности крайней необходимости, с нашей точки зрения, были нарушены, так как вред был причинен больший, чем предотвращенный. Во втором случае имела место классическая крайняя необходимость, так как вред был причинен меньший (ни самолет, ни заложники не пострадали).

К сожалению, практика свидетельствует о наличии ряда случаев, когда в процессе задержания преступников и освобождения заложников, жизням и здоровью последних причиняется значительный вред. Наибольшее количество жертв среди заложников было в 2002 году при захвате театрального центра в Москве на Дубровке и школы в г. Беслане Северной Осетии в 2004 году.

Действия сотрудников ОВД при освобождении захваченных лиц не всегда могут исключать элемент неосторожного причинения вреда здоровью и жизни заложников. Кроме того, освобождение заложников нередко происходит в общественном, многолюдном месте, где могут присутствовать посторонние граждане – родственники заложников, прохожие, люди, случайно оказавшиеся на месте события преступления в роли пассивных наблюдателей, что также

---

¹Известия. 1988. 5 декабря; Труд. 1989. 18 марта.

не исключает возможность причинения вреда их жизни и здоровью. К тому же экстремальность крайней необходимости в ситуации освобождения заложников обуславливается такими факторами, как динамичность развития событий, недостаток времени и информации для выбора оптимального варианта действия. Вместе с тем лица, освобождающие заложников должны продумать все возможные способы преодоления препятствий и надежно удостовериться в их применимости для конкретной ситуации.

Правомерность действий лиц, ответственных за освобождение заложников, в случае выполнения требований террористов определяется нормой о крайней необходимости. С целью недопущения вреда – смерти заложников – вред причиняется иным отношениям, охраняемым уголовным законом. Например, когда сотрудники правоохранительных органов передают террористам, захватившим заложников, деньги, оружие, наркотики, ради избежания расправы с заложниками. Таким образом, в случае наличия опасности для жизни и здоровья людей и возможности устранения опасности иными способами следует допускать причинение вреда другим объектам уголовно-правовой охраны и рассматривать этот способ как крайний для устранения опасности, чем действовать в рамках риска. Еще Н.С. Таганцев отмечал, что в подобных ситуациях «нужно отказаться от всякой априорной квалификации прав и решить вопрос об их сравнительной важности сообразно с индивидуальными особенностями каждого случая, т.е. признать ссылку на необходимость, заслуживающую уважение, коль скоро в данном случае защищаемое благо представлялось для защищавшегося несомненно выше нарушенного»¹.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что при конкуренции объектов уголовно-правовой охраны при реализации крайней необходимости в ситуации освобождения захваченных лиц приоритет всегда отдается жизни заложников как высшей ценности. Однако спасение жизни одних людей за счет умышленного лишения жизни других недопустимо.

---

¹Таганцев Н.С. Указ. соч. - Т. 1. - С. 221.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование применения крайней необходимости и иных обстоятельств, исключающих преступность деяния при освобождении заложников позволяет сделать следующие выводы.

Захват людей в качестве заложников был известен истории начиная с древнейших времен. Однако в российское законодательство данный вид преступления пришел из международного права в результате ратификации СССР Международной конвенции «О борьбе с захватом заложников» в 1987 году.

В настоящее время Уголовным кодексом России захват заложников предусмотрен ст. 206. В отличие от других преступлений (например, убийства, краж, грабежей) захват заложников ставит перед сотрудниками правоохранительных органов двуединую задачу: во-первых, освобождения захваченных лиц и, во-вторых, нейтрализации преступников, осуществивших захват.

Захват заложников является экстремальной ситуацией, в которой правоохранительные органы обязаны выполнять профессиональные задачи. При освобождении захваченных и нейтрализации преступников не исключено причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам. Причиняемый вред носит вынужденный характер, применяется сотрудниками правоохранительных органов в общественно полезных целях – освобождения заложников и задержания преступников и регулируется институтом обстоятельств, исключающих преступность деяния.

При захвате заложников вред причиняется в целом общественно значимым интересам – обеспечению безопасности условий жизни общества. Кроме того, захват заложников одновременно ставит в опасность жизнь, здоровье, собственность многих лиц. Ущерб может быть причинен различным интересам – жизни или здоровью личности, ее правам и свободам, собственности, нормальной деятельности учреждений, общественному порядку. Поэтому в процессе освобождения заложников и нейтрализации преступников в деятельности правоохранительных органов реализуются нормы о необходимой обороне, причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости и обоснованного риска. Следовательно, захват заложников как основание применения обстоятельств, исключающих преступность деяния, может рассматриваться как общественно опасное посягательство (при применении ст. 37, 38 УК); как источник грозящей опасности

(при применении ст. 39 УК); и как основание применения нормы об обоснованном риске (ст. 41 УК).

Право сотрудников правоохранительных органов на необходимую оборону порождается общественно опасным посягательством (захватом заложников) на правоохраняемые интересы (общественную безопасность). При захвате заложников сотрудники правоохранительных органов (обороняющиеся) обязаны защищать интересы заложников, общества и государства в целом. Для них действия в состоянии необходимой обороны при освобождении заложников являются профессиональной обязанностью. Для сотрудников целого ряда подразделений в системе МВД России освобождение заложников является их должностной обязанностью.

Состояние необходимой обороны возникает у сотрудников правоохранительных органов в ходе выполнения задачи по нейтрализации преступников. Однако данная задача не является первоочередной в отличие от задачи освобождения заложников. При этом вынужденное причинение вреда заложникам сотрудниками правоохранительных органов в рамки необходимой обороны не укладывается.

С нормой о крайней необходимости тесно связан обоснованный риск. Рискованные действия, на которые могут пойти сотрудники правоохранительных органов, освобождая заложников, также, как и в состоянии крайней необходимости, направлены на выполнение главной составляющей двуединой задачи – на спасение и освобождение заложников. Главным же отличием обоснованного риска от крайней необходимости является то, что при обоснованном риске тот, кто рискует, стремится к недопущению причинения вреда. Лицо, идущее на риск, считает, что вред не будет причинен. Таким образом, при обоснованном риске рискующее лицо, учитывая, что им предприняты достаточные меры, допускает причинение вреда как маловероятное.

Необходимость освобождения заложников возможна двумя основными вариантами действий – силовым методом освобождения заложников и не силовым. Безусловно, предпочтение должно отдаваться несиловому методу освобождения захваченных лиц, то есть происходящему путем переговоров. Однако и переговорный процесс, и штурм (применение оружия, спецтехники, спецсредств для освобождения заложников) могут рассматриваться и как состояние обоснованного риска, и как состояние крайней необходимости.

Анализ обстоятельств, исключающих преступность деяния, показал, что ни одно из обстоятельств полностью не решает двуединую задачу освобождения заложников и нейтрализации преступников. Каждое из рассмотренных обстоятельств находит свое применение при освобождении заложников, но в связи с тем, что защите личности отдан приоритет как высшей ценности, на первом месте находится поиск путей для освобождения захваченных. Неизбежное причинение вреда заложникам чаще всего оценивается по правилам крайней необходимости.

Автор пришел к выводу, что действия лиц, освобождающих заложников, нельзя оценивать с точки зрения только необходимой обороны или причинения вреда при задержании лица, совершившего захват заложников. Состояние необходимой обороны и задержание лица предполагают причинение вреда только нападающему, при захвате же заложников не исключена угроза причинения им вреда, что и свидетельствует о состоянии крайней необходимости.

При разграничении обоснованного риска и крайней необходимости мы выяснили, что обоснованный риск при освобождении заложников также имеет место, однако чаще всего, сотрудники правоохранительных органов при освобождении захваченных действуют в состоянии крайней необходимости. Поэтому при освобождении заложников в большинстве случаев находит свое применение норма о крайней необходимости.

Конституция Российской Федерации объявила человека, его права и свободы высшей ценностью и указала, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2). Таким образом, для защиты жизни закон разрешает причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам. Подобная ситуация называется крайней необходимостью.

Причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны – заложникам, имуществу, собственности третьих лиц в состоянии крайней необходимости будет оправдано при соблюдении условий правомерности крайней необходимости.

Захвату и освобождению заложников как ситуации экстремального характера присуща конкуренция охраняемых интересов, которые в той или иной мере подвергаются негативному воздействию. Именно в данном случае под угрозу причинения вреда одновременно попадает значительное число объектов уголовно-правовой охраны: жизнь, здоровье, достоинство граждан, взятых в заложники, работников правоохранительных органов, нормаль-

ный порядок функционирования государственных органов, собственность, общественный порядок и общественная безопасность в целом. В связи с этим возникает необходимость определения приоритетов интересов в процессе реализации крайней необходимости при освобождении заложников.

Конкуренция объектов уголовно-правовой охраны в процессе реализации крайней необходимости при освобождении заложников основана на причинении вреда правоохраняемым интересам как неперемennого атрибута крайней необходимости. Однако правомерность причинения вреда в состоянии крайней необходимости возможна при условии, что вред причиненный будет менее значительным, чем предотвращенный.

Понятие крайней необходимости регламентируется различными отраслями права, что свидетельствует о том, что крайняя необходимость является комплексным межотраслевым институтом. Уголовно-правовая регламентация крайней необходимости отлична от аналогичных норм в гражданском и административном праве. Только уголовный закон предусматривает преступления против жизни и здоровья личности, закрепляя их в качестве основных объектов уголовно-правовой охраны. Гражданское законодательство крайнюю необходимость рассматривает с точки зрения возмещения вреда.

Ситуации освобождения заложников как одному из источников опасности при крайней необходимости посвящен лишь один ведомственный нормативно-правовой акт. Несмотря на наличие нормативно-правовых актов, касающихся регламентации действий сотрудников правоохранительных органов в чрезвычайных ситуациях, все действия, связанные с причинением вреда в состоянии крайней необходимости при освобождении захваченных лиц, будут оцениваться в соответствии с нормами уголовного законодательства Российской Федерации. Освобождение заложников - это, прежде всего, вопрос сохранения человеческих жизней. Будучи объектом уголовно-правовой охраны, жизнь человека - это прерогатива уголовного, а не гражданского и административного законодательства.

Автором предложены изменения в действующую редакцию ряда статей УК РФ, а также разработаны правовые основы деятельности сотрудников правоохранительных органов по освобождению заложников с учетом норм уголовного законодательства об обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Официальные документы, нормативные акты

1. Конвенция о преступлениях и некоторых других действиях, совершенных на борту воздушного судна. - Принята в Токио 14 сентября 1963 г. // Участие ОВД и ВВ МВД России в международном сотрудничестве: Сборник документов. Вып. 3. - М., 2000.

2. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов. - Принята в Гааге 16 декабря 1970 г. // Участие ОВД и ВВ МВД России в международном сотрудничестве: Сборник документов. Вып. 3. - М., 2000.

3. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации. - Принята в Монреале 23 сентября 1971 г. // Участие ОВД и ВВ МВД России в международном сотрудничестве: Сборник документов. Вып. 3. - М., 2000.

4. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников. - Принята в Нью-Йорке 17 декабря 1979 г. // Участие ОВД и ВВ МВД России в международном сотрудничестве: Сборник документов. Вып. 3. - М., 2000.

5. Конституция Российской Федерации. - Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. - М., 2005.

6. Уголовный Кодекс Российской Федерации. - М., 2007.

7. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ (с изменениями от 27 июля 2006 года).

8. О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. // Бюллетень Верховного Суда СССР. - 1984. - № 5. - Ст. 10-11.

9. Преступность и правонарушения (1999-2003 гг.). Статистический сборник. - М., 2004.

10. Состояние преступности в России за 2005 г. - М., 2005.

11. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (РФ). - М., 2003. - 943 с.

12. Сборник постановлений Президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. - М., 1981.

13. Судебная практика Верховного Суда СССР. Вып. 8. - М., 1945.

Монографии

14. Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс. – Баку, 1992. – 195 с.
15. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. – М., 1989.
16. Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. – Харьков, 1991. – 359 с.
17. Благов Е.В. Основы применения уголовного права. – Ярославль, 1992. – 78 с.
18. Гринберг М.С. Преступления против общественной безопасности. – Свердловск, 1974. – 178 с.
19. Гринберг М.С. Проблема производственного риска в уголовном праве. – М., 1963. – 120 с.
20. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. – М., 1975. – 182 с.
21. Домахин С.А. Крайняя необходимость по советскому уголовному праву. – М., 1955. – 72 с.
22. Дурманов Н.Д. Обстоятельства, исключаящие общественную опасность и противоправность деяния. – М., 1961. – 62 с.
23. Дурманов Н.Д. Уголовная ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. – М., 1962. – 62 с.
24. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. – СПб., 2002. – 291 с.
25. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М., 1986. – 221 с.
26. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права. – М., 1999. – 287 с.
27. Козак В.Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости. – Саратов, 1981. – 157 с.
28. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложников и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ. – М., 1997. – С. 16-67, 157.
29. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – М., 1980. – 248 с.
30. Курбанов Г.С. Обстоятельства, устранивающие общественную опасность и противоправность деяния. – Баку, 1991. – 124 с.

31. Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. - Л., 1968. - 129 с.
32. Лунеев В.В. Преступность в XX веке. Мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. - М., 1997. - 497 с.
33. Мелехин А.В. Чрезвычайное законодательство России. Монография. - М., 2002. - 172 с.
34. Миддендорф В. Виктимология взятия заложников //Криминалистика (ФРГ, Гамбург). 1974. № 4. - 347 с.
35. Мышляев Н.П. Административная деликтология: вопросы теории и практики: Монография. - М., 2002. - 128 с.
36. Овчинникова Г.В., Павлик М.Ю., Коршунова О.Н. Захват заложника: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические проблемы. - СПб., 2001. - 259 с.
37. Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. - М., 1962.- 179 с.
38. Розин Н.Н. О крайней необходимости. - СПб., 1899. - 238 с.
39. Сидоров Б.В. Уголовно-правовые гарантии правомерного, социально полезного поведения. - Казань, 1992. - 149 с.
40. Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность. - Л., 1956. - 118 с.
41. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию или переговоры без поражения. - М., 1992. - 158 с.
42. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. - Тбилиси, 1963. - 454 с.
43. Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. - М., 2003. - 415 с.

Учебники, учебные пособия, статьи

44. Александров М. Заложники и похитители // Частный сыск. Охрана. Безопасность. - 1996. - № 10.
45. Андреев Н.В. Психологическое обеспечение переговорной деятельности сотрудников ОВД в экстремальных условиях: Учебно-методические материалы. - М., 1997. - 72 с.
46. Антонян Ю.М. Криминология: Избранные лекции. - М., 2004. - 448 с.
47. Анциферов К.П. Исторический анализ заложничества // Уголовное право и современность: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. - Красноярск, 2000.

48. Артюх А.Г. Организация и тактика ведения переговоров при освобождении заложников // Проблемы деятельности ОВД в экстремальных условиях. - М., 1995.

49. Баев А.А., Григорьев В.Н. Организация и тактика первоначальных действий следственной группы при проведении специальных операций по освобождению заложников из летательного аппарата: Учебное пособие. - 2-е издание. - М., 1997. - 32 с.

50. Беляева Н., Орешкина Т., Мурадов Э. Квалификация захвата заложников // Законность. - 1994. - № 7.

51. Бикмашев В.А. Уголовно-правовые аспекты применения оружия сотрудниками органов внутренних дел // Проблемы обеспечения личной безопасности граждан / Труды Академии управления МВД России. - М., 1995.

52. Битеев В., Мазин П., Пономарев Г. Крайняя необходимость и обоснованный риск в медицинских отношениях // Уголовное право. - 2001. - № 3.

53. Бриллиантов А., Бурковская В. К вопросу о направлениях унификации законов государств-участников СНГ о борьбе с терроризмом и захватом заложников // Уголовное право. - 2003. - № 1.

54. Бриллиантов В. Похищение человека или захват заложника? // Российская юстиция. - 1999. - № 9.

55. Буданов А.В. Методика разработки учебных курсов по проблемам личной безопасности сотрудников правоохранительных органов (на опыте США и России): Учебно-практическое пособие. / Под ред. Н.Д. Лазукина. - М., 1998. - 49 с.

56. Буденновск: 7 дней ада: Сборник. - М., 1995. - 144 с.

57. Быков А. Кровавая жара распятого города // Парламентская газета 2005. 11 июня.

58. Винокуров В.Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: Лекция. - Красноярск, 2002. - 47 с.

59. Винокуров В.Н. Содержание и структура норм, регламентирующих причинение вреда в состоянии крайней необходимости // Уголовное право и современность: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. - Красноярск, 2000.

60. Гаухман Л.Д., Максимов С., Сауляк С. Об ответственности за захват заложников и похищение человека // Законность. - 1994. - № 10.

61. Гельфанд И.А., Куц Н.Г. Необходимая оборона по советскому уголовному праву: Учебное пособие. - Киев, 1962. - 46 с.

62. Горелик А.С. Конкуренция уголовно-правовых норм: Учебное пособие. - Красноярск, 1998. - 105 с.

63. Гринберг М.С. Должностные преступления и крайняя необходимость // Советское государство и право. - 1989. - № 5.

64. Гринберг М.С. Об обстоятельствах, исключающих преступность деяния // Социалистическая законность. - 1989. - № 3.

65. Дагель П. Обстоятельства, исключающие виновность субъекта и влияющие на форму вины // Советская юстиция. - 1973. - № 3.

66. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. - М., 1994.

67. Данильцев М. Состояние крайней необходимости при столкновении судов на море // Журнал международного частного права. - 1997. - № 4.

68. Демидов Ю.Н. Уголовно-правовые меры борьбы с правонарушениями в экстремальных условиях: Учебное пособие. - М., 1993. - 76 с.

69. Демидов Ю.Н., Базаров Р.А. Реализация сотрудниками уголовно-правовых норм, исключающих преступность деяния: Учебное пособие. - М., 1993. - 73 с.

70. Дикаев С.У. Общественная безопасность как основной объект уголовно-правовой охраны при терроризме // Следователь. - 2003. - № 7.

71. Дмитриенко А.П. К вопросу о пределах необходимой обороны // Проблемы теории и практики правоохранительной деятельности ОВД: Сборник статей адъюнктов и соискателей. Вып.8. - М., 1997.

72. Довгаль С.Ф. Отграничение обоснованного риска от крайней необходимости // Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального законодательства: Сборник НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. - М., 2002.

73. Донцов С. Правомерность причинения вреда в критических условиях борьбы с преступностью // Советская юстиция. - 1990. - № 6.

74. Елеонский В.А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности ОВД: Учебное пособие. - Хабаровск, 1984. - 108 с.

75. Елисеенко В. Трагедия Буденновска: чеченский рикошет // Русская мысль. 1995. 24-30 июня.

76. Жизнь сильнее смерти // Эхо планеты. 2002. № 45. ноябрь.

77. Журавлев И. Захват заложников: исторические корни и современное положение // Закон и право. - 2002. - № 1.

78. Журавлев И. Ответственность за захват заложников в зарубежном и российском уголовном законодательстве // Закон и право. - 2002. - № 2.

79. Законодательное обеспечение борьбы с терроризмом: Сборник документов и материалов. – М., 2003.

80. Заложники: вчера, сегодня, завтра // Юридический вестник. - 1994. - №№ 14-15.

81. Зрители и заложники // Новое время. - 2002. - № 44.

82. Зуев В.Л., Стеснова Т.И., Корнева Л.С. Проблемные вопросы применения институтов необходимой обороны и крайней необходимости // Проблемы предварительного следствия и дознания: Сборник. - М., 1996.

83. Карташов В.Н. Применение права: Учебное пособие. – Ярославль, 1980. – 74 с.

84. Кауфман М.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: Лекция. - М., 1998.

85. Киреев М.П. Террористы и заложники // Милиция. - 1994. - № 8.

86. Киреев М.П. Терроризм на воздушном транспорте: понятия и проблемы уголовно-правовой борьбы // Криминальные проблемы борьбы с преступностью в сверхкрупном городе: Труды ВНИИ МВД России. - 1994. - № 152.

87. Киреев М.П. Проблема профессионализма при пресечении актов терроризма на воздушном транспорте // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения: Сборник. – М. - 1995. - № 7.

88. Келина С.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: понятие и виды // Уголовное право. - 1999. - № 3.

89. Клишин Ю. Похищение человека, незаконное лишение свободы и захват заложников – преступления разные // Закон. - 2002. - № 6.

90. Ковалев С. Миссия в Буденновск // Новое время. - 1995. - № 26.

91. Коваленко А.С. Квалификация преступлений, совершаемых при превышении границ крайней необходимости // Проблемы борьбы с преступностью: Сборник. – Омск, 1976.

92. Козак В.Н. Уголовная ответственность лиц, превысивших свои полномочия при исполнении служебного долга в состоянии

крайней необходимости // Проблемы неотвратимости ответственности в уголовном праве и процессе. - Калинин, 1984.

93. Комиссаров В. Захват заложников: происхождение нормы, вопросы совершенствования // Законность. - 1995. - № 3.

94. Комиссаров В. Захват заложников: стремление к наживе или преступление от безысходности // Законность. - 1999. - № 3.

95. Кригер Г.А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // Вестник МГУ. Вып. 1. 1959.

96. Криминология. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Э. Эминова. - М., 2000. - 678 с.

97. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под общ. ред. проф. А.И. Долговой. - М., 1997. - 784 с.

98. Криминология: Учебное пособие / Под общ. ред. В.Э. Эминова. - М., 1997. - 65 с.

99. Крылова Н.Е., Серебрянникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): Учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. - М., 1998. - 208 с.

100. Кузнецов А.В. Социология применения норм уголовного права: Лекция. - М., 1976. - 27 с.

101. Курс советского уголовного права: В 6 т. Т. 1. / Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. - М., 1970. - 311 с.

102. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1. - Л., 1968.

103. Курс уголовного права. Общая часть: Учебник для вузов. Т. 1: Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. - М., 2002. - 624 с.

104. Лоховицкий А.В. Курс русского уголовного права: Сочинения А. Лоховицкого. - 2-е испр. и доп. изд., сведенное с кассационными решениями. - СПб., 1871. - 104 с.

105. Лукичев Ю.А., Вахмистрова С.И. Правоохранительные органы Российской Федерации. Полный курс: Учебник. - Изд. 2-е, стереотипное. - СПб., 2000. - 416 с.

106. Лукьянцев Г.Е. О проблематике терроризма в контексте прав человека // Московский журнал международного права. - 2002. - № 2 (46).

107. Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. - 2004. - № 1.

108. Лунеев В.В. Эффективность борьбы с преступностью и ее отдельными видами в современной России // Государство и право. - 2003. - № 7. ю
109. Лысов М. Ответственность за незаконное лишение свободы, похищение человека и захват заложников // Российская юстиция. - 1994. - № 5. ю-
110. Мазин П., Битеев В., Пономарев Г. Обоснованный риск: проблемы толкования и практического применения // Уголовное право. - 2002. - № 1.
111. Майдыков А.Ф. Значение переговорного процесса в освобождении заложников, захваченных террористами. Организация подготовки переговорщиков // Операции по освобождению заложников. - М., 1996.
112. Майдыков А.Ф. Проблемы совершенствования управления ОВД в особых условиях // Проблемы повышения готовности ОВД к охране общественного порядка и безопасности в особых условиях: Сборник материалов научно-практической конференции (ноябрь 1989 г.). - М., 1990. э-
113. Михайлов В.И. О социально-юридическом аспекте содержания обстоятельств, исключающих преступность деяния // Государство и право. - 1995. - № 12. р-
114. Михаль О. Профессиональный (обоснованный) риск при освобождении заложников // Уголовное право. - 2003. - № 1. и
115. Надтока С.В. Вооруженная самозащита от преступников // Проблемы борьбы с криминальным рынком, экономической и организованной преступностью: Материалы конференции. - М., 2001. //
116. Назаркин М.В. Деятельность ОВД на транспорте по борьбе с преступлениями террористического характера // 10 лет борьбы с организованной преступностью, коррупцией, терроризмом: Материалы научно-практического семинара. - М., 2002.
117. Назаркин М.В. Криминологические аспекты терроризма и меры его предупреждения на объектах транспорта // Бюллетень Оперативно-розыскная работа. - 2000. - № 1. та
118. Назаркин М.В. Криминологическая характеристика лиц – участников терроризма // Похищение, захват, исчезновение – преступления террористического характера: Сборник. - М., 2002. -
119. Назаров В., Прошляков В. Захват заложника – закон и практика // Социалистическая законность. - 1991. - № 3. ил

120. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорской судебной практики): Учебное пособие. – Волгоград, 1973. – 176 с.
121. Наумов А.В. Реализация уголовного права и деятельность следователя: Учебное пособие. – Волгоград, 1983. – 83 с.
122. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. – М., 1996. – 560 с.
123. Новиков В.С. Специальная подготовка сотрудников милиции к действиям в условиях, связанных с применением огнестрельного оружия в целях освобождения заложников: Лекция. – М., 1996. – 30 с.
124. Новичков В.Е. Организационная структура обеспечения общественной безопасности // Российский следователь. – 2005. – № 1.
125. Оганян Р.Э. Ответственность за захват заложников по международному уголовному праву // Российская юстиция. – 2002. – № 5.
126. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 13-е изд., исправ. – М., 1981. – 816 с.
127. Организованная преступность, миграция, политика / Под ред. А.И. Долговой. – М., 2002. – 187 с.
128. Орешкина Т. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. – 1999. – № 3.
129. Освободить и уничтожить // Коммерсант-Власть. 2002. 4-10 ноября.
130. Пархоменко С.В. Как усовершенствовать уголовно-правовую регламентацию обоснованного риска // Вестник Российской правовой академии. – 2004. – № 3.
131. Пархоменко С.В. Уголовно-правовая регламентация превышения пределов крайней необходимости // Уголовное право. – 2004. – № 2.
132. Пархоменко С.В. Уголовно-правовое значение обстоятельств, исключающих преступность деяния // Законность. – 2004. – № 7.
133. Петров Е.Е. Философско-криминологические аспекты борьбы с захватом заложников // Безопасность. – 1998. – № 1-2.
134. Портнов И.П. Крайняя необходимость в свете нового уголовного закона // Журнал российского права. – 1998. – № 4-5.
135. Похищение, захват, исчезновение – преступления террористического характера: Сборник научных статей. – М., 2001.

136. Преступность в России и проблемы борьбы с ней / Под ред. проф. А.И. Долговой. - М., 2001. - 244 с. д
137. Римское частное право: Учебник / Под ред. проф. И.Б. Новицкого. - М., 1997. -
138. Рясной И. Есть проблема // Милиция. 1993. Май-июнь.
139. Сапрунов А.Г. Задачи органов внутренних дел на современном этапе борьбы с терроризмом // Антитеррор. - 2002. - № 1. -
140. Сафонов А.Д. О повышении эффективности уголовно-правовой защиты сотрудников милиции // Государство и право. - 1996. - № 2. -
141. Сахаров А.Б. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность // Советское государство и право. - 1987. - № 11. о
142. Свирская И.Б., Андреев Н.В. Переговоры в «ситуации заложника»: характеристика мотивов, личности и групп преступников: Лекция. - М., 1995. - 25 с. -
143. Скобликов П. Незаконное лишение свободы, похищение человека и захват заложников в новом уголовном законодательстве // Законность. - 1997. - № 9. е
144. Словарь административного права - М., 1999. - 320 с.
145. Спасович В.Д. Учебник уголовного права. - СПб., 1983.
146. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. - М., 1994. -
147. Тишкевич И.С. Оборона и необходимость // Законность. - 1992. - № 4-5. -
148. Ткаченко В.С. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, как правовая база защищенности сотрудников правоохранительных органов при осуществлении ими служебной деятельности // Новый УК РФ и вопросы совершенствования борьбы с преступностью: Материалы межведомственной научно-практической конференции. - Челябинск, 1997.
149. Ткаченко В.С. Отграничение необходимой обороны от крайней необходимости // Советская юстиция. - 1979. - № 7. ы
150. Трифонов В.Г. Правовая защищенность личности как признак стабильности конституционного строя // Современное состояние преступности и реформа российского законодательства: Материалы научно-практической конференции. - СПб., 1995. -
151. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. В.П. Ревина. - М., 2000. - 816 с. т:
152. Шарыло Н.П., Прокудина Л.А. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда // Правовые и социальные про- г-

блемы защиты жертв преступлений: Сборник научных трудов и нормативных материалов. – М., 1998.

153. Шатихина Н.С. К вопросу об уголовно-правовой природе компромисса // Правоведение. - 2003 - № 3.

154. Щепельков В.Ф. Проблемы применения норм о крайней необходимости // Пути развития юридической науки и образования в 21 веке: Тезисы докладов научно-практической конференции 25-26 октября 2001 года. – Волгоград, 2001.

155. Энциклопедия государства и права / Под ред. П.И. Стучка. - М., 1930.

156. Якубович М.И. Обстоятельства, исключаящие общественную опасность и противоправность деяния: Учебное пособие. - М., 1979. – 64 с.

157. Яни П. Крайняя необходимость: непреступный вред экономическим преступлением // Закон. - 2000. - № 7.

Диссертации и авторефераты

158. Аликперов Х.Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью: Дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 1992. – 300 с.

159. Антонов В.Ф. Обстоятельства применения института крайней необходимости в деятельности правоохранительных органов: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2000. – 238 с.

160. Атабаева Т.Ш. Необходимая оборона: теория, законодательство, практика применения: Дис. ... канд. юрид. наук. - Барнаул, 2004. – 230 с.

161. Бикмашев В.А. Уголовно-правовые аспекты применения огнестрельного оружия сотрудниками ОВД: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1997. – 163 с.

162. Блинников В.А. Система обстоятельств, исключаящих преступность деяния в уголовном праве РФ: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - Н. Новгород, 2002. – 42 с.

163. Винокуров В.Н. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 1999. – 28 с.

164. Винокуров В.Н. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: Дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 1999. – 208 с.

165. Гринько С.Д. Борьба с террористами и захватом заложника: Дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов-на-Дону, 1998. – 200 с.

166. Журавлев И.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с захватом заложника: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2002. - 189 с.

167. Ильюхов А.А. Обоснованный риск, как обстоятельство исключающие преступность деяния: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2001. - 200 с.

168. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 1999. - 44 с.

169. Киреев М.П. Борьба с терроризмом на воздушном транспорте (уголовно-правовой и криминологический аспекты): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 1995. - 31 с.

170. Киреев М.П. Борьба с терроризмом на воздушном транспорте (уголовно-правовой и криминологический аспекты): Дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 1995. - 305 с.

171. Козлова Н.Н. Уголовная ответственность за захват заложников: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1992. - 21 с.

172. Костюк М.Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях: Дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2000. - 463 с.

173. Мартыненко Н.Э. Похищение человека: уголовно-правовой и криминологический аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1994. - 198 с.

174. Осипов В.А. Захват заложника: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1999. - 21 с.

175. Павлик М.Ю. Актуальные проблемы захвата заложника (уголовно-правовые и криминологические аспекты): Дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 1998. - 197 с.

176. Савенок А.Л. Риск в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Минск, 1997. - 18 с.

177. Шкабин Г.С. Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2004. - 191 с.

178. Шурдумов А.Ю. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающие преступность деяния. Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2003. - 198 с.

**Правовые основы деятельности
сотрудников правоохранительных органов,
ответственных за освобождение заложников**

Конституция России

Ст. 2. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Ст. 20. Каждый имеет право на жизнь.

Ст. 22. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

Ст. 27. Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства.

Ст. 45. Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется.

Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Закон Российской Федерации «О милиции»

Ст. 2. Задачи милиции

Задачами милиции являются:

- 1) обеспечение безопасности личности;
- 2) предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений;
- 3) выявление и раскрытие преступлений;
- 4) охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности;
- 5) защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности;
- 6) оказание помощи физическим и юридическим лицам в защите их прав и законных интересов в пределах, установленных настоящим Законом.

I.

Ведомственный нормативный акт

Освобождение заложников и задержание лиц, их захвативших, осуществляются путем проведения комплекса специальных мер под руководством оперативного штаба по единому плану. Цель операции – недопущение расправы (насилия) над заложниками, их освобождение, задержание лиц, организовавших и совершивших захват заложников, обеспечение привлечения виновных к ответственности согласно законам Российской Федерации.

Статья 206 УК РФ Захват заложника

1. Захват или удержание лица в качестве заложника, совершенные в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника, -

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

2. Те же деяния, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) утратил силу;

в) с применением насилия, опасного для жизни и здоровья;

г) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;

д) в отношении заведомо несовершеннолетнего;

е) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

ж) в отношении двух или более лиц;

з) из корыстных побуждений или по найму, -

наказываются лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены организованной группой либо повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, -

наказываются лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет.

Примечание. Лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Федеральный закон «О противодействии терроризму»

Ст. 2. Основные принципы противодействия терроризму

Противодействие терроризму в Российской Федерации основывается на следующих основных принципах:

1) обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;

2) законность;

3) приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности;

11) недопустимость политических уступок террористам.

Ст. 3. Основные понятия

3) **Террористический акт** – совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях;

5) **Контртеррористическая операция** – комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта.

II.

Операция по освобождению заложников начинается, как правило, с переговоров об их освобождении.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» (Ст. 16 Ведение переговоров в ходе контртеррористической операции)

1. В целях сохранения жизни и здоровья людей возможно ведение переговоров лицами, специально уполномоченными на то руководителем контртеррористической операции.

2. При ведении переговоров с террористами не должны выдвигаемые ими политические требования.

Ведомственный нормативный акт (Правила ведения переговоров)

- Учитывать, что переговоры с лицами, захватившими заложников, - это гуманное и исключительно трудное дело;

- Не уклоняться от рассмотрения незначительных просьб лиц, захвативших заложников;

- При любом обещании выполнить пожелания лиц, захвативших заложников, давать им понять необходимость и логичность получения уступок взамен.

III.

Переговоры об освобождении заложников осуществляются, как правило, в рамках применения нормы о крайней необходимости.

Статья 39 УК РФ Крайняя необходимость

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым

М

законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости.

2. Превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

IV.

Одновременно с ведением переговоров руководитель операции ставит командиру спецподразделения задачу освобождения заложников с применением силы на случай недостижения конечной цели ненасильственными способами.

Если переговорами не удастся достичь цели освобождения заложников, то сотрудники правоохранительных органов, защищая жизни заложников, их права и другие охраняемые интересы общества или государства, обязаны отразить посягательство путем причинения вреда нападающим (преступникам).

Причинение вреда нападающим (лицам, захватившим заложников) при отражении посягательства рассматривается как действие в состоянии необходимой обороны.

Статья 37 УК РФ Необходимая оборона

1. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

2. Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов

необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства.

2.1. Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения.

3. Положения настоящей статьи в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

Однако если лицо, совершившее захват заложников, пытается скрыться с места преступления, то причинение вреда при его задержании рассматривается как причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Статья 38 УК РФ

Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление

1. Не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер.

2. Превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, признается их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случае умышленного причинения вреда.

При освобождении заложников и задержании преступников, их захвативших, возможно применение и нормы об обоснованном риске.

Статья 41 УК РФ Обоснованный риск

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели.

2. Риск не признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам.

3. Риск не признается обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия.

IV.

При освобождении заложников и задержании преступников, их захвативших, сотрудниками правоохранительных органов применяются специальные средства и огнестрельное оружие в соответствии с требованиями законов Российской Федерации.

Применение и использование огнестрельного оружия (ст. 15 Закона «О милиции»)

Сотрудники милиции имеют право применять огнестрельное оружие:

1. Для защиты граждан от нападения, опасного для их жизни или здоровья.

2. Для отражения нападения на сотрудника милиции, когда его жизнь или здоровье подвергаются опасности. А также для пресечения попытки завладения его оружием.

3. Для освобождения заложников.

4. Для задержания лица, застигнутого при совершении тяжкого преступления против жизни, здоровья и собственности и пытающегося скрыться, а также лица, оказывающего вооруженное сопротивление.

5. Для отражения группового или вооруженного нападения на жилища граждан, помещения государственных органов, организаций и общественных объединений.

6. Для пресечения побега из-под стражи; лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления; лиц, в отношении которых мерой пресечения избрано заключение под стражу, лиц, осужденных к лишению свободы; а также для пресечения попыток насильственного освобождения этих лиц.

Сотрудники милиции имеют право, кроме того, использовать огнестрельное оружие в следующих случаях:

1. Для остановки транспортного средства путем его повреждения, когда водитель создает реальную опасность жизни и здоровью людей и не подчиняется неоднократным законным требованиям сотрудника милиции остановиться.

2. Для обезвреживания животного, непосредственно угрожающего жизни и здоровью людей.

3. Для производства предупредительного выстрела, подачи сигналов тревоги или вызова помощи.

Запрещается применять оружие

В отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности и несовершеннолетних, когда возраст очевиден или известен сотруднику милиции, кроме случаев оказания ими вооруженного сопротивления, совершения группового или вооруженного нападения, угрожающего жизни людей, а также при значительном скоплении людей, когда от этого могут пострадать посторонние лица.

Статья 37 УК РФ Необходимая оборона

1. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

**Условия и пределы применения физической силы,
спецсредств и огнестрельного оружия**
(ст. 12 Закона РФ «О милиции»)

Милиция имеет право применять физическую силу, спецсредства и огнестрельное оружие только в случаях и порядке, предусмотренных настоящим Законом. Сотрудники милиции обязаны проходить специальную подготовку, а также периодическую проверку на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, спецсредств и огнестрельного оружия.

При применении физической силы, спецсредств или огнестрельного оружия сотрудник милиции обязан:

- Предупредить о намерении их использовать, предоставив при этом достаточно времени для выполнения требований сотрудника милиции, за исключением тех случаев, когда промедление в применении физической силы, спецсредств или огнестрельного оружия создает непосредственную опасность жизни и здоровью граждан и сотрудников милиции, может повлечь иные тяжкие последствия или когда такое предупреждение в создавшейся обстановке является неуместным или невозможным.

- Стремиться в зависимости от характера и степени опасности правонарушения и лиц, его совершивших, и силы оказываемого противодействия к тому, чтобы любой ущерб, причиняемый при этом, был минимальным.

- Обеспечить лицам, получившим телесные повреждения, предоставление доврачебной помощи и уведомление в возможно короткий срок их родственников.

- Уведомить прокурора о всех случаях смерти или ранения.

Применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия с превышением полномочий влечет за собой ответственность, установленную законом.

Применение физической силы
(ст. 13 Закона РФ «О милиции»)

Сотрудники милиции имеют право применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, для пресечения преступлений и административных правонарушений, задержания лиц, их совершивших, преодоления противодействия законным требовани-

ям, если ненасильственные способы не обеспечивают выполнения возложенных на милицию обязанностей.

Применение специальных средств (ст. 14 Закона РФ «О милиции»)

Сотрудники милиции имеют право применять специальные средства, имеющиеся на вооружении милиции, в следующих случаях:

1. Для отражения нападения на граждан и сотрудников милиции.
2. Для пресечения оказываемого сотруднику милиции сопротивления.
3. Для задержания лица, застигнутого при совершении преступления против жизни, здоровья или собственности и пытающегося скрыться.
4. Для задержания лиц, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они намерены оказать вооруженное сопротивление.
5. Для доставления задерживаемых лиц в милицию, конвоирования и охраны задержанных, а также лиц, подвергнутых административному аресту и заключенных под стражу, когда они своим поведением дают основание полагать, что могут совершить побег либо причинить вред окружающим или себе, или оказывают противодействие сотруднику милиции.
6. Для освобождения насильственно удерживаемых лиц, захваченных зданий, помещений, сооружений, транспортных средств и земельных участков.
7. Для пресечения массовых беспорядков и групповых действий, нарушающих работу транспорта, связи и организаций.
8. Для остановки транспортного средства, водитель которого не выполнил требование сотрудника милиции остановиться.
9. Для выявления лиц, совершающих или совершивших преступления.

Запрещается применять спецсредства

В отношении женщин с видимыми признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности и малолетних, кроме случаев оказания ими вооруженного сопротивления, совершения группового либо иного нападения, угрожающего жизни и здоровью лю-

дей, а также при пресечении незаконных собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций ненасильственного характера, которые не нарушают работу транспорта, связи, организаций.

Освобождение от ответственности за причинение вреда

Федеральный закон «О противодействии терроризму», ст. 22

Лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда здоровью или имуществу такого лица либо иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством Российской Федерации, являются правомерными.

Закон «О милиции», ст. 23

Сотрудники милиции не несут ответственности за моральный, материальный и физический вред, причиненный правонарушителю применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, если причиненный вред соразмерен силе оказываемого противодействия.

Научное издание

Эльмира Равилевна Гафурова

Применение крайней необходимости и иных обстоятельств,
исключающих преступность деяния
при освобождении заложников

Монография

Старший редактор Ломаева Е.В.
Технический редактор Копотева Т.И.
Корректор Безруких Е.Б.

Сдано в производство 06.2008 г. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,6.
Заказ № 20. Тираж 50 экз.

Организационно-научная и редакционно-издательская группа
Ижевского филиала Нижегородской академии МВД России

Отпечатано на ризографе ИФ НА МВД России,
426021, г. Ижевск, гор. Машиностроителей, 114.